В память о родителях Ване и Вале, бабушке Марии

В напоминание детям Марии и Дмитрию

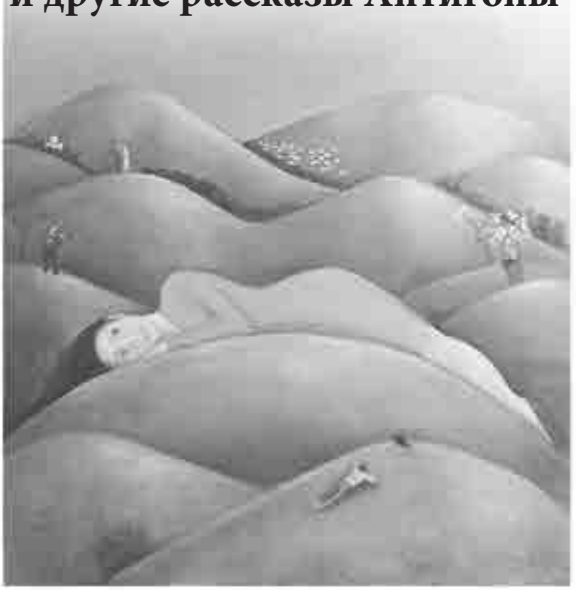
Посвящаю грекам России, Грузии, Украины и Казахстана

Всем грекам мира

София Прокопиди

Бабка Лемона уходит в Рай

и другие рассказы Антигоны



Нонпарелъ
Москва
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Художник Лия Элефтериаду

Прокопиди С.
Бабка Лемона уходит в Рай и другие рассказы Антигоны// София Прокопиди. — М.: Нонпарелъ, 2016. — 152 стр. с илл.

ISBN 978-5-9903549-2-0

«Бабка Лемона уходит в Рай» – сборник прозы греческой писательницы и журналистки Софии Прокопиди. В книгу вошли девятнадцать остросюжетных новелл, рассказывающих о жизни греков в СССР и об осуществлении их главной мечты – возвращении на историческую родину. Их объединяет главная героиня по имени Антигона. Уже в названиях рассказов автор постаралась подчеркнуть знаковость эпохи, в которую довелось жить её героям, и эмоциональный накал историй – «Маленький Сталин», «Как дядя Костя плюнул в Ленина», «Мальчик Ахиллес и Ворошилов», «Мой двоюродный брат король Константин», «Бабушка Мария, Сталин и кот», «Везение Путина», «Отец Ваня», «КПСС и почка Антигоны», «Гомер и Мария Каллас», «Тайное общество "Педагогическая этерия"», «Свадьба "25 марта"», «Бабушка – расистка», «Бабка Лемона уходит в Рай», «Сладкий инжир», «Театр Ахиллеса», «Дядя Коля, тётя Соня и их свинья Катька», «Отец Ваня», «Валя, велосипед и любовь Вани», «Чемодан чёрной икры».

Издательство «Нонпарелъ» и автор благодарят за помощь в издании этой книги Фёдора Александровича Карафулиди.

© С. Прокопиди, текст, 2016
© Лия Элефтериаду, илл., 2016
© Оформление, «Нонпарелъ» 2016

Предисловие

Дорогой мой читатель! Перед тобой – сборник рассказов в переводе с греческого языка, герои его – черноморские или кавказские греки. Мы – греки, ромэи или «понтийцы» от древнегреческого слова «понтос», что означает «море», – прямые потомки древних греков. Язык нашего общения на протяжении тысячелетий – древнегреческий, с его лексикой, грамматикой и синтаксисом. До сих пор детям мы даём имена древних предков: Ясон, Платон, Сократ, Софокл, Демокрит, Аристотель, Ахиллес, Орфей, Электра, Ифигения, Антигона, Медея, Афина… А наш национальный танец «Пирихиос» подробно описан Гомером в «Илиаде». Представьте: сидя на кухне за чашечкой кофе, мы общаемся между собой на том самом языке, на котором великий Платон писал «Апологию Сократа». На этом же языке философ Сократ убеждал мир, что истинные знания содержатся в скрытом виде в человеческой душе и вывести их на свет сознания каждый должен сам.

Наступило время мне поведать миру, кто же мы такие, черноморские греки, подвергавшиеся большим испытаниям на протяжении многих веков, а в XX веке потерявшие навсегда Родину – Понт, с центром в городе Трапезунда (современная Турция). Наш народ стал народом-беженцем, и судьба нас разбросала по всему миру. Сотни тысяч греков нашли кров и убежище в России и Грузии, Украине и Казахстане, Европе и Америке... Жертвами трагедии геноцида понтийского эллинизма в 1922 году стали более, чем 353 тысяч человек. Мы помним и чтим их память!

Этот сборник рассказов я написала в 2010 году на греческом языке и оглавила его «Μια Βαλίτσα μαύρο χαβιάρι», что в переводе с греческого означает «Чемодан чёрной икры», по одноимённой новелле. Могу признаться, что история с чемоданом – правдивая история, как впрочем, и все почти мои рассказы. Вот так сама

жизнь часто подбрасывает нам символические или знаковые события. Ведь на самом деле наш народ уникален, силен и богат, как редкая чёрная икра, вкуса которой, как оказалось, в Греции не понимают. Здесь греков из бывшего СССР часто называют «росопонтийцами». Но в этом ведь есть и доля правды: мы не только народ, сохранивший основы древнегреческого языка, в Греции мы ещё и носители русской культуры и языка.

Сборник с восемнадцатью новеллами греческий читатель полюбил, это меня осчастливило. Не стану цитировать и переводить рецензии и отзывы читателей, известных в Греции людей, среди которых такие, как певица Мария Фарантури, профессор-эллинист Яннис Тулумакос, известные греческие журналисты Анна Панайотареа, Спирос Кузинопулос, Лиана Александри, Георгиос Логофетис, Христос Телидис.

Я часто говорю о своей книге как о своем детище и предлагаю прочитать её. Может быть, это и не скромно, но я вижу здесь свою миссию журналиста, а значит, просветителя. Обычно советую не читать её подряд, чтобы не наскучило, а обращаться к разным рассказам в различное время: сегодня – один, завтра – другой и так, может быть, западёт что-то в душу, на что я, конечно, очень надеюсь.

Несмотря на правдивость историй и реальность некоторых имен и фамилий, в рассказах много выдуманного, поэтому попрошу вас, уважаемые читатели, не пытаться искать непогрешимых фактов во всём без исключения и прошу заранее извинить меня, если что-то не так вам показалось и если вдруг, по случайности, кого-то обидела.

Главная героиня книги – Антигона. Она вместе с другими героями рассказов, как гомеровский Одиссей, прошла через множество испытаний, чтобы вернуться в Итаку, к самой себе. Именно там, при постижении себя, своих корней, обретает она главные ценности и смысл жизни: любовь и душевную чистоту, смирение, и, конечно же, глубокую веру в Бога. Все они: бабка

Лемона, Маленький Сталин, тётя Соня и дядя Коля, Ахиллес, дядя Костя, бабушка Мария, Гомер, Валя, Ваня и сама Антигона великие оптимисты-жизнелюбы, потому что абсолютно точно знают: в любом слове «конец» спрятано «начало»…

София Прокопиди
sofia8prokop@gmail.com

Бабка Лемона уходит в Рай

Яя * – бабушка Лемона наконец-то почувствовала, что умирает. В ожидании последней минуты она попросила, чтобы ей приготовили хави́ц – кашу из кукурузной муки, обильно сдобренную растопленным на сковороде ароматным сливочным маслом. Антигона бросила домашние уроки и первая побежала к дому соседки, чтобы увидеть её перед смертью. Все хотели посмотреть на любимую я́ю – бабушку Лемону и заодно убедиться, что она на самом деле, а не понарошку, умерла.

– Перед смертью всегда хочется скушать что-нибудь вкусное на радость душе, – поясняли старшие детям. И, действительно, все смотрели с недоумением на бабку Лемону, которая прежде, чем покинуть этот мир, с огромным аппетитом, полная жизненных сил, ела кашу. В знак удовлетворения она то и дело покачивала головой, причмокивала языком и всем видом показывала радость. Вокруг неё столпились прапраправнуки, внуки и просто соседские дети, которые пришли лишний раз поглазеть на бабку Лемону. Янис – самый старший из её праправнуков – пробежался по всему кварталу и сообщил всем: «Я́я Лемона сегодня утром сказала, что уходит в Рай и зовет всех к себе, чтобы попрощаться!». Сколько лет бабке Лемоне, никто не знал. Она совершенно неопределённого возраста и помнила много интересных историй из жизни – даже всё, что прожито на Понте. Но её память удержала в себе только самые приятные события, почему-то выбросив напрочь все беды, пережитые ею и её семьей, которая бежала в Россию ещё до наступления хаоса, в 1910 году. Истории бабка Лемона рассказывала каким-то совершенно непостижимым образом, как если бы не «выхватывала» события из памяти, а придумывала их на ходу, включая на полную мощь богатое воображение. Никто не знал, верить ли ей или нет, правду ли

* Яя [*giagia*] – в переводе с греческого языка – «бабушка».

она говорит или небылицы? Истории её похожи на продолжение её сказок, которых она знала великое множество. Жизнь в Советском Союзе вычеркнула из памяти Лемоны родной Понт, как будто греки и не жили там на протяжении веков… Понт полностью стерся из людских воспоминаний; остались только ощущения да запахи любимой пищи, певучие звуки народной речи и кеменджe – понтийской лиры. А ещё осталась в сердце каждого грека сокровенная мечта об отчизне – Элладе. Мечта жить в Греции – настолько явная, словно этот народ никогда не уходил с её земель, основывая новые города на побережье Понта Эвксинского. Все хотели оказаться навсегда там, где можно открыто почитать Бога Христа и Панагию.

Никто уже не мечтал и не говорил о Понте вслух. Эти воспоминания остались в легендах и передавались из поколения в поколение как красивые сказки. Так легче целому народу отказаться от прошлого и от земли, которая их родила. Отказаться навсегда, потому что возврата туда уже не было…

Бабушку Лемону все соседские дети любили за её сказки-страшилки о людоедах. Только она могла рассказывать их на понтийском языке так хорошо, что местная детвора не оставляла её в покое. Они заставляли её повторять эти сказки снова и снова. И каждый раз одну и ту же сказку они слушали, как впервые! Лемона рассказывала: людоеды – страшные и сильные, с одним глазом во лбу. Они – огромные, но глупые и высокомерные. Бабушка Лемона всегда говорила детям, чтобы они не боялись страшных и недалеких людоедов. «Ум – величайшая сила человека!» – она советовала детям усердно выполнять домашние уроки. «Образованный всегда вооружён; он самый сильный», – наставляла неграмотная Лемона. В советском колхозе она только-то и научилась ставить подпись корявыми буквами, не похожими ни на греческие, ни на русские. Но на этот раз бабушка Лемона уже не рассказывала байки. То, что она объявила правнукам, что собирается умереть, – чистая правда. Лемона разрешила родным пригласить соседей, чтоб и

те увидели, как она будет умирать, и заодно, чтобы попрощались с ней, пожелали бы ей доброго пути. Всё это было похоже на правду, но многие из присутствующих не до конца поверили ей, потому что привыкли: от Лемоны можно ожидать чего угодно! Она всегда умела быть в центре внимания. Однажды, несколько лет тому назад, разнёсся слух, что Лемона приказала долго жить. Соседи кинулись провожать старушку в последний путь, прибежали к ней домой, а та, живая и невредимая, стояла у плиты и жарила «пишия» – пончики из теста.

– А я просто хотела убедиться, насколько вы меня любите. Так ли сильно любите, как говорите! – посмеиваясь, оправдывалась Лемона, пряча глаза.

– Ну ладно! Раз я вам так дорога, то, пожалуй, поживу ещё несколько лет! – осмелилась заявить она толпе собравшихся соседей. Но уже поздно признаваться в шутке, которую она устроила. Новость о «смерти» Лемоны моментально разлетелась и по другим кварталам и районам Джамбула, даже в Каратау об этом узнали, и я́я Лемона ходила «в покойницах» ещё несколько недель. Знакомые и родственники из далёких мест продолжали приходить к ней домой, чтобы выразить соболезнование двум её дочерям. Лемона теперь уже чувствовала себя неловко и не знала, куда спрятаться от сердобольных посетителей. С самого утра она убегала из дома, оставляя там старшую дочь, также старушку. Так ходила она по гостям до позднего вечера…

«Хавиц» Лемона съела, сидя в кровати, и, когда она положила в рот последнюю ложку с кашей, улеглась поудобнее, медленно натянув на себя одеяло до самого подбородка, как если бы ей вдруг захотелось спрятаться под этим толстым одеялом из верблюжьей шерсти. Чтобы не обидеть людей, пришедших с ней попрощаться навсегда, она выпростала из-под одеяла голову, смотря на всех с виноватой улыбкой. Собравшиеся вокруг её кровати теперь видели только её улыбающееся личико. Лемона всю жизнь весёлая, она всегда умела рассмешить. Даже в старости лицо у неё оставалось по-девичьи улыбчивым, с выражением

радости. С таким лицом нелегко умереть, а если уж кто и умирает, то обязательно попадает в Рай.

Вот и пришёл час разлуки, и на этот раз всё произошло вправду.

Лемона просто прикрыла веки и… ушла. Ушла из жизни так просто, как будто погасила в детской комнате свет. Она ушла, но никто не услышал испуганного плача. Даже малыш на руках Парфены не собирался нарушить эту печальную, торжественную минуту. Младенец, которому при крещении дали имя Авраам (конечно же, в честь деда), смотрел на всех вокруг совершенно серьёзно, как бы говоря, что он-то всё понимает и ничему не удивляется: «ничего не поделаешь – такова жизнь!». Дети – прирождённые мудрецы, но, взрослея, с годами, в житейских передрягах, они теряют этот божественный дар, который редко к кому потом возвращается. На этот раз бабушка Лемона действительно ушла из жизни. К её губам приложили холодное зеркало, чтобы проверить, покинула ли душа её тело. Как только все удостоверились в её смерти, сразу засуетились, заговорили наперебой и начали строить планы похорон. И в этой общей щемящей радости не было ничего странного. Ведь это прекрасно прожить долгую жизнь и уйти в Рай, когда сам того захочешь, да ещё в последний миг собрать вокруг себя всех тех, кого ты любишь и кто любит тебя, чтоб попрощаться с ними навсегда.

Тетя Соня, дядя Коля и их свинья Катька

Тётя Соня и дядя Коля жили радостно. Они всегда были в хорошем настроении и любили всех соседей. Любовь освещает человека изнутри, потому что она наполняет его жизнью. Летом в их дворе постоянно толпились гости, а зимой они вместе с домочадцами перебирались на кухню. Соседей, родственников, даже случайных прохожих тётя Соня завораживала волшебным талантом гостеприимства. Сначала она, как добрая фея, варила кофе. Но это был целый процесс! Первым делом надо поджарить кофейные зёрна на специальной, только для кофе, чугунной сковородке. Потом – высыпать поджаренные зерна на льняное полотенчико для того, чтобы они остыли и ушёл жар. Затем тётя Соня брала старинную ручную кофемолку из меди, отделанную чеканкой с древнеарабскими письменами. Никто не знал, что на ней написано. Тёте Соне кофемолка досталась от бабушки, которая привезла её с Понта. Однажды сосед, армянин, пошутил по этому поводу, сказав: там написано о вечном кайфе от кофе.

– А что ещё можно написать на кофемолке?! – подытожил Ашот. Потом уже тётя Соня варила кофе в такой же старинной медной турке. Помешивая кофе, она становилась похожа на настоящую добрую волшебницу, которая заваривает чудесное снадобье счастья. После того, как гости выпивали долгожданный напиток из небольших фарфоровых кофейных чашечек, тётя Соня начинала гадание на кофейной гуще… И, несмотря на то, что она про всех всё знала, всегда «находилось» ещё какое-нибудь пикантное, неизвестное никому из присутствующих событие.

Её гадание было публичным, все, как в театре, слушали про будущее всех. То ли ей верили абсолютно, то ли она на самом деле имела дар предвидения, но часто из того, что предсказывала тётя

Соня, сбывалось всё или же почти всё… Весь этот кофейный сеанс каким-то образом заканчивался застольем. При этом тётя Соня никогда не прерывала начатого за кофе разговора о жизни, следя за развитием событий. Приветливо улыбаясь, она одновременно замешивала фарш, закручивала голубцы, чистила картошку... Так, совершенно неожиданно, ничего не подозревавшие гости оказывались перед накрытым столом, полным разных вкусностей.

– Ой, да мы ведь забежали только на кофе! Мы не голодны!– отнекивались соседи, с трудом скрывая разыгравшийся аппетит.

– Нет-нет! Сперва покушаете, а потом уж пойдёте, куда вам надо. Никто из моего дома голодным не выйдет! – настаивала тётя Соня, выказывая твердую решимость. Но в этом и была вся Соня, и не так-то легко от неё отпереться. Время рядом с ней не шло, а бежало. Соседи приходили каждый день и, чтобы не выглядеть незваными гостями, приносили Соне угощения да ещё холодного вина в глиняных кувшинах. Так каждодневный тётин Сонин «утренник» затягивался до полудня.

Когда маленькая Антигона познакомилась с тётей Соней и дядей Колей, которые тогда жили в небольшом городке в ста пятидесяти километрах от Сочи, девочка обрадовалась и расстроилась одновременно: оказывается, целых девять лет её жизни прошли, можно сказать, впустую – она даже и не подозревала о существовании таких замечательных родственников. Город, в котором жили дядя с тётей, имел смешное название «Гудаута» и располагался вовсе не в России, а в Абхазии. Но история обретения названия городом трагическая. Оно происходило от имён молодого абхаза, которого звали Гуда, и его любимой девушки по имени Ута. Юные влюблённые, не получив благословения от родителей, не смогли связать жизни и решили соединиться в вечности: крепко обнявшись, они спрыгнули с высокого обрыва… и погибли. Так их история любви стала красивой легендой… Антигоне казалось: весь этот город окутан какой-то фантастической завесой, даже Чёрное море здесь другое: не такое чёрное, как в Сочи, и отливает бирюзой... Гудаута понравилась Антигоне, и она

сразу приписала его к сказочно-реальным городам, в котором живут необычайно добрые люди. Пухленькая, но изящная тётя Соня казалась ей просто прекрасной, а её муж, улыбчивый и голубоглазый дядя Коля, – настоящим красавцем. В их большом двухэтажном доме-дворце все комнаты, кроме одной, пустовали: у них не было денег на мебель, однако прохожие, глядя на него со стороны, невольно задавались вопросом: «Кто же это такой богатый живёт в таком огромном домище?». Единственное, чего не хватало им для полного счастья, так это детей. Они часто говорили на эту больную тему, и тётя Соня каждый раз расстраивалась всё больше и больше. Надежды её растаивали с годами, пролетавшими быстро. Но Бог их пожалел, и они всё же смогли удочерить девочку, взяв из роддома незаконнорожденную малышку, оставленную там юной девушкой, которая убежала из дома, чтобы вдали от близких родить внебрачного ребёнка. Удочерённая девочка выросла в доме тёти Сони и дяди Коли, купаясь в абсолютной любви. Она занималась балетом, музыкой и стала гордостью Сони и Коли. Её назвали Анна, в честь мамы дяди Коли. Но не так долго длилось Сонино материнское счастье. Однажды всё изменилось. Восемнадцатилетняя Анна услышала от кого-то из соседей, что она удочерённая и что её родители на самом деле – не родные ей мама с папой. За доли секунды весёлая и жизнерадостная Анечка превратилась в настоящую фурию. Она предупредила приёмных родителей, что уйдёт от них и покинет их дом. Единственное, чего она хотела, так это найти настоящую мать. Но откуда тётя Соня могла знать, кто её настоящая мать и где она живёт! В родильное отделение Гудауты приняли молодую русскую девушку без документов. Она сказала: её фамилия «Саввулиди», как ей посоветовал акушер. Это фамилия тёти Сони. Местные врачи, её друзья, много лет хотели помочь тёте Соне заиметь ребенка. Тётя Соня, желая окончательно стереть из памяти мысль, что ребёнок не её, даже и не спросила врача, как зовут ту девушку, поспешив уйти домой, прижимая к груди драгоценную ношу. И вот теперь, через восем-

надцать лет, судьба ей уготовила такое испытание! Анна стала совершенно другим человеком – как бы вывернулась наизнанку: хотела уйти из дома, искать родившую её мать и даже бросила им в лицо, что она их… ненавидит. Но Соня ей не поверила, хотя сильно расстроилась… И это при всём том, что Анне сказали не всю правду: дескать, «да, мол, Соня не твоя родная мать, но вот Коля, он-то – настоящий твой отец!» и ещё то, что Анна – плод мимолётной Колиной страсти к её матери, которая принесла новорожденную девочку её отцу и оставила с ним… Этот накрученный сценарий придумала, конечно же, сама тётя Соня, однако, несмотря на все старания, Анна всё-таки покинула их… Она внимательно выслушала историю запретной любви отца и, не сказав ни слова, в один прекрасный день просто исчезла. Анна ушла, не попрощавшись, не оставив записки; ни разу не прислала письма, не позвонила, как если бы она никогда и не была в их жизни. Тётя Соня, убитая горем, всё время плакала и однажды объявила мужу: они должны покинуть это злосчастное место. Это случилось во время распада Советского Союза, когда местные греки начали собирать чемоданы, чтоб уехать в Грецию уже навсегда. Решение уехать в Грецию пришло быстро, но тётя Соня никак не могла продать дом. Так пролетело ещё два года, а потом началась война…

Антигона часто вспоминала о Соне и Коле и всё никак не могла понять, где и в чём могли совершить ошибку эти замечательные люди: их жизнь такая открытая и правильная, они никогда никого не обидели. В их дворе даже животные, с человеческими именами, счастливы с хозяевами. Это кошка Машка и кот Василий, овчарка Джек, попугай Антошка и поросёнок Катька. Поросёнка, конечно, Коля купил «на мясо». Его собирались откормить и после убоя разделать на кавурму. Колбасу и другие мясные изделия, бекон и окорок, греки, в отличие от обрусевших немцев, не выбрасывавших ничего от убитой скотины, не делали.

У Антигоны в детстве, когда они ещё жили в Казахстане, была одна подруга немка – Инга Миллер, и она хорошо знала уклад

жизни этих людей. У немцев много общего с понтийскими греками. Они тоже «иностранцы» в СССР. В Казахстан эти немцы попали с Урала, где впервые появились ещё при императрице Екатерине Великой. Когда началась Вторая мировая война и Германия рассчитывала за три месяца дойти до Урала, Сталин посчитал: этнические немцы способны предать и перейти на сторону фашистов. Все его генералы сомневались, удастся ли остановить вражеские войска под Москвой и Сталинградом. Они также сомневались и в степени патриотизма советских солдат, которые, несмотря ни на что, героически бились насмерть, остановив гитлеровское нашествие.

…Война шла к завершению, фашисты покидали советские земли, но этнические немцы так и остались на долгие годы в Азии, вплоть до 1991 года, когда решили репатриировать на историческую родину, в Германию. О немцах бабушка Мария говорила: «Работяги, хозяйственные люди. И это правда, когда они забивают свиней, ничего даром не пропадает. Нам есть чему у них поучиться!». Мясом свиньи Катьки, которая росла и всё больше толстела, должно полакомиться много людей, живущих по соседству. Так принято: когда кто-то забивал животное, организовывался настоящий праздник свежатины. Но спустя два месяца тётя Соня вдруг поняла – привязалась к Катьке. Она стала её часто выпускать из загона и позволяла ей свободно разгуливать по двору. Когда Катька вышла на первую прогулку, она не произвела особого впечатления на Джека, который сразу же отнёсся к ней по-дружески, как если бы и Катька была собакой. Да и кошек она не впечатлила. Только попугай стал настойчиво кричать, привлекая к себе внимание жирной бело-розовой хрюшки. Но Катька не могла задрать голову, чтоб взглянуть на него, потому что клетка висела слишком высоко, в тени под инжиром.

– У свиней человеческие мозги... – говорила тётя Соня. – Только у них одна проблема в отличие от нас, они не могут поднять голову и посмотреть на небо!

Вот так, в окружении большой компании людей и домашних животных, быстро росла Катька. Ей исполнился год, и она уже весила более ста килограммов. Пришло время её забивать, но никто не решался заговаривать на эту тему. Дядя Коля прятал добрые глаза и ничего не отвечал на непрерывные поддразнивания соседей:

– Ну, когда ты уже поведёшь любимую Катьку на бойню?

А Катька во дворе жила в своё удовольствие рядом с собакой, кошками и даже не догадывалась о скором конце. Прошло ещё четыре месяца. Катька растолстела так, что уже не могла держаться на ногах. Она теперь всё время лежала посередине двора на прохладном цементе и уже больше не радовалась компании друга Джека – даже не хрюкала.

– Коля! Так она же издохнет! А я этого не выдержу!– плачущим голосом стонала тётя Соня. – Сделай хоть что-нибудь! Я её почти не кормлю, а она всё толстеет!

И вот Коля решился отдать Катьку соседу. Тот привёл во двор небольшой грузовичок с подъёмным краном, и началась операция по перевозке Катьки на бойню. Пришли соседи – сказать последнее «прощай» умной хрюшке, которая понимала людей лучше многих собак. Мужчины старались помочь, женщины смотрели молча. Катька, полностью подчинившись судьбе, даже не хрюкнула. Тётя Соня зарыдала:

– Я и не знала, что свиньи как люди! Я никогда в жизни больше не возьму свинку и свинину больше никогда не буду есть!

Соседи-абхазы в ответ согласно кивали головой:

– Видишь, как всё правильно: наш закон запрещает есть свинину, потому что это мясо умного животного! – говорили они. Катьку забрал один из друзей дяди Коли, зарезал её и принёс тёте Соне несколько килограммов мяса, к которому она даже не притронулась. Завёрнутое в газету, его отдали одной из русских соседок, у которой пятеро детей. С тех пор тётя Соня стала совсем как абхазы: больше никогда в жизни она не прикоснулась к свиному мясу и даже фарш для котлет и голубцов, которые по

доставшемуся ей рецепту готовился из свинины, смешанной с говядиной пополам, она отныне делала только из говяжьего мяса.

– Мои котлетки теперь не такие сочные и вкусные как когда-то, но после Катьки я не могу больше кушать свинину. Меня просто тошнит от неё! – говорила тетя Соня гостям, когда накрывала на стол.

Насколько тётя Соня общительная, настолько же дядя Коля молчун. Он не разговаривал, только тихо улыбался. Но из его синих глаз всегда струился свет, и этого вполне достаточно, чтобы ему начинали симпатизировать с первой же минуты знакомства. У дяди Коли сильный характер. Он обожал жену и никогда не кричал, в отличие от Сони, довольно-таки голосистой. Иногда он любил пропустить рюмочку чачи – домашней водки выше сорока градусов, похожей на греческое ципуро или раки, тоже сделанных из винограда. Чачу гнали на самогонных аппаратах по всему Кавказу, что противозаконно. Во времена Андропова, про которого говорили: и у него есть греческие корни, за такое нарушение общественного порядка, как производство чачи, арестовывали без разговоров. В восьмидесятые годы в городах часто выстраивались огромные очереди в пустые гастрономы в надежде: вдруг на прилавки «выбросят» что-нибудь из съестного. Из-за того, что алкоголь продавался в определённые часы, с выдачей ограниченного количества бутылок в одни руки, покупатели, собравшиеся у дверей магазина, выказывали явную озабоченность, достанется ли им или нет желанная бутылочка.

– Жизнь нас сильно побила, поэтому нам всегда нужно две-три рюмочки водки, чтоб взбодриться!– говорил русофил дядя Коля, когда кто-то начинал рассуждать об алкоголизме русской нации. И вправду в Гудауте не было алкоголиков, но именно в этом городе слова «русский» и «алкоголик» использовались как синонимы. Абхазы не пили вообще или очень мало, а вот грузины пили только вино: целые реки вина выпивались ими на свадьбах и других семейных праздниках. Дядя Коля иногда баловался чачей, и это только для того, чтобы немного расслабиться, да в разговоре

с другом речь лилась более плавно. Но, когда кто-либо из друзей пытался влить в него лишнее, он строго выговаривал ему:

– Всё хорошо в меру! Я грек, и я это точно знаю! У нас закон меры ещё в древности принят!

Прошло время, но на дом-дворец тёти Сони и дяди Коли так и не находился покупатель. И тогда они решились уехать в Грецию как есть, с одним чемоданом в руках, а дом оставить под присмотром соседей. Временно, конечно. Этот дом так и не продался: после войны в него вселились беженцы из местных, которые умудрились быстренько состряпать фальшивые документы, свидетельствующие о том, что он, якобы, всегда только им и принадлежал. В дорогу в Грецию Соня и Коля взяли с собой лишь одежду и деньги в долларах, да и их немного, всего 1500. Взяли и еды – сыр, варёные яйца, картошку, копчёную колбасу, соленья и хлеб. Ещё одеяла, подушки и простыни. Всё это они погрузили в «Ладу» – старенькую, но выносливую машину, выехав ночью, как воры. Война между грузинами и абхазами в разгаре, они уехали втайне, боясь: их могут ограбить перед отъездом, и, не дай Бог, убить.

– Раз мы остались живыми здесь, в самой гуще военных столкновений, значит, Бог нас хранит, и мы должны успеть уехать в Грецию, чтоб уже там и умереть когда-нибудь,– сказал Коля. Это было время ненависти и хаоса, когда люди неожиданно решили положить конец всему, что сами же создавали столько десятилетий; уничтожить всё, во что верили и любили. Коля совсем остыл к любимой Абхазии и единственное, чего он сильно хотел, так это добраться поскорей до Греции, до Эллады. В тишине проехали Новый Афон. Остановились в Сухуми на непривычно пустой набережной -выпить чашечку кофе. Коле на ум пришли одна за другой разные картины из весёлого, красочного прошлого. Он вспомнил, как прогуливался по этой набережной с друзьями и как они нарочно разговаривали на понтийском – чтобы их никто не понимал, да потом это было и круто тогда. Но их всё равно кое-кто понимал: многие жители Сухуми – русские, абхазы,

грузины понимали греческую речь. Возможно, только какие-то отдельные слова, но их острый ум позволял им сразу догадываться, о чём идёт разговор. Сухуми в те годы – настоящий Вавилон, вобравший в себя разные народы и нации. И кто только не был счастлив в этом городе!

До Поти, а потом от Поти до Батуми они не остановились даже передохнуть. Когда доехали до грузино-турецкой границы, у Коли вдруг разболелся живот. Его бросило в пот, он начал весь дрожать. Но Соня и не успела расстроиться, как всё сразу прошло, и Коля оправился.

– Это у меня от переживаний!– сказал он, вылезая из-за кустов. Потом Коля, смеясь, продолжил:

– Сколько пуль попало в стены нашего дома, и нас, к счастью, ни одна не тронула. Представляешь, если б я умер сейчас от поноса?

Соня засмеялась: «Ха-ха-ха!» – разлетелся далеко по приграничному кавказскому лесу её звонкий смех. Коля посмотрел вокруг. Он всегда любил эту дикую природу с буйной растительностью, эти высокие молчаливые горы:

– Говорят, в Греции не так много зелени, только морская гладь и камни.

– Ничего, что там только камни, они нас крепче держать будут на той земле, – ответила мужу Соня. Границу переезжали с большими трудностями, два дня пришлось ждать очереди на контрольно-пропускном пункте. Слишком много машин с кавказскими греками, которые покидали эту землю, переселяясь навсегда в Грецию. Они, конечно же, могли бы пройти контроль намного быстрее, но за «скорость» пограничники хотели «конвертик» с долларами. Соня решила никому ничего не давать и ждать, сколько потребуется. Когда они, наконец, переехали границу и въехали в Трапезунд, Соня распереживалась. Думала: растрогается, умилится – это родной город её бабушки со стороны отца. Много историй она запомнила из жизни бабушки в Трапезунде, словно она сама там бывала когда-то. Но, кроме усталости и раздражения, Соня так ничего и не почувствовала

и попросила Колю не останавливаться, а ехать дальше, чтоб поскорее добраться до Греции. Греческую границу пересекли без приключений. Как только проехали пограничный пункт Кипос, Коля остановил «Ладу», вышел из машины, немножко прошёлся и сел на землю. Соня, наблюдая за ним из автомобильного окна, подумала: он снова захотел в туалет. Вдруг Коля позвал:

– Со-ня! Выходи из машины! Иди сюда! Ступи на эту землю! Мы уже приехали, вот это уже греческая земля!

Соня неожиданно засуетилась, пытаясь выйти:

– Что ты ска-за-ал? – закричала она в ответ.

– Мы добрались. Мы в Греции! – повторил Коля ещё раз, а потом на родном языке. – Фта́самэ, и́мастэ стин Элла́да!

И посмотрел на неё усталыми, но, как всегда, любящими глазами.

– Это что, правда, Греция? Мы приехали? Этого не может быть! Что? Мы вправду в Греции?– переспрашивала Соня снова и снова, как будто бы это не она только что пересекла границу этой страны. Потом она вскрикнула: «Ах!» и без чувств упала на землю около машины. Коля сразу понял: Соня не шутит, быстро подбежав к жене.

Соня стремительно отдалялась от Земли, но пока ещё смотрела на Колю... Она лежала на обочине дороги, и ему показалось: жена словно пытается устроиться поудобнее на голой земле. Лицо её внезапно стало удивительно спокойным и светлым, медленно разглаживаясь; на губах появилась лёгкая улыбка. Уходили горе, страхи и усталость. Морщинки совсем исчезли. Коля даже обрадовался: он давно не видел Соню такой красивой и спокойной…

Позже врачи сказали ему: Соня умерла от инфаркта, который случился с ней от неожиданной радости. Но Коля-то знал: Соня на самом деле умерла тогда, когда от них ушла их дочь, а сейчас, когда они добрались до Греции, её душа ожила, пробудившись от радости, и вознеслась в небеса – в вечность, оставив её навсегда на этой земле….

Маленький Сталин

Как это кощунственно бы ни звучало, но Антигона поехала на похороны тёти Лены с радостью. Ей нравилось ходить на похороны пожилых людей. Это похороны, где можно поразмышлять безо всякой боли на вечные темы о жизни и смерти. На таких похоронах она как бы прогоняла страхи от покойников и фатальные мысли о жизни, которой рано или поздно приходит конец. С тётей Леной она так и не успела познакомиться поближе: Антигона даже при редких с ней встречах, с перерывами в десятилетия, чувствовала себя неловко. И вот теперь, выполняя долг родной племянницы, она ехала попрощаться с ней и уже навсегда.

Чтобы добраться до Эвбеи и вернуться обратно, Антигона проехала за рулем более тысячи километров. На этом втором по величине острове Греции тётя жила с невесткой Олей. Сын тёти Лены умер несколько лет назад от рака, а единственный двадцатилетний внук Никос уехал в Германию в поисках работы и новых жизненных впечатлений. По дороге Антигоне пришли на ум воспоминания, связанные с её детством. Однажды они с мамой поехали в далёкий казахский аул навестить тётю Лену. Сошли с поезда на какой-то маленькой двухминутной остановке. Времени у них – ровно столько, чтобы успеть соскочить с подножки поезда… Там их ожидала огромная стая собак. Мама предупредила Антигону, чтобы та не боялась и шла рядом с ней спокойно:

– Ты же видишь, они хвостами машут – мол, добро пожаловать!

Но Антигона не видела машущих хвостов; она помнила свирепые морды озверевших в стае собак с высунутыми языками и сверлящими глазами, словно определявшими степень бесстрашия появившихся перед ними людей – взрослой женщины и маленькой девочки. Так прошли они под собачьим конвоем

несколько метров. Впереди – Антигона с мамой, сзади – собаки… Неожиданно собакам надоело людское равнодушие, они както резко заскучали и разошлись восвояси. С тех пор Антигона стала ещё больше гордиться мамой, которая, кроме людей, также хорошо понимала и собак.

Вспомнила Антигона и безлюдную центральную улицу в ауле, где жила тётя Лена. Голая дорога без асфальта, покрытая толстым слоем пыли. Антигона сняла новые туфельки и босая встала на неё как на пушистое одеяло. Дорожная пыль – мягкая и нежная. Это приятное и необычное ощущение перенесло её в новый чудесный мир, который она сразу же полюбила, но пока ещё не хотела себе в этом признаваться, продолжая ныть от жары и говорить матери: ей здесь всё не нравится, и зачем вообще они сюда приехали! Мало деревьев, много пыли и горячий, обжигающий лицо воздух... Редко встречающиеся им люди с повязанными на голове косынками немы. «Наверное, – подумала тогда Антигона, – они боятся открывать рот, чтоб туда не попала пыль». Антигоне – восемь лет, но она уже понимала: жизнь этих людей посвящена борьбе с пылью. Остался у неё в памяти «той» – местный народный праздник. Особенно запомнился белоснежный душистый, без всяких приправ, плов, которым их угощали в местном парке. Ей сказали: плов вкусный, в нём курдючный жир… Но она понимала: дело вовсе не в жире, его приготовили люди, которые, варя рис в котлах, на некоторое время переставали думать о пыли, хотели сварить такой вкусный плов, чтобы весь народ аула забыл о её существовании.

Тётя Лена – тихая. Закутанная в цветастый платок, она похожа на местную азиатку, свободно говорила на казахском языке. Немного греческих семей, выселенных с побережья Чёрного моря, осталось жить в забытых степях Казахстана, но те, которые вынужденно задержались там, хотели показать: с азиатами они живут в полном ладу. Жизнь тёти Лены – спокойная и размеренная. Дом у неё – без дощатого пола, с земляным настилом, что произвело незабываемое впечатление на Антигону. Но тётя

Лена её успокоила, сказав: это для прохлады, температура тут иногда поднимается выше 50 градусов. Тётя Лена жила вдалеке от цивилизации. Ей даже матерная русская брань мужа казалась привычным разговором; она не в состоянии была понять оскорбительных слов, сама же не умела ругаться. Порой тётя Лена даже употребляла эти слова в разговоре, думая: они совсем безобидны. Хорошо она говорила только на понтийском и казахском языках, русский её беден. Поэтому было безумно смешно, когда тётя, подражая мужу, совершенно невинным голосом выдавала такие ругательства, что окружающие валились на пол от смеха.

На похороны тёти Лены приехало много родственников из Афин, Салоник и Верии. В ожидании священника и панихиды все сидели в тени под навесом, пили кофе и рассказывали новости. Они давно не встречались, пользуясь случаем, спешили поведать друг другу обо всём. Парадокс, но в маленькой Греции почти все растеряли друг друга, а в огромном СССР были гораздо ближе. Антигона пила кофе по-гречески, который ей приготовила молоденькая дочь соседки, как вдруг услышала:

– Если б сейчас здесь был Сталин, то он обязательно произнёс бы речь про нашу Лену!

– Ну, и почему же Сталин не пришёл сказать последнее слово о тёте Лене? – насмешливо спросила Антигона неизвестную ей родственницу.

– Сталин умер два года назад. Но даже если б он был жив, то ещё неизвестно, стал бы говорить про нашу Леночку! На него напала страшная хандра, депрессия, – ответила одна из женщин. Это была Тая – дочь «Сталина». «Сталин» – не тот, великий Сталин, это «Маленький Сталин» – как его все звали в деревне. Настоящее же его имя – Ставри, и он – самый старший сын в семье Константиниди.

В 1942 году фашисты захватили станицу Ильская в пятидесяти километрах от Краснодара. Ставри с тремя братьями жил в детдоме на государственном обеспечении. Отец его пропал в лагерях ГУЛАГа в 1937 году; скорее всего, его уже нет в живых,

как и других греков, подданных Греческого королевства, которые проживали на территории Советского Союза как иностранцы. Им выдавали землю и дома в обмен на советское гражданство, но они же, «тупоголовые» и большие упрямцы, никак не соглашались на этот обмен. Мало кто поменял паспорта и изменил фамилии на русский лад. Большинство ждало корабль, который должен их перевезти в Элладу – в страну, в которой никто никогда из них не жил, но сильно любили все. Трудно объяснить, почему эти греки, страстно влюблённые в страну далекого исторического происхождения, всегда стремились с ней воссоединиться... Следы отца Ставри затерялись, и никто не мог узнать, где он находится. Страх перед огромной государственной машиной не давал шанса для поиска. Этот страх пресекал любое любопытство. Все вокруг знали: отец его не совершил ничего плохого, но никто никогда не посмел бы спросить, законен ли его арест? Мать Ставри также находилась в тюрьме. Ей дали три года каторжных работ. Преступление её невелико, но непростительно для сталинского режима. Чтобы прокормить детей, Эльпида вынесла с колхозного поля, где трудилась денно и нощно, несколько кукурузных початков… Так осиротели четверо её детей, попав под государственную опеку. В СССР, если родители – недобропорядочные граждане, считалось: дети ни в чем не повинны и не несут за это никакой ответственности.

В 1942 году немцы оккупировали станицу Ильская. Однажды, делая обход государственных учреждений, фашисты появились в детдоме. Ставри – выше всех и поэтому гитлеровец, стоявший впереди, спросил именно у него, как его зовут. «Ставри», – ответил тот. То ли немец глухой, то ли ему на уши давила сильно каска, но вместо «Ставри» он услышал «Сталин».

– Сталин?! – в ужасе заорал немец, приставив пистолет прямо ко лбу Ставри, который никак не мог понять, чем же он так рассердил оккупанта.

– Сталин! Сталин! – продолжал кричать до визга немец, отдав приказ арестовать Ставри. Ставри наконец-то понял: происходит

какое-то недоразумение, и стал просить фашиста поверить – он никакой не Сталин и даже шутить с ним не собирался. Никто так и не понял, как свершилось чудо, но, как только немец узнал – фамилия у подростка греческая и он вовсе не русский – так сразу же и отпустил его. С тех пор односельчане окрестили Ставрика «Маленьким Сталином». Маленький Сталин как-то быстро забыл настоящее имя, привыкнув к новому, и откликался исключительно, когда его кто-то звал «Маленький Сталин». Потом он и сам стал представляться по прозвищу. Неожиданно для всех Ставри начал демонстрировать недюжинные способности к географии и истории, быстро выучил названия практически всех в мире государств. Именно за эти достижения греки немного погодя стали его звать просто «Сталин», убрав прилагательное «маленький». До двадцати трёх лет Маленький Сталин прочёл много книг о Большом Сталине. Позже заказал у портного китель цвета хаки – точно такой, как носил Сталин. Городской шапочник сшил ему такую же фуражку, как у Сталина, которую он хранил как зеницу ока. И, естественно, Ставри купил для себя высокие кирзовые сапоги. Этот полувоенный костюм с погонами цвета хаки и сапоги – самые дорогие вещи за всю его жизнь.

В 1949 году Маленького Сталина вместе со всеми греками депортировали. В вагонах для скота прошло их страшное многонедельное «путешествие» к новому месту жительства, в Казахстан. Ставри то и дело слышал вокруг себя стоны и проклятия в адрес Сталина на греческом языке, не нравившиеся ему, но он терпеливо переносил их. На него даже стали враждебно посматривать, однако при этом никто его не боялся. Тем не менее, все вели себя с ним так, как будто бы он виноват во всеобщем горе… Когда Сталин подходил к беседующим женщинам, чтобы скоротать время, они сразу же замолкали и молча ждали, пока он уйдёт. Всё это ему крайне неприятно, но он понимал – не в силах что-либо изменить.

В 1953 году отец всех народов умер, и Ставри стал с бóльшей смелостью представляться и произносить новое имя. «Да, это он

и есть Сталин! Да, то же самое имя, как и у Большого Сталина!» – говорили окружающие. И женился он как Сталин Константиниди. Конечно же, свидетельство о браке ему выдали с его настоящим именем, но все вокруг говорили именно о свадьбе Сталина Константиниди с красавицей Еленой. Прошли годы, выросли его дочери и стали просить отца отказаться от имени «Сталин» – с ним связана трагедия его народа. Но он и слушать не хотел. Говорил: «Сталин не виноват в нашей тяжёлой судьбе, виновата сама история». Дочери его, родившиеся в Казахстане, часто с ним ссорились из-за этого:

– Сталин расстрелял твоего невинного отца, посадил в тюрьму твою невинную мать, всех вас заставил бросить дома и изгнал вас в азиатские степи! За что же ты его так любишь?!

На эти вопросы Маленький Сталин не отвечал, он только молчал, качая умной головой, как бы говоря: «Не учите отца!». Потом, спустя полчаса, он мог наконец-то разомкнуть уста и сказать:

– И кто знает, что именно каждый из нас представляет на самом деле? Может, и у меня есть какие-то задатки? Может, меня не зря прозвали «Сталин», несмотря на то, что я грек. Может, я на самом деле не такой простой, как кажется с первого взгляда, ведь ничего не происходит случайно. Иногда мне самому кажется: есть и моя доля вины в том, что пришлось пережить нашему народу.

В нежелании расставаться с именем вождя народов, палачом целых наций, он мог бы себе нажить много врагов, но его спасали его неразговорчивость и терпеливость. Греки – народ горячий, особенно в ссылке они по всякому поводу дрались до крови, хватались за ножи, разрешая разногласия. Его бы точно побили и могли бы искалечить в драке по пьянке. Но Сталина так никто никогда и не тронул за его, пусть и неосновательную, важность. Государственным служащим в СССР запрещено носить усы «а-ля-Сталин» и бородку «а-ля Ленин, Маркс, Энгельс». Такой неписаный закон. Но Сталина никогда и никто даже не преследовал ни за это имя, ни за его костюм, ни за фуражку. Ведь он

никогда не занимал руководящих постов. Работал всю жизнь простым рабочим на стройке, никому не мешал. Костюм цвета хаки, фуражку и сапоги он надевал только по самым важным дням: на свадьбы, крестины и похороны. Там Сталин представал во всем величии!

Как-то однажды один из его земляков, Костя Иоанниди, работавший трактористом в колхозе, попросил Сталина позвонить первому секретарю райкома партии, чтобы ему выдали новый трактор. Он получил информацию: на их район выделили новые трактора, но их, как всегда, могли поделить между знакомыми и «приближёнными».

– И что я им скажу? Я ведь никто! – удивился Сталин его просьбе.

– Как!– возмутился Костя. – Скажи им, что ты Сталин, и они тебя послушаются!

Так он и сделал. Позвонил и поговорил со служащим райкома, разъяснив проблему, после чего служащий соединил его с первым секретарём. Тот сразу заявил: этот вопрос он даже не намерен обсуждать с…, но потом спросил, почему кто-то просит у него новый трактор для Иоанниди и на каком основании?

– Меня зовут Сталин, а Костя – мой друг детства! – только это и сказал Ставри. На той стороне провода замолчали. Тишина продолжалась несколько секунд... Затем секретарь заговорил тихим голосом:

– Хорошо, мы постараемся выделить вашему другу новый трактор!

Эта история прибавила ещё больше авторитета Сталину, сделав его необыкновенно популярным. Его постоянно стали приглашать на свадьбы: всем хотелось быть рядом с ним, здороваться за руку, говорить, фотографироваться на память и потом похвастаться: «Вчера на свадьбе со Сталиным водку пил! Хорошо время провели!».

Каждая семья хотела его видеть на семейном торжестве, а потом рассказывать: «свадьба была очень хорошей, невеста –

красавица, стол – шикарный; был там и Сталин, выступил с речью!». Хотя все знали, о каком «Сталине» речь, свершалось нечто незаурядное, словно тень и дух великого вождя и тирана прикасались к ним лично, вызывая трепет, страх и уважение. Неразговорчивый Ставри-Сталин с годами раскрепостился и стал свободно общаться с окружающими. Из стеснительного молодого человека он превратился в уважаемого товарища в костюме военного покроя. Имя заставило его научиться выступать перед большим скоплением народа – на свадьбах и похоронах. Но слава также сделала его и одиноким. Он всегда находился в толпе греков, однако на самом деле постоянно чувствовал одиночество: с ним наедине оставался всегда только сам Сталин…

После сорока он отпустил усы, как у Сталина, позже даже начал немного хромать на левую ногу, как Сталин. Говорил, фальшиво жалуясь: к сожалению, перенял с именем и недостатки Большого Сталина.

Власть – как страсть: кому-то даёт крылья, а кого-то приковывает к земле. Сталин производил впечатление крылатого, но закованного в кандалы человека. Так он никогда и не взлетел высоко: не смог до конца раскрыть крыльев. Когда дочери Сталина – Мария, Татьяна и Тая – переехали в Грецию, они его, давно овдовевшего, взяли с собой. В Греции Сталин заболел хандрой, словно потеряв смысл дальнейшей жизни. Потом – пневмонией и умер. Его похоронили в любимом костюме и фуражке цвета хаки. В гробу он, как две капли воды, напоминал Иосифа Виссарионовича, но было в его лице и нечто шаловливое, как бывает у детей, которые играют в «мертвецов». Родственники и друзья попрощались с ним со всеми подобающими настоящему герою почестями. Резчик по мрамору нарисовал на чёрном гранитном надгробье его портрет в фуражке со звездой, подписав «Ставри (Сталин) Константиниди».

Тётю Лену похоронили без слёз, в полном молчании, но поминки её прошли шумно. Может, в этом виновата выпитая всеми русская водка, а, может, и богато накрытый стол в местной

островной таверне с блюдами из морских улиток и кальмаров – это для постности, ведь мясо на поминках греки не едят. Возможно, сыграла роль и история про «Маленького Сталина», но, скорее всего, поводом стала и сама тётя Лена, которая смертью собрала родню и напомнила всем о чистосердечии и наивности, куда-то исчезающих в жизненных невзгодах… И не всем и не всегда удается их вновь обрести...

Как дядя Костя плюнул в Ленина

Антигона обожала Москву. Красная площадь её просто манила и каждый раз, приезжая в столицу, она приходила сюда, чтобы пройтись по главной площади страны. Но вот попасть в Мавзолей, где находится тело «самого человечного человека», как когда-то учила партия, ей никак не удавалось. Она не выносила огромных очередей – ни в универмагах, ни в музеях. Ей не хватало терпения даже удовлетворить своё любопытство. Но в последнее время после распада страны очереди в Мавзолей куда-то исчезли, так что можно было без суеты свободно пойти и посмотреть на «любимого Ленина». Народ, после крутого поворота страны к капитализму, больше не интересовался Лениным, а лозунг «Дело Ленина живёт!» переделали шутки ради на «Тело Ленина живёт!». Получилась весёлая игра слов. Конечно, звучало саркастично, но люди, переставшие бояться партии и Ленина, желали открыто выразить свое мнение. Столько лет все ждали возможности отвести душу и высказать вслух всё, о чём думали. Ведь, на самом деле, его тело находится в саркофаге и, пока его не похоронят, оно «живёт». И это – сущая правда.

– Пойдём, глянем на Ленина! Скорее всего, его всё-таки захоронят, и мы будем сожалеть: не воспользовались последней возможностью посмотреть на него. Всё-таки это наша история, которую мы должны уважать! – сказал Антигоне её московский друг Нико Сидиропуло. «Ник», как звала его Антигона, – историк и журналист. Она его уважала, поэтому и согласилась, хотя на самом деле у неё сложилось собственное, негативное мнение о «вожде мирового пролетариата» и его наследии.

На этот раз Красная площадь ей показалась какой-то эфемерной, пустынной без скопления туристов. Никакой столичной

суеты. Но в Мавзолей они так и не попали. «Ленин на перебальзамировке» – написано на вывешенном объявлении.

– Ой, да ничего особенного мы не потеряли! Пошли кофе попьём! – оживилась Антигона. Да и Нико явно обрадовался, потому что в Мавзолее бывал много раз. Москвич, он часто принимал иногородних гостей у себя дома. Приезжали родственники и друзья из Казахстана, с юга России, он водил экскурсии по столице и, естественно, на Красную площадь с обязательным посещением Мавзолея – проторенный маршрут для всех гостей. Можно даже сказать, что посещение Ленина было обязательным. На самом деле никто никого не обязывал, но в те годы гражданская совесть побуждала каждого гостя столицы почтить память вождя.

Нико порядком уставал от гостей, стараясь всем угодить, но по-другому не мог. Гостеприимство – неписаный закон: не существовало таких отговорок, как «не могу», «нет времени», «нет денег».

– Мы, греки, очень поддерживаем родственные и дружеские связи, иногда даже становимся заложниками традиций. Я давно принял решение: ни с кем никогда не буду портить отношения, старался изо всех сил для гостей, чтобы все они оставались довольны. Но меня всегда утешало: всё это временно, ведь они уезжали, надолго запоминая Москву и меня, конечно! – рассказывал он Антигоне, сидя на бордюре на Манежной площади напротив статуи маршала Жукова, который, по слухам тоже имел греческое происхождение. Ведь сиротой его взяли в семью Жуковых, но имя-то у него сохранилось настоящее, греческое – Георгий!

– Только дядю Костю я очень боялся вести в Мавзолей, потому что у него была навязчивая идея. Не поверишь: он всегда говорил, что хотел пойти в Мавзолей посмотреть на Ленина и плюнуть в него.

Когда-то дядя Костя работал пекарем, выпекал хлеб на огромном хлебозаводе. Он очень любил работу и оставался ярым приверженцем коммунистов. Но потом, в связи с жизненными

обстоятельствами, он поменял взгляды. От любви и уважения он перешёл к ненависти. Да, он стал ненавидеть Ленина и Сталина, превратился в страстного антикоммуниста. Его ненависть, как понимаешь, приобретённая. Она пришла к нему, когда его семью в 24 часа выселили с Кубани, а он даже не успел с ними попрощаться, потому что сутками работал в пекарне, которая находилась в нескольких километрах от их села. Об указе он, конечно, ничего не знал и даже не подумать не мог, что греки вдруг стали врагами советского народа. Когда на выходной вернулся в родное село и увидел пустой дом… Это было так страшно и так больно, что он сказал себе: «Лучше бы я сам умер!».

Антигона оживилась:

– Я хочу с ним познакомиться!

– Уже не получится, – разочаровал её Нико. – Дядя Костя умер в 1998 году в Афинах. Но до конца жизни он так и не простил коммунистам того, что они сделали с ним и его семьёй. Насильственное переселение, тюрьма и смерти близких. Он считал Ленина и коммунистический режим антигуманным, бесчеловечным, принёсшим грекам и другим народам большие страдания.

Нико так и не смог избежать похода в Мавзолей с неблагонадёжным дядей. В ноябре 1989 года перед отъездом дяди Кости в Грецию, когда тот приехал в Москву получить визу и все документы, подтверждавшие его греческое происхождение, уже готовые для переезда на постоянное место проживания на этническую родину, он изъявил желание сходить в Мавзолей. Он купил билеты и утром на поезде с Киевского вокзала уезжал в Афины.

– До отъезда я должен посетить Мавзолей и попрощаться с Лениным! – заявил дядя Костя.

– Так ты же никогда его и не любил, ты же ненавидишь Ленина! Зачем к нему ходить? Ты говорил, что на него и плевать противно! – пытался сопротивляться Нико.

– Именно поэтому хочу сходить и попрощаться с ним до того, как покину эту страну!

Нико насторожился, потому что очень хорошо знал дядю. Но он никогда не посмел бы противоречить настырному родственнику – уважаемому дяде Косте.

На Красной площади они выстояли огромную очередь, хвост которой находился в Александровском парке. Перед входом в Мавзолей, прямо перед почётным караулом и охранниками, дядя Костя снял шапку, перекрестился и громко сказал на понтийском:

– Анафема сэ! Будь ты проклят! Наконец-то я увижу тебя и плюну в тебя! – с этими словами он переступил порог Мавзолея.

– Я помню: от страха меня пробрал холодный пот, ноги подкосились, – рассказывал Нико. – В тот момент я сильно разозлился, но одновременно понимал бесполезность обиды и злости. В те годы, несмотря на большие перемены в стране, пока ещё было опасно высказываться открыто. Дяде Косте могли запретить выезд из страны. Да и я совершенно не хотел заработать себе проблемы из-за его фанаберий. Я стал его умолять, чтоб он не делал этого – не плевал в Ленина. Но дядя Костя никак не соглашался. Он только всё повторял: это надо сделать в память о его матери, отце, его братьях, убитых в тюрьмах ГУЛАГа, в память о тех, кто остался, живя в ссылке в Сибири и Казахстане, вдалеке от родного Чёрного моря и Кавказских гор.

– И не уговаривай! Я сказал, я это сделаю! – выкрикнул, как отрезал рассерженный дядя. Нико почувствовал бессилие перед дядиным решением.

– Дядя! Завтра ты уезжаешь навсегда в Грецию, но я-то остаюсь здесь! Я учусь, хочу найти хорошую работу… Ты ведь не в Ленина, а в моё будущее плюнешь!

Дядя строго посмотрел на племянника-интиллегентика. Испуганный Нико его озадачил: он очень любил наследника рода Сидиропуло, но его колебания продлились всего несколько мгновений, и он повторил:

– Я всё равно должен на него плюнуть, это для меня о-о-очень

важно! Если я это сделаю, то это будет правосудием. Я и все мы освободимся от этого дьявола, и ты станешь более свободным, никогда не забывающим о гордости и достоинстве! – настаивал дядя. Нико понимал: конец близок. Он мгновенно представил себе, как арестовывают дядю и его самого, как их забирают в органы и допрашивают. Он даже представил себе, как их будут допрашивать, на какую секретную службу безопасности они работают... В бессилии перед дядей ему вдруг пришла в голову спасительная мысль: «Если нас арестуют, то я скажу, что мой дядя – сумасшедший», – подумал он, несколько успокоившись.

Очередь уже приближалась к саркофагу. Нико был готов к самому худшему. Обиженный дядя со строгим и угрожающим видом подошёл к Ленину как можно ближе. Ненавистным взглядом уставился на мумию на несколько секунд и почти что прошипел, но Нико всё равно услышал:

– Ленин, я плю-ю на тебя! Но не могу на тебя плюнуть слюной, потому что Нико мне этого не разрешает. Чтоб ты знал: я просто плюю в тебя! – и при этом он сделал неуловимое угрожающее движение в сторону саркофага. Ленин продолжал спокойно лежать, совершенно безразличный к угрозам и «плевкам» дяди Кости. И вот тут-то вдруг дядю Костю осенило: Ленин-то, собственно, давно уже никто, это просто старый «измученный» труп, который больше полувека ждёт, когда же его, наконец, предадут земле. Неожиданно дядю Костю настигло чувство жалости к Ленину: «А может это такое проклятие целому народу, который его не хоронит? А, может, если б его похоронили, то страна бы не подверглась таким страшным испытаниям и несчастьям от партии, которую он возглавлял? Возможно, Ленин и не виноват во всём, и это дело рук самого дьявола, а значит, это судьба», – подумал он. Дядя Костя ещё раз глянул на вождя, затем повернулся в сторону часового. Вся его обида теперь обратилась на замершего по стойке «смирно» парнишку. Он посмотрел на него строго и с вызовом.

– Здравствуйте!– сказал дядя Костя громко часовому. – Здравствуйте! И прощайте!

Дядя Костя высоко поднял голову и широкими твёрдыми шагами вышел из Мавзолея. Нико не мог поверить своим глазам: «Я спасен! – думал он, боясь своего счастья. – Я спасен! Но и дядя мой спасен: теперь он спокойно сможет уехать в Грецию!».

На следующий день, прощаясь с дядей Костей на Киевском вокзале, Нико подумал: дядя прав. Теперь, перед отъездом, он увидел его действительно другим, свободным, счастливо улыбающимся и слишком разговорчивым. Он начал рассказывать Нико историю, произошедшую с ним ещё до ссылки в Сибирь:

– Однажды, когда я ещё работал пекарем, у меня в чан с тестом упала справка, а я и не заметил. Это было освобождение от работы. Я начал её искать. Искал везде, обшарил всё – нет нигде! А через несколько дней мне её принесла одна красивая дамочка, но сердитая такая! Она нашла её в буханке хлеба. Женщина стала грозиться: пожалуется на меня в совет – я не соблюдаю гигиенических норм производства хлеба – и ещё наговорила кучу разных угроз. А я смотрю на неё: «Такая хорошенькая»,– думаю и говорю: «Женщина, вы такая очаровательная! Если б не эта бумажка, то я бы никогда с вами так и не познакомился! А я так рад, что это произошло!». Как только я ей это сказал, она сильно покраснела, тут же замолчала и заторопилась уходить. Ну, ты понимаешь, она застеснялась! Потому что я ей понравился! Да-да, я это сразу заметил! Ей также понравилось и то, что я ей сказал!

Отец Ваня

Отец Антигоны говорил, что мало что запомнил из трагических событий их вынужденного переселения, ссылки в 1942 году. Тогда его ничего не пугало. Ни отсутствие еды, ни болезни, ни ежедневные опасности. Даже мёртвых, которые по нескольку дней до следующей станции находились в вагонах вместе с живыми, он не боялся. Степь открывалась бескрайней, без городов, деревень, полустанков. К поздней осени уже примешивались запахи зимы. Мёртвые оставались в обществе живых словно живыми, и живые казались себе мёртвые… Ни у кого не сохранилось сил для чувств, каждый, молча, отдался воле Божьей и ждал своей участи. Но именно тогда, в 42-м, Ваня впервые ощутил в себе радость путешественника и следопыта. Где-то глубоко внутри прятался исследователь, который хотел изучить всё, что существует на этой планете. Уже потом, спустя много лет, в Греции, он часто просил Антигону:

– Ну-ка загляни в свой Интернет, посмотри, сколько зерна производит Греция? Мне надо обязательно сегодня вечером это сообщить в кофейне. Представляешь, они там все говорят: Греция не ввозит зерно из других стран. А я им говорю: ни одна страна не производит столько зерна, сколько ей необходимо – скорее всего, и Греция! Они все там, в кофейне, мне не верят! И я тебя очень прошу: посмотри и скажи мне в цифрах, что да как!

Он как маленький, нетерпеливый мальчишка настойчиво требовал от взрослой Антигоны срочного ответа. В кофейне сельчане, попивая кофе, играли в карты или нарды. А Ваня не любил карты, равнодушен он и к нардам; любил только шахматы, но не находилось партнёра. Только один его земляк, Георгий, умел играть в шахматы. Но тот не относился к завсегдатаям кофейни, приходил туда только выпивши. Ваня, сидя напротив него за

маленьким столиком, с трудом выдерживал запах водки вперемежку с запахом дешёвых сигарет, исходящий от Георгия. Сам же он бросил курить ещё лет пять тому назад, когда вдруг почувствовал: полон никотином, в прямом смысле слова, до ушей – до такой степени, что даже перестал чувствовать аромат свежего горного воздуха посёлка Филиро, где жил вместе с женой, детьми и внуками. Ваня терпеливо молчал, не хотел портить настроение Георгию. Но, как только атмосфера игры накалялась – особенно, когда он начинал проигрывать, принимался читать нотации, чтоб тот не пил и не курил так много в таком, уже далеко не юном, возрасте. Георгий слушал его, не возражал, но периодически окидывал его недовольным взглядом и что-то бурчал себе под нос. В семьдесят лет он ещё работал на стройке простым рабочим, а Ване в Греции не пришлось заниматься физическим трудом и работать на хозяина. Из России он привёз немного денег, но тратил их скромно, чтобы быстро не закончились. При этом и не жадничал особо, иногда даже угощал местных чашечкой кофе. Стоило это всего-то полцента, но эффект сильный: все почему-то решили – раз угощает, значит, у Вани много денег. Вообще-то, он, проработавший всю жизнь, от шофера до руководителя кооператива, считал: люди от рождения очень ленивые существа да ещё любят всё получить даром, а многие просто живут дармоедами.

– Слово «дармоед» – плохое, но истина дороже! – убеждал он друга, с ним не соглашавшегося.

– Но мы, люди, это очень хорошо скрываем, да так умело, что иногда никак не догадаться, что мы – ленивцы,– продолжал он.

– Вот посмотри, – приводил он подтверждение своим словам, – прочитал на днях одну статью, которая подтверждает мои суждения. Пишут, как показали исследования ученых, у человека вырабатывается в организме какой-то особый адреналин радости только в двух случаях: когда он влюблён и когда его угощают, даже если это копеечный греческий кофе в малюсенькой чашечке…

Иногда Георгий сильно обижался на Ваню за его бесцеремонные замечания и придирки и исчезал на несколько дней. Так он наказывал друга, оставляя в одиночестве среди местных.

Вечерами кофейня наполнялась людскими голосами, и в общем гвалте невозможно понять, кто что говорит. Всё это напоминало железнодорожный вокзал перед отправкой поездов, с одной только разницей: здесь никто никуда не торопился. Тут всё шло своим чередом с неизменным постоянством. Все галдели, шумно доказывая и утверждая своё существование в этом мире. Иногда в этой шумной говорильне, вперемешку с сигаретным дымом, Ваню охватывала глубокая ностальгия, и он говорил сам себе: «Уеду обратно в Россию! Здесь не то, что подружиться, здесь даже поговорить не с кем!». У него возникла острая необходимость в общении, но новогреческого он не знал и учить его не собирался, потому что всегда считал: родного понтийского языка* вполне достаточно для жизни в Греции. Но при этом его очень интересовали этимология и происхождение слов, особенно объединение слов, состоящих из двух корней.

– А! – кричал он, радуясь. – Я понял, почему говорят «я су»! Потому что «стин игия су!» (за твоё здоровье). Очень правильно! Так ведь и мы на русском так же здороваемся: здравствуй – значит «будь здоров!».

В итоге все люди на Земле думают одинаково и выражают одно и то же схожими по значению словами. Что ж тогда они друг друга не понимают?– задавался он вопросом. В кофейне Ваня садился около окна и смотрел на коренных греков, мирно попивавших кофе, сплетничая о соседях, споря о политике и политиках. Достойная старость! Многие получали хорошую пенсию, имели собственные дома и семейных врачей... Да и у Вани, слава Богу, всё неплохо, но он не находил радости в этой стране. То говорил: «Хорошо ли плохо ли, но здесь вокруг меня гре-ки,

* Понтийский язык – диалект на основе древнегреческого языка (*прим. автора*).

сво-и, э-лли-ны, а там (он имел в виду Россию) мы всегда были чужими. Здесь я иду по улице и везде слышу гре-чес-кий!», но через мгновение он снова мог затосковать, говоря, что совершил большую ошибку, покинув Россию.

– Здесь, в Греции, всё непонятно: попы в рясах курят открыто, прямо на улице, и даже не стесняются. Местные политики ругают друг друга как злейшие враги, а потом обнимаются, словно они товарищи по партии. Молодёжь не уважает пожилых людей и в автобусах не уступает им место. Люди не любят животных, и посёлок постоянно наполнен бродячими псами. «Бесчеловечные они!» – жаловался Ваня, потому что очень жалел животных и даже пауков не давал убивать, утверждая: они – часть экосистемы, а значит, имеют право жить как… люди.

Родители Антигоны каждый день варили большую кастрюлю похлебки для бездомных собак и оставляли её за оградой двора. Это они делали, чтобы собаки не входили во двор и не одомашнивались. Число собак, приходивших поесть, всегда было разным; многие из них породистые, но всех их (и дворняг, и породистых) объединяло предательство подлых хозяев, как говорил Ваня, которые, под прикрытием проявляемой ими заботы о питомцах, привозили их в село и оставляли там в надежде, что кто-то найдется и накормит брошенное ими животное. Валя, жена Вани, просила его не бурчать по поводу переезда:

– Так ведь все твои друзья теперь в Греции и, когда ты умрёшь, они все придут тебя хоронить! И из Афин приедут, и из Драмы, из Комотини, из Александрополя! А в России у тебя никого не осталось!

Ваня не выдерживал этих упрёков и, почти крича, раздражённо доказывал:

– Когда я умру, меня абсолютно не будет интересовать, кто придёт на мои похороны! Ты только о себе и думаешь! Думаешь, как организовать мои похороны, потому что тебя волнует только

то, что скажут другие! Да мне вообще не интересно, кто меня будет хоронить! Нет! Я должен уехать обратно в Россию!

Когда спустя несколько лет они вместе погибли в страшной автомобильной катастрофе, на их похороны действительно пришло более тысячи человек. Весть, что Ваня и Валя трагически погибли, быстро распространилась по всей Греции. Этот репортаж показали все телеканалы. Они стали 131-вой и 132-рой жертвами коварного участка трассы Салоники-Афины, в местечке Петало Мальяку, что по-русски означает «подкова Мальяку». Вместе с ними в тот же день ехала и крёстная мать Антигоны – Надя. Как они дружили всю жизнь, так вместе и ушли в мир иной. Единственное, что смягчало боль утраты – они ушли в вечность счастливыми. Оказывается, в городе Катерини, куда заехали Ваня с Валей, чтоб взять с собой любимую подругу Надю, они долго смеялись за чашкой кофе, вспоминая прожитые в Казахстане годы: весёлые шутки и розыгрыши, которые устраивали друг другу. Всё это происходило в далёкой молодости – тогда им так весело жилось…

Антигоне казалось: в их смерти есть и её вина. Она часто советовала им не сидеть дома и не унывать, а путешествовать по всей Греции. Но последние два года Ваня не хотел выезжать из дому, несмотря на то, что он частенько говорил: ему, вроде, и хочется куда-нибудь съездить, но куда – не знает. Всё и везде казалось ему одинаково скучным. Наверное, всё же на него напала хандра, возможно, он даже предчувствовал: наступает конец его грёзам, конец той сказки, с которой он жил; конец его жизненной истории.

Несмотря на горе, Антигона пригласила на похороны лириста, который сыграл на кементже и спел печальную песню «Тин патриадам эхаса» («Я потерял свою Родину»)... Эта «трагудиан» – песня, оплакивающая потерю Родины, исполнялась и на похоронах. Ведь потерять родину навсегда – это как потерять жизнь… Провожающие в последний путь Ваню и Валю оплаки-

вали их всей душой. Под душераздирающие звуки лиры каждый из присутствующих, в сущности, оплакивал себя и свою судьбу, построенную на глубинном страхе веками преследуемого народа, изгнанного навсегда с любимых родных мест.

Уже переселившись Грецию, Ваня впервые однажды рассказал о высылке 1942-ого года. До этого он никогда и никому об этом не говорил. У него не было желания даже вспоминать об этих трагических событиях, которые перевернули жизнь всей их семьи и целого народа. Это случилось в воскресенье. В гости пришли друзья по Казахстану – Лида и Костя. Собрались за столом, пообедали, выпили водочки и немного вина. Потом Ваня вынес из комнаты скрипку – кеменджe. Настроил трёхструнный инструмент, начал играть и сочинять на ходу песни. Мгновенно ушла печаль из его души, внутренний, радостный свет озарил его лицо. Все понимали: он уже не здесь... Ваня пел, закрыв глаза, он на глазах уходил в другие времена и пространства. Это был тот редкий случай, когда, сливаясь с бесконечностью, он чувствовал себя безгранично счастливым и по-настоящему спокойным. В тот день Ваня всё пел и пел, извлекая слова из души, сочиняя куплеты, которые становились тут же его личным эпосом. В одной песне крупная слеза покатилась по его левой щеке. Он даже не смахнул её, она скатилась до подбородка, немного задержалась на шершавой небритой коже и, только упав на скрипку, застыла там, впитываясь в нелакированную древесину этого простого, но очень душевного инструмента. В тот же день Ваня в дополнение к песням рассказал всем о высылке, о том, что помнил маленьким мальчиком…

Антигоне всегда хотелось услышать эту историю. Она много раз пыталась расспросить о высылке бабушку Марию. Спрашивала её о том, что она пережила. Мария вместо ответа сразу напрягалась, опускала голову, как бы в ожидании удара в спину, почти шёпотом говорила: «Это были тяжёлые годы, не спрашивай меня о них. Да я уже и не помню ничего. Что тебе рассказать?

Правда, всё забылось!» А потом она неожиданно вспоминала: ей надо на кухню и исчезала. Антигона побаивалась настаивать на своем любопытстве, заметив: после этих вопросов бабушка становилась уж очень строгой и неразговорчивой.

Маленький Ваня подпрыгнул от радости, когда узнал: почти все из их деревни куда-то поедут и все срочно собирают вещи. Он сразу представил себе: увидит машины, поезда, корабли и людей. Много людей. Так оно и произошло. Из села Лесное до Адлера и Сухуми они выехали на грузовике, сидя чуть ли не друг на друге; дальше, до Баку, ехали на поезде. На Каспийском море их пересадили на корабль, сопровождаемый военными самолётами, чтобы немцы не разбомбили. Потом опять грузовики, поезда, Туркменистан и, наконец, добрались до Сибири, и оттуда – в Казахстан. Никто в деревне Лесное не знал, куда их повезут вооружённые солдаты с собаками. Только учитель Панайотис утверждал:

– В Казахстан нас повезут, там теперь мы будем жить вдалеке от Чёрного моря, – сказал он Марии, Ваниной маме. Учитель не хотел говорить про это «путешествие», не хотел отвечать на вопросы, которые ему задавали; он казался усталым – настолько печальным, что даже его синие глаза почернели.

В тот год Ваня пошёл в первый класс. Он ещё не успел хорошо познакомиться с учителем, который сразу же ему понравился, пообещав научить русскому языку. Ваня по-русски знал только три слова: «дом», «школа» и «тетрадь», да и то эти слова происходили от греческих слов, хотя он об этом тогда ещё и не догадывался. Это уже потом, спустя годы, Ваня со страстью следопыта искал в русских словах греческие корни. Тогда, в 1942 году, Ваня не понимал, о чём говорят солдаты. Никто не понимал русского языка, кроме учителя Панайотиса. Он был переводчиком во время выселения греков из села Лесное.

Отец Антигоны утверждал: он не помнит ни слёз, ни стонущего ропота женщин и стариков, которые горько плакали

и причитали: в их в жизни начались новые испытания, новая «симфора» – беда. На тот момент в деревне оставались только женщины с детьми и старики. Мужчин, почти всех, арестовали ещё лет пять тому назад и, как рассказывали, посадили в тюрьму. А ещё говорили: их арестовали за то, что они выше всех ставили Бога, даже выше коммунистов. Коммунисты, как известно, не верили в Бога, у них свой Бог – архикоммунист Ленин. «Одно дело – Бог, другое – Ленин»,– сказал как-то Панделис, отец Вани, и на следующий же день его арестовали. Ваня не помнил отца: ему было всего три года, когда того забрали. По рассказам, отец – тихий и неразговорчивый человек, но упрямый и настойчивый. Всегда верил: в один прекрасный день уедет с семьей в Грецию, он даже не стал прятаться в горах, когда распространился слух об арестах греков в Адлерском районе.

– Чего мне прятаться? Я не сделал никому ничего плохого. Всё равно мы уедем в Грецию! За нами придёт вапóр* и нас заберёт! – повторял он. Его арестовали, словно вора или даже убийцу. Панделис скоро умер в тюрьме от пневмонии. Во всяком случае, так написано в письме, которое пришло спустя двадцать лет.

Ваня запомнил страшный визг поросенка и звуки битого стекла. До того, как покинуть село Лесное, мама забила животное: взять, хоть немного, мяса в дорогу. А потом она разбивала молотком все стёкла в доме, чтоб никто чужой в него не вошёл. Все почему-то верили: скоро вернутся назад. Никто пока ещё не понимал: на самом деле начинают новую жизнь, как всегда, смертельно трудную… Запомнил Ваня и вязаную шаль. Именно в ней, полностью закутанный, он проходил всю зиму. Его часто выгоняли из мужских привокзальных туалетов, думая – это девочка. Выгоняли его и из женских туалетов, когда видели: он писает стоя.

По дороге в ссылку никто не думал о будущем. Все только старались отогнать смерть. Это стало единственной целью:

* Вапóр – в переводе с греческого языка – «корабль».

выстоять – не умереть. Постоянно кто-то заболевал. У дочери Парфены поднялась высокая температура, скорее всего, это была пневмония, и девочка быстро умерла. Потом «ушла» и сама Парфена, оставив троих детей. Мария в этом хаосе старалась изо всех сил, чтобы никто не потерялся и не заболел. Голод, холод и болезни прогоняли каждодневными молитвами, обращёнными к Богу, Спасителю Христу и к Пресвятой Богоматери, Панагии. В Алма-Ате Марию с детьми приютила на несколько дней понтийская семья, считавшаяся здесь «кулаками», высланными ещё в 1933 году за то, что были богатыми и не хотели идти в колхоз и делиться имуществом.

Дед Антигоны со стороны матери, Харлампий, был председателем колхоза, и у него не хватило продукции, которую он обязан сдавать государству. Его роковая ошибка – на вопрос, «Почему так мало сдаешь пшеницы и почему не выполняешь задание партии?», он не ответил: «Потому, что пшеницу и другие сельскохозяйственные продукты колхозники держат по домам, пряча их, но я обещаю – как только мы обнаружим спрятанное, обязательно всё сдадим государству!». Напротив, он простосердечно высказал горькую правду: в селе нет ни хлеба, ни яиц, люди голодают и умирают от голода. Неправильный, но правдивый ответ сто́ил ему жизни. Его арестовали. Шёл 1937 год.… В тот же день его отправили в Краснодар, и никто не знал, что ждёт Харлампия. Потом ему домой пришло извещение: якобы он умер. Никто в это не поверил, стараясь не думать об этом. Только в 1953 году узнали правду: на следующий же день после ареста его допросили и расстреляли у тюремной стены вместе с тремя другими председателями колхозов.

– Так лучше! Избавился от мучений в тюрьме, от мучений войны и высылки,– подытожила его жена Анна, когда узнала правду от Евфимия Саввулиди, просидевшего много лет в той же тюрьме. Евфимий – один из немногих, кто выжил, и это было, как он сам утверждал, волей всевышнего, самого Бога. Евфимий – глубоко

верующий, он ни на минуту не выпускал Евангелия из рук. Даже во время допроса держал его в руке. Почему-то допрашивающий его офицер не посмел запретить ему отложить книгу в сторону. Какая-то неведомая сила заставила этого офицера смириться. А кто знает, может быть, глубоко в душе и он был верующим христианином. Евфимий неоднократно утверждал: выжить в сталинских лагерях – настоящее чудо!

– Я не испугался ни на секунду, я верил: спасусь. Бог воистину со мной!– повторял он во время рассказов о пережитых кошмарах. После ГУЛАГа он прожил длинную жизнь и умер почти в девяносто лет в Греции, куда его привезли внуки – именно так, как он того и хотел: умереть на земле Эллады.

Отец Антигоны, Ваня, не запомнил ничего трагического из всего «путешествия» – высылки. Антигона всё допытывалась:

– Ну, скажи, неужели ты не хотел поесть, неужели не плакал, не болело у тебя ничего, не боялся?

– Нет, – вспоминал он, – я не голодал: я попрошайничал и совсем этого не стеснялся. А вот сестра моя Лена не могла просить подаяния; она всегда голодной была.

Антигона знала отца как человека активного, но в то же время стеснительного. Он даже на свадьбах, если и был голоден, стеснялся толком поесть, а потом приходил домой, будил жену или мать и просил покормить его.

– Да ладно тебе, Вань, ты ж на свадьбе был. Ты что не ел там?– журили его женщины, накрывая на стол.

– Иногда даже полезно в жизни поголодать, голод укрепляет дух и терпение, – объяснял Ваня много лет спустя, сидя с друзьями за столом, полным всяких деликатесов: икры и многочисленных мясных закусок.

В здании большого Новосибирского вокзала, в самом сердце Сибири, Мария, вместе с двумя детьми и ещё с семью семьями из их же деревни прожила целый месяц. Шёл ноябрь 1942 года. Они ждали поезда, который должен отвезти их в пункт назначения.

Вокзальное здание – величественное, с большими колоннами, лепкой на потолке и мраморными полами. Все спали прямо на мраморе. Ваня, завёрнутый в мамину шаль, не мог ни минуты усидеть спокойно. Он постоянно исчезал, пропадал, но возвращался с полными карманами хлеба. За это его и не наказывали. Хлеб, который он приносил, ели все, и ни разу никто ему не сказал «спасибо». Неблагодарность домочадцев возмущала его, он обижался, но ничего не говорил. Сидел, молча насупившись, смотрел, как все жуют еду, которую он им принёс. Потом ему опять становилось скучно, он говорил: хочет в туалет и исчезал. Гуляя вокруг вокзала, Ваня открывал для себя много нового. Однажды он познакомился с безногим солдатом, сидевшим на деревянной каталке и тоже попрошайничавшим. Ваня его пожалел и, недолго думая, отдал ему весь хлеб, который насобирал. Солдат прослезился, погладил Ваню по голове, покрытой маминой шалью, и что-то пробормотал по-русски, но Ваня ничего не понял и быстро убежал. В следующий раз он услышал выстрелы и помчался посмотреть. Его схватил какой-то мужчина, свалив наземь. Ваня успел только увидеть: два человека спрятались за вагоном. Когда он снова поднялся, перед ним встали трое вооружённых мужчин. Они что-то кричали, но и тут Ваня убежал и спрятался в здании вокзала. Он никогда не терялся и всегда находил своих: они всё время сидели на полу, как будто бы их приклеили к этому холодному мрамору. Только один раз Ваня почувствовал: он может потерять свою семью, причём, навсегда. Он оказался в очереди с детьми, которые чего-то ждали. Ваня решил: будут раздавать еду, и встал вместе со всеми. Потом он заметил, что находится среди ровесников и детей чуть постарше. Он быстро сообразил: вряд ли здесь дождётся хлеба. Когда подошла его очередь, толстая тётка схватила его и, что-то громко говоря, с силой втолкнула в комнату. Вот тут он испугался. Там люди за столом смотрели на него равнодушно, будто его и вовсе не было. Эта была комиссия, собиравшая беспризорных детей

для детских домов. Ваня вырвался из цепких рук толстой тётки и кинулся изо всех сил бежать к своим. Как всегда, он нашёл маму сидящей на вокзальном полу. Без слов зарылся к ней под одеяло.

– Сыночек, что случилось? – стала расспрашивать его Мария. А Ваня и не знал, что ответить. Его начали душить слёзы, и он что-то пролепетал, захлебываясь горючими слезами. Но вместо успокоения получил от матери оплеуху.

– Это чтобы не убегал от нас! – пригрозила она ему. Он тут же успокоился, слёзы высохли, и он уснул мгновенно, словно младенец в крепких маминых руках.

– Если б меня забрали в детдом, я сейчас был бы где-то в другом месте, и у меня была бы другая жизнь, – признавался он. – Знаете, сколько детей потерялось на войне и во время высылок? Возможно, забыл бы, что я грек, да и воспоминания у меня были бы совсем другими…

Бабушка Мария, Сталин и сибирский кот

Бабушка Мария ненавидела Сталина. «Этот дьявол, – утверждала она, – уничтожил так много невинных людей, он забрал и моего мужа!».

Но в её ненависти сквозило и уважение: она очень боялась его. Про Ленина говорила: «Выглядит добрым человеком, но чем же он отличается от Сталина, которого поставил на своё место. Если бы он был умным, как говорят, то смог бы разглядеть в нём нечистую силу». А потом добавляла: «А, может, Ленин и знал, поэтому так быстро и умер, чтобы не видеть того, что будет дальше».

Страх и уважение бабушки к советским руководителям проявлялись практически раз в неделю при нарезке туалетной бумаги из принесённых почтальоном газет. Она садилась за кухонный стол и внимательно просматривала газетные страницы, старательно вырезая маленькими ножничками фотографии Ленина, Брежнева и других членов ЦК партии и правительства. Вырезанные портреты рвала на мельчайшие кусочки и выбрасывала в мусорное ведро, а листы, уже без этих портретов, аккуратно разрезала, выкладывая стопочкой в чистую корзинку, которая висела в туалете. В СССР был дефицит туалетной бумаги, но издавалось множество газет, которые ежедневно разносились почтальонами по всей стране. Даже в отдалённые села доставлялись свежие газеты. Все граждане в обязательном порядке подписывались на газеты. Подписка проводилась по месту работы, а для упрощения процедуры оплату удерживали из зарплаты. Так, в каждый советский дом каждый день, кроме воскресенья, поступали свежие газеты. И никто никогда не жаловался на эту принудительную подписку: газеты печатались на мягкой бумаге и использовались в повседневных нуждах каждой семьи, особенно в туалете. Бабушка напоминала всем: недопустимо вытирать

попу портретом Брежнева или Ленина, фотографии которых пестрели на страницах многих газет, выходящих многомиллионными тиражами. Она, несмотря на то, что не умела читать, в поисках портретов вождей, перелистывая с серьёзным видом «Правду», «Известия», «Труд» и ещё две-три газеты, выписываемые её сыном, как бы впитывала содержание новостей. У всех складывалось впечатление: бабушка всё про всех знала, не только из близкого окружения, она в курсе того, что творится во всей стране и даже в мире. Видимо, у неё был природный дар чувства истории и перемен. Её сын Ваня подписывался на пять газет и два журнала. Так он поступал, чтобы не вызвать критику со стороны вышестоящего начальства, так как занимал руководящую должность. Читал Ваня только журнал «Вокруг света», запрещая всем к нему прикасаться, а газеты ему некогда читать – они сразу же переходили во владение бабушки, которая тут же находила им достойное применение. Антигона посмеивалась над беспокойством бабушки, чтобы никто не вытер зад фотографией Ленина. Но уже позже она узнала: бабушка, сама того не понимая, оградила семью от возможных болезней, которые могли бы возникнуть из-за использования газет в туалете. На распечатку фотографий расходовалось гораздо больше чернил, а чернила – краситель, вредный для здоровья химический раствор…. Антигона об этом узнала на уроках химии всеми любимого учителя «Михал Сергеевича», или, как его ещё любя называли, «Михасика». На одном из уроков он посоветовал ученикам не использовать газету в качестве туалетной бумаги. Смешливый Лёшка, недолго думая, отважно уточнил:

– Так, если это опасно для здоровья, чем же вытирается генсек страны и члены его семьи?

Все громко рассмеялись, переглядываясь, думая, что же будет дальше и как Михасик выкрутится. В ожидании реакции учителя класс неожиданно разразился громким хохотом. Все, видимо, живо представили себе Брежнева в туалете, подтирающего зад напечатанным в газете собственным портретом... И химик не

выдержал, рассмеявшись вместе со всеми, но потом быстро успокоил класс и очень серьезно заметил:

– Да… это вопрос. В самом деле, а я вот и не знаю. Скорее всего, для членов ЦК и правительства выпускают специальную туалетную бумагу – мягкую, чисто-белую!

Бабушка ненавидела Сталина, но как-то она призналась Антигоне, что прослезилась, когда узнала о его смерти. В то утро по радио звучала удивительно грустная мелодия, не привычная, ежедневная утренняя мелодия, а седьмая симфония Бетховена. Но бабушка не знала Бетховена, она помнила только: та музыка разрывала ей сердце печалью. Во всех домах СССР, у миллионов граждан страны, были радиоприемники, обычно висевшие в кухне. Они никогда не выключались, разве что иногда убавлялся звук. А на ночь радиоприемники сами по себе замолкали после «Спокойной ночи», сказанного диктором, но уже в шесть утра они бодро будили страну гимном Советского Союза.

5 марта 1953 года бабушка Мария ещё жила в Осакаровке, в северном Казахстане, куда их сослали лет за десять до этого. Утром она удивилась, что не слышит привычную утреннюю радиопередачу и физзарядку, а потом не было пионерских новостей, следовавших после гимнастики, – как раз перед тем, как детям и подросткам надо уходить в школу. Обычно семья завтракала под позывные «Пионерской зорьки»: к ним бабушка привыкла, как и к голосам дикторов, скрашивавшим её будни. Именно в эти утренние часы она занята на кухне, где висел на стенке маленький радиоприемник.

В тот день утро было совсем другим. Началось оно с других мелодий, тяжёлых и непривычных для её слуха. «Может быть, дьявол умер?» – подумала она испуганно. Его имени она никогда не произносила. Что-то говорили на базаре – он, якобы, болен. По радио продолжали передавать симфоническую музыку Бетховена, и никто из дикторов не прерывал ровного потока музыки… Чтобы узнать новости, она побежала в хлебный магазин. Там-то ей и сообщили о смерти Сталина. Хлеба она не купила, очередь

в сельпо длинная – более пятнадцати человек. Она быстро вернулась домой, встала на колени перед иконой Панагии и начала молиться, благодаря Христа и всех святых за освобождение от тирана Сталина. «Наконец-то ушёл, мы так долго ждали этого», – подумала она и вдруг расплакалась.

– Мне стало его так жалко! – призналась она Антигоне много лет спустя. – После молитвы меня охватило необъяснимое чувство сиротства. Столько лет мы жили с ним, а теперь что будет с нами? Всё станет лучше или, может быть, хуже?

Опыт ей подсказывал: всё будет хуже, она привыкла к худшему и уже давно разучилась мечтать о лучшем….

Когда Сталин умер, бабушке исполнился всего сорок один год. Молодая красивая женщина, которая всегда носила чёрную одежду, выглядела старухой. В двадцать четыре года, когда её мужа Панделиса арестовали и расстреляли во дворе сталинской тюрьмы, она облачилась во всё черное, до конца жизни так и не сменив цвета одежды. Антигона тогда ещё не родилась, а её отец ещё не встретил её мать, но образ бабушки Марии, которая, стоя на коленях, молится и благодарит Панагию за конец тирании, отпечатался в её сознании. Словно в тот день она находилась рядом и стояла на коленях перед домашним иконостасом, как если бы и она вместе с бабушкой радовалась и печалилась о смерти великого Сталина – человека, вселявшего страх и уважение в сердца сотен тысяч людей. Но образ отца нации продолжал сеять страх даже после смерти.

История, рассказанная Сергеем Сергеевичем Ершовым, начальником отца Антигоны, смешная и драматичная одновременно. Во время одного из семейных пикников вместе с детьми на берегу озера Балхаш Сергей Сергеевич, после того, как съели великолепную рыбацкую уху из разных видов рыб и, конечно же, выпили много водки, разоткровенничался. Маленькая Антигона хорошо запомнила Сергея Сергеевича – дядю Сережу, всегда смотревшего на неё сквозь очки удивительно добрыми глазами. Отец Антигоны достал любимую кеменджe и стал петь на род-

ном языке. Когда Сергей Сергеевич спросил, о чём же он поет, Ваня признался: «О потерянной родине, о ссылке», рассказав начальнику и другу, как их выслали из Адлера в Сибирь и потом в Казахстан… Дядя Сергей впервые услышал от сослуживца историю этой греческой семьи.

Уха, сваренная в котелке на костре, необычайно вкусная, да и водка потеряла горечь на берега озера. Сергею тоже захотелось рассказать о том, что он ещё никому не рассказывал.

– Не поверишь, Ваня, ты сослан мальчиком, когда Сталин ещё жил, а меня тоже мальчиком сослали вместе с моей семьей, но уже после его смерти! Отец у меня был главным инженером московского завода, и нас выслали из столицы, как и вас, в двадцать четыре часа. В дни траура по «отцу нации». Не поверишь! – рассмеялся Сергей Сергеевич. – Во всем виноват я и наш сибирский кот!

Он так расхохотался, что подавился и закашлялся… Смеясь, он выпил с особым наслаждением ещё одну рюмку водки, закурил папиросу и продолжил рассказ, улыбаясь кому-то, оставшемуся за горизонтом, – там, где пыталось спрятаться пока ещё горячее оранжевое солнца …

Сергею тогда было двенадцать лет. Весть о смерти Сталина дошла до него утром, когда он уже пришёл в школу. В связи с трауром, учитель объявил: уроки отменяются по всей стране на три дня. Выходя из класса, Серёжа от радости, что не будет занятий, громко крикнул: «Ура! Сталин умер – у нас каникулы!».

Когда он вернулся из домой, дверь ему открыла мама, а толстый рыжий сибирский кот сидел, как всегда, на горячем радиаторе. Как только Серёжа вбежал в гостиную, кот привстал, хотел, наверное, подбежать к нему, но вдруг поскользнулся и провалился в пробел между радиатором и стенкой. Кот завизжал что есть мочи – видно, ему было очень горячо. Его рёв слышен во всём доме... Мама Сергея испугалась: соседи могут посчитать несмолкающий кошачий крик за осквернение траура.

– О Боже! Что же мы будем делать? Соседи скажут: мы намеренно сделали больно коту, чтобы осквернить траур! – ужасалась она, готовая разрыдаться от беспомощности. Сергей попытался высвободить кота из ловушки, но тот оказался слишком толстым, основательно застряв. Кот, не прекращая, орал.… Как много, оказалось, у него сил! Мама Серёжи не выдержала и всё-таки разревелась. Она срочно послала сына за водопроводчиком, который, к счастью, сразу же нашелся. Водопроводчик, расстроенный смертью Сталина, уже с утра выпил водки в память о нём и теперь явно не спешил действовать. Между тем, соседи, не дождавшись тишины и всё ещё слыша кошачьи вопли и плач матери, уже перестали думать о Сталине и грустить о смерти великого вождя: они с интересом прислушивались к шуму, чтобы понять, что происходит в соседней квартире. В день смерти Сталина Москва словно лишилась городской суеты и характерных для неё звуков, даже автомобили как-то бесшумно проезжали под окнами дома. Казалось, всё одушевленное и неодушевленное на время замерло. Отопительные батареи накалены вовсю: этот весенний день неожиданно стал по-зимнему холодным, температура резко упала до минус 30 градусов. Сама природа словно по-своему скорбила о потере отца нации. В траурной тишине холодного весеннего дня все соседи многоэтажного дома вынуждены сосредоточиться на судьбе кота, который хотел, во что бы то ни стало, выкарабкаться из западни. Мать Сергея продолжала слёзно умолять водопроводчика перекрыть отопление дома, отвинтить радиатор и освободить кота. Водопроводчик решительно отказывался, говоря: это трудно сделать, очень холодно – он не может отключить отопление ни на минуту. Не способствовали успеху переговоров даже две рюмки водки, выпитые тут же, в их квартире. Но тут маму осенило! Она пригрозила водопроводчику: за устроенный в день траура об усопшем вожде шум понесёт наказание и он сам, в силах которого было решение неожиданно возникшей проблемы. Именно эта угроза сразу отрезвила водопроводчика. Он закрыл отопление, отвинтил радиатор, и освобождённый

кот резко замолчал. Уже спокойный, прогуливаясь по комнате, он повёл себя так, как будто бы и не он был тем самым котом, который только что погибал, нарушая бешеным рёвом траурную тишину дома. Кот, как и следовало ожидать, показал полное кошачье безразличие к людям и к их суете сует... В отличие от кота, мама Сергея долго не могла успокоиться, с ней случилась истерика. Теперь уже она ревела, как маленькая, не понимая, зачем и почему.… Слыша её плач, соседи притихшего дома тут же простили и её, и их наглого кота, который, хоть ненадолго, но всё же привлёк к себе общее внимание. Все они единодушно приняли её безутешные слёзы за плач о смерти Сталина и только тогда успокоились. Но мама Сергея всё ещё боялась, что кто-нибудь из соседей доложит в органы: их кот, а, значит, и они сами осквернили траур по вождю. История с котом не стала известна органам безопасности, но беда в семью всё же пришла – не из-за кота, а благодаря самому Сергею.

После траурных дней Сережу исключили из школы за ненадлежащее поведение в день траура, за ту неожиданную радость, которую он выразил, когда отменили уроки. В тот же день его отца исключили из компартии за «плохое и непатриотичное воспитание сына». Прошло всего две недели, и отец сообщил семье: они уезжают из Москвы – переезжают на новое место, куда его назначили. На самом деле одним росчерком пера, по приказу райкома, его уволили с занимаемой должности, «посоветовали» уехать в Сибирь, где он «будет более полезным для Родины». После Сибири Сергей вместе с родителями оказался в Казахстане, где вместе с тысячами высланных туда греков и других малых народов возрождал промышленность страны. Эти люди, в страхе перед властью, но с бесстрашием перед жизнью, идя на многие жертвы, общими усилиями в одно историческое мгновение помогли центрально-азиатской стране шагнуть от отсталого феодализма к развитому социализму.

Инжировое варенье

Когда бабушка – Я́я – или как её называла Антигона «мама», получала по почте посылку от Александры, она вся светилась от счастья. В небольшом ящике из фанеры, в целлофановом пакете – густое варенье из сладчайшего черноморского инжира. В жизни Я́и мало моментов, когда она чувствовала абсолютную радость и полное счастье. Инжир она ела всегда с таким упоением, словно это её последнее удовольствие перед концом жизни – почти так, как ела кашу «хави́ц» на смертном одре бабка Лемона.

– Ах! Как бы я хотела поесть вот сейчас настоящий свежий инжир! – признавалась бабушка Мария маленькой Антигоне, смакуя инжировое варенье и запивая его горячим чёрным чаем. Свежий инжир никак не мог дойти к ней по почте. От черноморского города Адлера до Казахстана – тысячи километров. Но однажды всё-таки Я́я получила посылку со свежим инжиром, который, правда, по дороге превратился в липкое чёрное месиво. Её невестка и любимая подруга Александра, жена двоюродного брата Евфимия, уж очень хотела обрадовать Марию родным черноморским фруктом. Она уложила инжир слоями в посылочный ящик, а между ними положила газетные листы. Но инжир не выдержал долгой дороги и испортился – пришлось его выбросить. Антигона помнила выражение глубокого разочарования на лице бабушки, когда она несла посылку на помойку. Однако Александре бабушка написала: труды не пропали даром, она рада посылке, съела быстро всё сама, но в следующий раз лучше присылать инжир в виде варенья…

Александра с семьей уже несколько лет как вернулась в Адлер. Сразу же после решения правительства реабилитировать греков – в 1956 году. Теперь все Саввулиди жили, наслаждаясь, в любимых местах. В их саду, как в раю, росли цветочные деревья и кустарники, много плодовых деревьев: орехи, яблони, груши,

инжир, сливы, мандарины, мушмула, виноград, персики, абрикосы и даже рос банан, но плоды у него оставались игрушечно маленькими. Сад напоминал джунгли. Пальмы и олеандры превратились в живую изгородь. А в самом центре росла огромная мимоза. Но на цветущее весной дерево можно смотреть только снизу, так как ветви, посыпанные ярко-жёлтыми горошинами, находились высоко, и достать их невозможно. Весной обычно все собирались под этим деревом подышать душистым ароматом мимозы и заодно подсчитать в уме, сколько же сотен рублей можно заработать, продав восьмого марта это цветочное богатство на базаре. Другое цветочное дерево японского происхождения – магнолия – обрушивало на семью стресс. Одурманивающий запах магнолии вызывал невыносимую головную боль у Александры. После долгих обсуждений пришлось всё же срубить её. Всем было больно смотреть на погибающее многолетнее красивое дерево, однако в жизни иногда приходится отрекаться от красоты ради спокойствия.

Александра поспешила вернуться в любимые места, к знакомым запахам, ароматам, а Мария с семьей сына осталась ещё на десять лет в Казахстане. Они не торопились уезжать: не могли решить – возвращаться в Сочи или уехать уже навсегда в Элладу. Бабушка всё же склонялась к мысли уехать в Грецию и там уже доживать, но по Адлеру всё-таки скучала… и очень завидовала Александре за её решимость вернуться и вдыхать теперь не смрад джамбульских химзаводов, а солоноватый морской воздух, аромат елей, мимоз, лакомиться мушмулой, виноградом, инжиром и мандаринами. Все эти радости для Марии столь желанные – именно эти фрукты росли и на родине – на землях Понта, но и в Адлере, Сочи, в Сухуми …. Про инжир или «си́ка», как его называла по-гречески бабушка, Антигона уже студенткой узнала много интересного. Оказывается, в Древней Греции этот фрукт был на вес золота и, когда однажды в Афинах, в связи с неурожаем, запретили вывозить и продавать инжир, появились доносчики, следившие за гражданами, сообщая властям о тех,

кто не повиновался закону. Им придумали даже специальное прозвище: «сикофа́нтисы» в значении «выявители беззакония». Вот так в греческом языке появилось ещё одно слово, связанное с инжиром, которое впоследствии приобрело негативную окраску, употребляясь как «клеветник». «Как-то обидно, – подумала Антигона, – такой вкусный фрукт стал корнем слова, характеризующего человека с отрицательной стороны». Но тогда, в детстве, она этого ещё не знала, а каким-то внутренним чувством понимала: для бабушки инжир – не просто фрукт, а что-то очень важное в её трудной жизни, еда, благодаря вкусу которой бабушка словно сладко растворялась в прошлым. В России инжир называют смоковницей, то есть «вкусным плодом». Инжировое варенье – бабушкин десерт – пробовала и Антигона. В тот момент, когда она ела это варенье, бабушка обычно сидела напротив, заглядывая ей чуть ли не в рот и одновременно следя за выражением глаз, словно в ожидании восторга внучки, при этом она то и дело повторяла:

– Вкусно? Да? Запомни: ты ешь плоды, полезные для желудка, но также и для души!

Антигона часто отказывалась от угощенья, говорила, мол, ей инжир не очень-то нравится, но это – чистой воды отговорка, чтобы бабушке досталось как можно больше варенья. Бабушка понимала хитрость внучки, радуясь вдвойне, что она такая умница, умеющая думать и заботиться о других. На самом деле Я́я преображалась на глазах, когда ела это варенье. Такая счастливая бабушка Антигоне нравилась больше, чем та, которая жила в недовольстве и суетных буднях. Она тоже наблюдала, сидя напротив за столом, и в этот момент словно появлялась невидимая ниточка, исходящая из вазочки с инжировым вареньем, которая связывала маленькую Антигону с далёким прошлым её бабушки, о котором она совсем ничего не знала…

Если инжир связывал бабушку с Понтом и с прошлым их рода, то с будущим и мечтой об Элладе её связывали оливки, которые иногда привозил её сын Янни из столицы, когда бывал там в ко-

мандировках. Оливковое масло и маслины продавались только в специальных магазинах для партийных чиновников и номенклатуры. У сына – большие связи, у него – доступ в магазины, где их можно купить. Янни привозил большую жестяную банку с изображённой на ней эллинкой – гречанкой с зелёными глазами и длинной косой. Такая красавица была! Оливкового масла бабушка съедала столовую ложку в день, каждый раз напоминая всем: это самое лучшее лекарство от нервов, а маленькие чёрные маслины она ела по нескольку штук за день, проглатывая две-три косточки – она говорила: эти косточки собирают и выносят наружу всю немощь из организма. Ни к оливковому маслу, ни к маслинам никто в семье не смел прикасаться. Немногие вещи принадлежали лично бабушке, которая посвятила себя семье сына. У неё три маленькие радости: инжировое варенье из Адлера, греческие оливки и оливковое масло из банки с нарисованной эллинкой да ещё редкие письма из Греции. Это были письма от Георгиоса – брата её мужа, Панделиса. Писал он редко, но обязательно вкладывал в конверт одну-две фотографии или открытки с греческим королем и его семьей. Каждый раз бабушка, получая заграничный конверт, бежала сразу же к дяде Сократу: только он мог читать по-гречески.

В письме Георгий ничего особенного не писал. Мол, он и его семья находятся в добром здравии, и все они хотели бы приехать в Сочи, увидеть места, где родились и выросли, которые они оставили в 1939 году. А вот фотографии – такие красивые, казалось, это не фото, а целый фильм о человеке, который там сфотографирован… Антигона могла часами рассматривать фото дяди в его парикмахерской или фотоснимок его сестры Деспины в изящном пальто с меховым воротником, позирующей на фоне Парфенона… Даже через эти чёрно-белые фотографии проникал свет Эллады и её дух. А, может, это казалось? Кто знает? Однажды дядя Георгий прислал «Алфавитарий» – греческий букварь, чтобы Антигона научилась читать по-гречески. Читать она научилась много лет спустя, уже живя в Греции, но на всю жизнь запомнила

нарисованных девочек из букваря: Лолу, Милу и Элли, а Лола – главная героиня в греческом букваре, но она – просто девочка, как все дети мира…

Казахстан, где росла Антигона до десяти лет, далёк от афинского Акрополя и Парфенона, от короля Константина и его семьи. Она успела полюбить эту страну, утопающую весной в диких тюльпанах, любила восточные ароматы этой страны. Дыню, продолговатую, аромат её мог заполнить огромный городской вокзал или целый самолёт. А виноград – кишмиш, а манты, их вкус – незабываемый, а ещё горячий плов, свежие лепешки... За десять копеек бабушка покупала Антигоне манты на городском базаре у толстой узбечки в грязном фартуке. Но бабушка не брезговала, она покупала для внучки и потом наслаждалась, видя, как та ела его с огромным наслаждением, обливая счастливое личико сочным красным от перца соком… Антигона и бабушка понимали друг друга всегда. Много лет спустя, когда бабушки уже не стало, Антигона посвятила ей один стих. Но он получился не в рифму, белый.

МАМА

Я бабушку-Яю свою
называла «мамой».
Отец мой, когда
слышал «мама»,
радовался очень.
Это слово «мама»
лилось в сердце ему
тягучим жёлтым медом.
Оно было платой за её любовь
жертвенную.
За то, что она всю жизнь
посвятила ему,
сыну своему.

Оно было платой
за любовь,
которую она дала
внукам своим.

Бабушка
не умела жить вне семьи
сына своего.

И даже свою невестку
выбрала она,
когда сказала сыну:
«Вот тебе хорошая девушка!
Женись на ней!».

Каждую субботу мама
купалась в бане.
Тогда она
звала меня,
чтобы я пришла
потереть ей спину.
Я знала, ей нравится,
когда я тру ей спину.

Мама
сидела в ванной, прикрытая водой
до грудей.
Помню, тело у неё было пшеничного цвета,
а груди очень белые.
Тогда ей было
сорок пять лет,
но, как старуха, она носила всё черное.

Мама была красивой,
помню.
И гордой была.
Не я говорю об этом,
весь мир это знал:
«аристокра́тисса» звали её.

Я тёрла ей спину;
в это время
она
мне жаловалась
на жизнь.

Жаловалась на жизнь
свою
и на то, что
состарилась и
больше не может потереть
себе спину
сама.

Я терла её спину мочалкой,
я ласкала её спину рукой,
трогала бархатную кожу её.

Маленькой девочкой была тогда,
но помню,
что жалела её.
Нет, не за то, что она пережила высылку
и голод в Сибири и Казахстане.
Нет, не за то, что она
потеряла детей своих:
к счастью, из пятерых, только двоих –
ведь кто-то всех потерял.

Я её жалела,
потому что с 24-х лет,
когда мужа её убили
в сталинской тюрьме,
никакой другой
мужчина
не взял её за руку,
не обнял её за плечи,
не посмотрел ей в глаза,
не затронул её сердца.

Я жалела Яю,
я называла её мамой…

Валя, её велосипед и любовь Вани

Завтрак довольно-таки часто заканчивался ссорой, небольшой, но всё же… Бабушка или отец повышали голос, пытаясь доказать друг другу свою правоту. Антигона помнила: семья обычно собиралась за общим столом только за завтраком. Это единственный момент за весь день, когда можно всем увидеться и порадовать другу друга, а иногда даже… и поссориться. Обычно пили чай с хлебом, намазанным сверху маслом и вареньем. На столе также всегда – сыр, а вот колбасу и сосиски бабушка почему-то игнорировала и почти никогда не покупала их, разве что для гостей в качестве закуски к водке. Отец часто за завтраком доедал вчерашний суп, с куриным или говяжьим мясом. Иногда бабушка готовила «фусторон» – яичный омлет с молодым зелёным луком на обильном сливочном масле, либо с кавурмой – тушёнкой домашнего приготовления. Утренняя перепалка начиналась всегда на пустом месте. Антигона не могла взять в толк, почему взрослые, пытаясь понять другу друга, ссорятся, если в действительности очень любят друг друга – да так, что даже не смогли бы жить врозь.

Позже, когда она выросла, поняла: за завтраком бабушка по-своему доказывала присутствие в качестве хозяйки дома – строгой, справедливой и заботливой, демонстрируя сыну Ване: «здесь я самая главная, а ты – после меня». Именно это раздражало сына: он-то не претендовал на место домохозяина – ему некогда. Ваня из уважения позволял ей сохранять право последнего слова, но не хотел, чтобы ему перечили. Он и так уставал руководить на работе, где был начальником. К тому же по роду работы он постоянно отсутствовал дома. Уходил – рано утром, а возвращался – поздно вечером. Работа такая, да и компании многочисленных друзей никогда не оставляли его в покое.

Антигона расстраивалась, когда видела ссорящихся родителей. На самом деле они оба очень любили друг друга. Правда, она не помнила родителей обнявшимися или целующимися, но внутренне осознавала: её родители скрывали нежные чувства, их любовь томилась где-то глубоко, иногда вырывалась наружу да так неожиданно, словно выворачиваясь наизнанку, превращаясь в ссору. Какой-то протест против того, что им никак нельзя выразить свою любовь. Во-первых, перед бабушкой, которая овдовела в двадцать пять лет, а во-вторых, перед маленькими детьми. То, что её родители любили друг друга, Антигона видела, когда её отец с восхищением смотрел на маму, но он никогда не говорил, как её любит, однако и Валя казалась очень сдержанной. Таковы нравы в строгих греческих семьях. В те времена люди стеснялись показывать чувства при посторонних.

Однажды бабушка, увидев после очередной семейной ссоры внучку расстроенной, решила рассказать Антигоне историю любви её родителей.

Ване было всего семнадцать лет, когда он заявил матери, что готов стать хозяином в семье и попросил её уйти с фабрики. «Я сам позабочусь о тебе и о доме!» – сказал он решительно. Мария беспрекословно послушалась сына: ещё совсем молодая, она уже устала от жизни, где ей пришлось трудиться одной ради выживания всей семьи. Так Ваня рано стал кормильцем семьи. Несмотря на то, что ему приходилось одновременно работать и учиться в вечерней школе, денег им всегда хватало. В двадцать два года Ваня решил жениться. Парнем он был видным: в кожаных высоких сапогах, кашемировом костюме, длинном пальто и хорошей кожаной куртке. И, конечно же, в белой рубашке. Одежду он всегда выбирал себе сам, уж очень любил красиво одеваться. В пятидесятые годы никто ещё не думал о роскоши, все одевались просто. Но, тем не менее, Ване удавалось выглядеть красиво, а всё потому, что он понял «секрет белой рубашки», в которой никто никогда не мог выглядеть бедным или плохо одетым. Кроме того, Ваня ухитрялся, отдавая всю зарплату матери, оставлять себе

деньги на карманные расходы. Он – желанный жених во многих семьях в Осакаровке, стремились «взять» заодно в свахи и его мать Марию, которую уважали за ум и сильный характер. К тому же Мария ещё и очень веселая. Она не рассказывала истории или анекдоты, а всегда находила смешную сторону даже в самой трудной жизненной ситуации. Благодаря чувству юмора, Мария с лёгкостью и оптимизмом переносила тяготы жизни.

Приняв решение жениться, Ваня никак не мог выбрать себе девушку. Ни одна из предлагаемых ему невест не заставила его сердце застучать от радости и томиться в ожидании очередной встречи. Одна из этих девушек даже влюбилась в него. Бедная, она очень страдала, но Ваня – ни в какую: «Ну что я должен делать, если не люблю её?!». Мария довольно часто чувствовала себя виноватой – сын у неё оказался очень уж разборчивым: в селе начали поговаривать – Ваня задрал нос и слишком много ставит из себя…

– Мама, не могу я решиться на женитьбу! Да, хочу жениться, но мне ни одна из них не нравится! – отрезал Ваня и уехал на десять дней в Джамбул. Там жил его двоюродный брат Христо, с которым он был очень дружен. Христо, по сравнению с Ваней, просто красавец. Голова и лицо у него – прямо как у артиста с открытки: высокий лоб, правильные черты лица, нос с лёгкой горбинкой, красивый рот, окантованный аккуратно выбритыми усиками, а глаза – чёрные, ярко пылающие! Однако, когда они вечером вышли в Центральный парк на танцы, все девушки смотрели только на высокого, хорошо одетого Ваню. Было в нём такое, что невозможно выразить словами – шарм или ещё что-то. Но, скорее всего, Ваня обладал не только приятным внешним видом, но и харизмой общительности и открытости, благодаря чему становился особенно привлекателен. Ещё одно ставило его на танцах на ранг выше: Ваня – хороший танцор. Он не жеманился, не рисовался, а сразу же шёл в круг, выбирал себе партнёрш, танцуя весь вечер…

И на этот раз, не успев прийти на танцплощадку городского парка, он уже успел станцевать вальс с двумя девушками, даже поболтал с ними немного, рассказал им пару анекдотов и был почти уверен: с какой-нибудь из них проведёт остаток вечера. Христо же неразговорчив и совсем не танцевал. Он стоял в стороне, смотря на всех свысока, как постовой милиционер, следящий за порядком. Иногда в глазах у него вспыхивал интерес, и тогда он становился похожим на коршуна, наблюдающего за суетливыми цыплятами, выбирая себе жертву… Очень серьезный Христо в этот вечер так бы и остался один, если б не Ваня, который привел ему девушку после того, как станцевал с ней танго.

– Вот познакомьтесь: Таня – Христо! – представил он, и тут же исчез в поисках очередной партнёрши. Так и стояли все вместе, небольшой компанией, рассказывали истории, смеялись, но при этом взгляды у всех парней то и дело устремлялись куда-то вдаль – туда, где, возможно, находится та самая, единственная и на всю жизнь!

Вдруг Ваня увидел на танцплощадке девушку, легко танцующую вальс. Небольшого роста, в недорогом платьишке из цветастого ситца. Внезапно свет прожектора скользнул по её лицу и озарил его, и оно сразу же запало ему в душу. Ваня точно не мог понять, что именно так ему приглянулось в этом лице, но какая-то искорка вспыхнула в его сердце, он почувствовал в нём сладкие ответные удары в ритме вальса: раз-два-три, раз-два-три, раз-два три... Глядя на девушку в простом ситцевом платье, Ваня вдруг ощутил, что нашёл родного человека, желанную. Но тут неожиданно на него нахлынуло беспокойство, смутило его да так, что он совсем запутался и никак не мог взять в толк, хорошо ли это для него или плохо, но нежный стук в сердце в ритме вальса: раз-два-три, раз-два-три... успокоил его в одну секунду. Недолго думая, Ваня бросил компанию и побежал приглашать девушку в цветастом платье на следующий танец.

Оба они очень хорошо и плавно танцевали. Ваня не торопился спросить её имени, он хотел насладиться минутами танца

и биением своего сердца в ритме вальса… Первой заговорила девушка:

– Как тебя зовут? Ты не отсюда?

– Яни, но меня все зовут «Ваня». Я приехал на несколько дней к своему двоюродному брату Христо.

– Так ты ромэос, грек?!

– Я? Да, конечно! А кто ж ещё?

– На калачэвумэ ромеика, афу исэ си тэмэтэрон!

То есть она сказала: «Тогда давай говорить по-гречески, раз ты наш!». И тут Ваня заметил: глаза у неё ярко-серые, но не холодные, а тёплые, лучистые, как утреннее летнее солнце. «Очень красивая и к тому же гречанка!» – радостно подумал он, но тут же к нему подкрались предательские мысли: «Но маленькая ростом, а я бы хотел девушку повыше. И потом, я её не знаю совсем, из какой же она семьи?». Он поймал себя на мысли: намеренно ищет у неё недостатки, чтобы не знакомиться с ней ближе. И почувствовал себя Иудой. После танца Ваня проводил Валю на то место, откуда её пригласил, улыбнулся, откланялся и быстро исчез. Когда вернулся в компанию, то, не медля, спросил у Христо, знает ли он Валентину – ту девушку, с которой только что танцевал...

– Брось! Это не девушка, это сорванец. Она же ездит на велосипеде! Тэмэтэра та корицья дэн анэвэнун ста подилата! Наши девушки не катаются на велосипедах! – выпалил на двух языках Христо. Потом добавил:

– Мало того, ты что, не заметил: она перетанцевала со всеми! Видишь, набирается смелости и ходит вечерами на танцы. И потом, я слышал, она очень избалована. У неё четыре старших брата, и они выполняют все её прихоти. Да ещё из бедной семьи! Короче, забудь! Она – не для тебя! – отрезал Христо.

Ване вся эта тирада, адресованная в адрес Вали, не понравилась. «Христо сказал так много отрицательного. Неужели он сам хочет её себе в жёны?» – промелькнуло у него в голове. Хотелось даже задеть немного Христо, спросить его, но тут он заметил:

что Валя уходит с танцплощадки, и бросился её догонять. Валя шла к выходу из парка, подталкивая впереди себя велосипед.

– Ты уже уходишь?

Валя не ответила, продолжая катить велосипед.

– Может, оставишь мне что-нибудь на память? – Ваня решил завоевать её внимание напористостью. Валя остановилась и строго посмотрела на него.

– А что ты хочешь, чтобы я тебе подарила?

– Ну, что-нибудь! – не перестовал задираться Ваня. Она промолчала, думая, но потом неожиданно сказала:

– А у меня нет даже платочка...

Ваня уже не находил повода продолжить разговор, но тут предложила сама Валя:

– А вот! Возьми замочек от моего велосипеда!

Ваня даже растерялся и в шутку спросил:

– А ключик?

– А ключик сам найдёшь! – ответила весело Валя. Засунула ему в руки маленький замочек, легко вскочила на велосипед и исчезла в ночи, ни разу не обернувшись.

С тех пор Ваня больше не видел Валю. На танцах, куда он пошёл в субботу, её не было. А на следующий день он уехал домой, в Осакаровку. Как только Ваня сошёл с поезда, мгновенно ощутил такую глубокую тоску по Вале, как будто всё это время, с самого рождения, она всегда оставалась с ним, и теперь вот её нет рядом... Ваня впервые в жизни почувствовал сладкую боль тоски и ожидания того, что всегда было твоим, но вдруг куда-то исчезло. И вот оно найдено, но, опять же, пока ещё не совсем твоё…. Мысли – «она» никогда не будет «его» – вызывали изнывающую боль: гораздо сильнее, чем та, которую он испытал, когда отрезал себе на станке палец в столярной мастерской, где работал года два назад. Эта другая боль – да такая, что не хотелось, чтобы она проходила. Но и Ваня не понимал, как жить дальше с этой болью в сердце.

Прошло несколько месяцев, а Ваня всё ещё «не расставался с Валей». Чтобы избавиться от мыслей о ней, он всё время прокручивал в голове слова, которые ему сказал Христо об «испорченной девушке-гречанке», у которой есть «смелость кататься по городу на велосипеде». Однако и это не помогало. Ваня полностью одержим Валей. Живя в агонии любви, однажды он неожиданно для самого себя он решил: надо жить там, где Валя.

– Мама, мы переезжаем в Джамбул! Здесь слишком жарко летом и слишком холодно зимой, а там всё гораздо лучше. Цветут фруктовые сады, которые тебе так нравятся, и работы там больше! – заявил Ваня, уверенный в правильности принятого решения. Мария даже и не попыталась возразить, она доверяла сыну, да и сама хотела давно перебраться в Южный Казахстан, где жизнь теплее и вкуснее. Очень быстро Ваня с матерью продали маленький домик, погрузили небольшие пожитки и уехали поездом на юг. Две недели им пришлось пожить у родственников. Быстро нашёлся подходящий домик для покупки, почти в центре города. И, как только переехали, Ваня рассказал матери, что интересуется девушкой по имени Валя, попросив её сходить в дом Карафулиди и присмотреться к ней. Мария недолго собиралась. Быстро нашлась дальняя родственница, которая хорошо знала эту семью, и они вместе пошли в дом к Вале, солгав, что оказались на их улице случайно, в поисках покупки дома:

– Потерялись в вашем квартале и решили зайти к вам в гости, передохнуть немного, – объснили они Анне, Валиной матери, которая на самом деле обрадовалась их приходу, оказав им искреннее гостеприимство. Анна приготовила чай и даже умудрилась испечь блинов. В разговоре она расспросила все новости об общих знакомых, но ей и в голову не пришло, что обе женщины пришли к ней в гости с одной единственной целью – увидеть и «оценить» её младшую дочь Валю как кандидатуру в невесты для Мариного сына.

– Все дети работают? – спросила Мария.

– Слава Богу, работают! Только младшая, Валя, учится пока ещё в школе. В этом году она заканчивает, и я отправлю её учиться в техникум на бухгалтера.

– А она дома?

– Да, занимается в своей комнате.

– Позови-ка её, я хочу спросить у неё кое-что по одному делу: если она у тебя такая грамотная, то должна знать! – настояла Мария.

– Антигона, чтоб ты знала, когда твоя мать в первый раз предстала передо мною, я её тут же полюбила! В ту же секунду! Она сразу мне показалась своей! – рассказывала Мария внучке спустя много лет.

– Но, конечно же, я заметила, что она слишком худая. Да и ноги у неё кривоватые, и ростом она маленькая – коротышка рядом с твоим высоким отцом, однако, несмотря на это, она запала мне в душу, вот и всё! Я сразу же решила – в ту же минуту, мы её возьмём, она очень нам подходит!

Когда Мария вернулась домой, сразу же с порога дома громко заявила сыну:

– Мы её берём, и давай быстрее свататься, чтоб у нас её не перехватили!

Ваня, который с нетерпением ждал мать, переживая, что же скажет она про Валю, как только услышал её признание и согласие с его выбором, неожиданно не обрадовался, а растерялся: в голове моментально всплыли слова Христо…

– Хорошо, мама, но знай, Христо сказал: у неё есть велосипед, и она, как мальчишка, на нём ездит в школу и по городу и то, что она предпочитает чтение домашним делам и вообще очень избалована, – выпалил Ваня, почувствовав себя при этом ещё раз настоящим Иудой. Он постарался оправдать себя, успокоить свою совесть: «Истина дороже, пусть мама знает всё!».

– Я не знаю, что там тебе наговорил Христос, но десятилетку она закончит через несколько месяцев, а домашним делам и

готовить я её обучу сама. Велосипед... Да уж! Велосипед это, действительно, проблема. Нехорошо, когда наша девушка садится на велосипед. Но ты спроси её, зачем она это делает и почему не ходит в школу пешком, как все другие девочки? – спокойно возразила Мария. Она предостаточно настрадалась в этой жизни и поэтому всегда защищала женщин, хотя, как известно, гречанки обычно становились на сторону мужчин – отцов, мужей, сыновей, предавая женское начало. Наверное, всё же греческие женщины слишком завидовали мужчинам и их свободе, но не могли бороться за свои права открыто, шли окружным путем – защищая и восхищаясь мужьями и сыновьями. Эти женщины, отстаивая своё, не смели даже поднять головы, так, стоя с опущенным взглядом, они всё же умудрялись держать все под контролем и властвовать в своих семьях.

На самом деле Ваня с той минуты, когда прожектор осветил Валино лицо, понял: она станет его женой. Но сватов всё же не засылал. В нём поселилось беспокойство, он как будто бы даже стеснялся чего-то. «Что обо мне скажут мои друзья? А Христо? Скажут, мол, берёшь в жёны девушку, которая не уважает наши традиции и устои да ещё ездит на велосипеде!» – думал он в полной растерянности.

Прошло несколько месяцев, и Ваню окружили другие «претендентки» в невесты. Скромные, красивые, нормального роста, хорошие хозяйки. У него – большой выбор, но он не пытался даже познакомиться с другой девушкой, никак не мог забыть Валю. С тех пор он её ни разу нигде так и не встретил, даже случайно, на что очень надеялся. Находясь в состоянии нерешительности, и назло самому себе, так как судьба не предоставляла ему никакой возможности увидеть Валю, Ваня в какой-то момент неожиданно решил посвататься к Деспине, которая, как передали, очень полюбила его.

Мария приготовилась, нарядно приоделась, да и Ваня одел белую рубашку, натёр до блеска кожаные сапоги.

Дом Деспины – в соседнем квартале, но когда они подошли к их калитке, Ваня вдруг почувствовал сильные колики в животе, он даже вспотел.

– Мать! Я побежал домой! Что-то мне нехорошо, мне нужно срочно в туалет! – крикнул он и ушёл быстрыми широкими шагами.

Пока Мария решала, войти во двор или ждать сына на улице, калитка неожиданно распахнулась, и на пороге появилась мать Деспины:

– Пожалуйста, проходите!

Мария, несколько растерянная, вошла во двор. Попили чаю в тени виноградника, поговорили обо всём, кроме сватовства. Она решила не торопиться, что-то внутри неё говорило: с Ваниным неожиданным бегством в туалет может измениться и его окончательное решение. Она долго ещё сидела в гостях, а Ваня так и не пришёл. В конце концов, Мария вынуждена уйти ни с чем, понимая: сын уже не придёт. Она тепло попрощалась, хотя чувствовала себя виноватой, потому что заметила: Деспина с замиранием сердца всё ждала, когда же взрослые заговорят о сватовстве. В тот же день Ваня действительно изменил своё мнение, решив не прислушиваться к словам Христо и друзей, а сделать то, что подсказывает ему сердце, поэтому вечером пошёл на танцы, где совершенно неожиданно встретил Валю. Они станцевали вальс. На этот раз он смотрел ей прямо в глаза. Он уже точно знал: не сможет жить без того, чтоб не видеть их каждый день, без того, чтоб не видеть её улыбки, её лица, которое, возможно, не такое красивое, как у Деспины, но это то самое лицо, которое он хотел бы видеть всю жизнь.

Через месяц Ваня и Валя поженились, а Валин велосипед спрятали в сарае. Оба решили: он достанется их будущим детям. Но Валя всё-таки заручилась Ваниным обещанием: они накопят деньги и купят автомобиль, но и она будет водить машину. И, действительно, через несколько лет они купили автомобиль, Валя

получила водительские права, но почему-то сама так никогда и не села за руль. Рулил всегда Ваня, хотя и часто говорил ей: «Ну так давай, садись за руль!»

Жили хорошо, но трудно. Ваня часто ревновал Валю без причин. Он словно не мог забыть и простить ей её любовь к велосипеду, но при этом они не переставали любить друг друга. Их любовь ощущалась в доме, из которого гости всегда уходили с неохотой!

Через много лет, уже в Греции, Ваня и Валя, никогда не расставаясь, также вместе ушли из жизни. Это случилось во время страшной автомобильной катастрофы на трассе в двухстах километрах от Афин.

Антигона, обливаясь горькими слезами на похоронах родителей, вспомнила о Валином велосипеде, который встал препятствием Ваниной любви, и об автомобиле, который мечтала водить Валя, но так никогда и не села за руль…

Ахиллес и Ворошилов

С красавцем Ахиллесом Антигона познакомилась в Греции. Ему тогда уже исполнилось семьдесят, но душевную красоту и благородство годы не умаляют – выглядел он моложе своего возраста. Ахиллес популярен среди соотечественников, приехавших из Грузии. Симпатизировали ему и местные греки. При знакомстве он сразу же завоёвывал доверие и глубокое восхищение безупречным новогреческим. В те годы немногие греки из Советского Союза так хорошо говорили «по-эллински», а Ахиллес обладал именно этой большой привилегией – знанием новогреческого языка, который он к тому же ещё преподавал в Грузии. С детских лет Ахиллес знал: в нём есть нечто такое, что делает его особенным. Он всегда понимал, что в некотором роде уникален и единственен, отличается от других. И этой исключительностью было не что иное, как его национальность. «Я – грек!» – говорил он с гордостью даже тогда, когда никто не спрашивал его о национальной принадлежности.

«Родиться греком – это как с самого рождения получить награду не за жизненные подвиги, а за то, что ты есть», – часто повторял он, шутя, однако, как известно, в каждой шутке кроется доля истины. Но его гордость за свою нацию никогда не воспринималась другими как заносчивость или гордыня. Все понимали: каждый человек имеет право гордиться собой, либо кем-то или чем-то своим: домом, детьми, родиной… Ахиллесовой же пятой стало его греческое происхождение. Но для достижения полного счастья, кроме этого, ему не хватало знания эллинского или новогреческого языка – того самого, на котором разговаривают на территории дорогой ему Эллады, в Афинах, чтобы окончательно «закрепить» за собой греческое происхождение. Ведь не секрет: наш язык – это и есть наша сущность.

Греки Грузии говорили на понтийском языке – сохранённой форме древнегреческого языка, но немного видоизмененной.

Правда, об это он узнал много позже, когда уже стал студентом. Если бы он знал, что его язык – это как раз тот самый, на котором он смог бы поговорить даже с самим Ахиллесом, героем Гомера, то, наверное, взлетел бы от счастья на седьмое небо. Страшно подумать: он, Ахиллес, мог бы сходу понять гомеровского Ахиллеса, говоря с ним на одном и том же языке. Но никто ему тогда не раскрыл этого секрета, а вместе с этим, всю значимость их деревенского, как он думал, ромейского языка. Поэтому ещё с раннего детства Ахиллес одержим идеей выучить новогреческий язык. Только тогда, по его мнению, он смог бы считать себя истинным греком, настоящим потомком древних эллинов.

Одарённость человека заметна уже в детстве, и Ахиллес, ещё учась в школе родного греческого села Ирага, расположенного в горах, отличался от других мальчишек. «Умный мальчик, прозорливый!» – говорили об Ахиллесе старейшины села. Уже в школьные годы, в начальных классах он стал задаваться вопросом: почему греки не говорят на эллинском, а только на понтийском, на русском и на грузинском языках? Отец его, Ираклий, успел окончить греческую начальную школу до того, как в 1937 году закрыли все национальные школы. В том же году закрылись и греческие театры, и греческие газеты. Сам Ираклий успел научиться свободно читать и писать по-гречески, но дома, в семье, он не говорил на эллинском и никогда не пытался обучить ему семилетнего Ахиллеса. Ахиллес же ждал с нетерпением, когда патэрас – отец посадит его рядом и покажет ему «алфавиту», греческую азбуку. Он постоянно теребил его, всё спрашивая, когда же, наконец, начнутся занятия?

В то время Сталин достиг вершины славы, а его тоталитарная власть – апогея, продлившись на сорок последующих лет. Все люди, конечно же, любили Сталина, но и одновременно боялись его смертельно. Отец Ахиллеса – тихий человек; он умел только честно, неустанно работать и только на работе чувствовал себя сильным и свободным. Тяжёлый труд вытеснял все страхи и

переживания и, главное, помогал избежать нежелательных вопросов маленького любознательно сына. Ираклий не хотел с ним говорить о греческой школе и о греческом языке, а когда Ахиллес настаивал, то он просто отгонял его от себя. И никто не поверил бы тогда, что спустя годы Ахиллес всё-таки начнёт изучать греческий и осуществит мечту о преподавании греческого языка как одного из предметов общеобразовательной школы – не сразу, конечно, но всё же это случится. Но тогда, в одиннадцать лет, когда Ахиллес настойчиво требовал от отца научить его читать по-гречески, он понимал: взрослые явно что-то скрывают от него. У отца есть тайна, но она не касается ни членов семьи, ни рабочих на каменоломне. Юный Ахиллес догадывался: отец прячет от него правду об официальном запрете на греческое образование.

– Много спрашиваешь, а кто много спрашивает, беду может на себя накликать и в тюрьму попасть. Сталин нас не хочет, не хочет, чтоб мы говорили и писали на своём языке. Он хочет только, чтоб мы говорили по-русски и думали о том, о чём он нам велит думать,– сказал однажды Ираклий сыну. Как только Ахиллес убедился, что отец не собирается ему помогать в изучении языка, он решил действовать самостоятельно, но так, чтобы наверняка достичь цели.

На дворе стоял 1949 год. Народ пока ещё не жаждал знаний и образования. Только что закончилась вторая мировая война, все наслаждались миром. Маленький Ахиллес, к счастью, войну не почувствовал. До них, живших высоко в горах, фашисты не добрались, так что хлеба на столе всегда хватало. И вот однажды он придумал, что же надо делать в этом безвыходном положении. И вот, в один прекрасный день он написал письмо заместителю председателя правительства, маршалу Советского Союза Клименту Ефремовичу Ворошилову. «Дорогой Климент Ефремович! – писал Ахиллес. – Пожалуйста, пришлите нам одного учителя, чтобы он научил нас греческой грамоте. Я – грек, но не знаю родного языка. Самая большая моя мечта – научиться говорить

и писать на греческом языке. С большим уважением, Ахиллес Чепиди из деревни Ирага, Грузия». Письмо это унёс почтальон Ашот, и Ахиллес остался в ожидании ответа из Москвы. В деревне, конечно же, никто не верил, что Ахиллес получит ответ, но не прошло и месяца, как почтальон принёс конверт на имя Ахиллеса. Он был не из Москвы, а из Тбилиси, от министра образования Грузии, товарища Цибладзе. Грузинский министр ответил кратко: «Дорогой друг Ахиллес! Так как в данный момент в нашей стране нет никакой возможности для изучения греческого языка, твоя просьба не может быть удовлетворена».

– Почему нет возможности?! – возмущался Ахиллес. Ответ министра его не устроил, и он, сильно рассердившись, ушёл в лес, чтобы посидеть там в одиночестве и хорошо подумать, как быть дальше. В лесу он не задержался, быстро вернулся в село и пошёл к почтальону Ашоту, чтобы спросить его, почему ответ пришёл из Тбилиси, а не из Москвы.

– Я не знаю, как письмо оказалось в Тбилиси, на конверте ясно было написано: «Москва, Кремль», – удивлялся Ашот, которому, как оказалось, впервые в жизни попало в руки письмо, адресованное прямо в Кремль, в Москву, откуда правит сам Сталин! Всю ночь Ахиллес не спал, и, несмотря на то, что ему исполнилось всего одиннадцать лет, он всё же быстро раскусил хитрость взрослых, придя к выводу, что все конверты, на которых написано «Москва», адресованные руководителям страны, просто-напросто никогда не доходили до столицы.

– Я знаю, почему не получил ответа от Ворошилова, хотя уверен, что он бы мне ответил, – утверждал Ахиллес. – Ворошилов не получал моего письма, потому что его выкрали в Тбилиси! Скорее всего, они подумали, что я олух Царя Небесного, и пишу глупости в Кремль! Они перехватили моё письмо, но, когда открыли его, поняли, с чем имеют дело, однако уже не могли ничего исправить и не посмели отослать Ворошилову вскрытое письмо. Что бы тогда сказал Ворошилов: «Кто прочёл мою личную переписку?».

– Пожалуйста, прекрати говорить об этом! – попросил его отец. – Только Бог знает, почему Ворошилов не получил твоего письма, не ищи причин и не пиши больше писем в Москву – с нами может случиться беда!

После этого Ахиллес потерял всякое доверие к почте Грузии. С тех пор он больше никогда не пользовался её услугами, никогда не посылал писем в Кремль. Теперь, если ему что-то нужно достичь по вопросу изучения греческого языка, он ездил в Москву сам, собственной персоной.

Театр Ахиллеса

Греческое село Ирага в Грузии с конца XIX века стало самым настоящим театральным местом во всей округе. В этом селе чуть ли не в каждой семье нашлись самородки-таланты, образовавшие театральное общество. Село это высокогорное, и, видимо, сам воздух и величие гор развивали не только ум, но творческие способности жителей, а о здоровье и говорить нечего: все жители села – крепкие, высокие, красивые греки были просто влюблены в знания, культуру, и, конечно же, в театр. Ну как же не любить театр?! Ведь театр придумали сами греки для того, чтобы посматривать на себя со стороны и, замечая недостатки, исправлять их, чтобы достичь идеала. Ведь именно древние предки сегодняшних греков создали каноны прекрасного, эстетики, они-то умели заниматься воспитанием и образованием истинного гражданина, всесторонне развитого, понимающего красоту, умеющего чувствовать гармонию, как в природе, так и в искусстве. В этом горном селе жили истинные потомки древних греков, они ведь и общались, по мнению языковедов, на сохранившемся древнегреческим языке. Настоящие греческие театры открыли в больших городах: в Ростове, в Краснодаре, в Сухуми ещё до войны, в те годы, когда Ахиллес только что родился на свет. С детства он запомнил: в гостиной их дома много лет висела большая театральная афиша. Взгляд маленького Ахиллеса часто останавливался на ней. Позже, когда он вырос, он её все время перечитывал. Никто не помнил, как эта афиша оказалась в их селе и кто её принес к ним домой, но Ахиллеса именно она переносила в эллинский мир. Афишу напечатали на двух языках – на русском и греческом: «Тифлис. Народный театр, К.И. Зубалов. В субботу 17 октября 1915 г. От греческого драматического общества города Тифлис ставится «Гольфо» – драма в пяти действиях по С. Перисиаду. Действие происходит в Элладе. Пер. Ароания Пелопонесса». Дальше шли

имена и фамилии действующих лиц и исполнителей: А. Дукидис, А. Пимениду, Гиранзерокулос, З. Бенарди. Н. Софианидис, К. Лавасас, Н. Ангелидис. Много позже Ахиллес узнал: инициатор создания понтийского театра в России в начале XX века – Георгиос Фотиадис, произведения которого «Проксения» и «Лазарагас» многократно исполнялись везде, даже на самых скромных театральных подмостках греческих сёл.

Однажды ему в руки попала греческая газета на русском языке 1906 года, где он прочёл маленькую заметку, которая ещё раз подтверждала особую любовь греков к театру: «В прошлую субботу наша золотая молодежь одарила публику священным трепетом истинного драматического искусства. Редкое наслаждение, которое даёт истинное, не суррогатное искусство, прославившее в своё время столько иностранцев, было, остается и будет чисто греческим…» – написано в заметке. Ахиллес улыбнулся после прочтения милого пафосного текста. Он уже точно знал: театр – это не просто забава и развлечение. Ведь от природы правдолюбцы-греки через театр постигали великие истины. Именно в театре жизнь становилась настоящей, достигающей высокого смысла. Читая афишу, Ахиллес с детства завидовал неизвестным ему актерам, игравшим на греческом языке греческую народную трагедию. О том, что «Гольфо» – это греческий вариант «Ромео и Джульетты», история любви, обречённой на гибель, он узнал уже в школе. Но тогда, разглядывая пожелтевшую от времени театральную афишу и как бы отвечая всем этим актерам, которые когда-то играли в греческом народном театре, он говорил деду: когда вырасту, создам свой театр.

Прошло всего-то десять лет, и Ахиллес принял решение создать театральную труппу. Он написал одноактную сатирическую пьесу об односельчанах, добывающих камни в карьере около их села. В этом селе практически все греки – каменщики или имели отношению к колке камней, а тот, кто не смог устроиться каменщиком, работал строителем. Первая театральная постановка осуществлялась на понтийском диалекте – Ахиллес к

тому времени ещё не успел выучить новогреческий язык. Пьеса имела оглушительный успех! Все жители села, собравшиеся на холме – «в зале», где установили сцену с театральным занавесом, периодически взрывались от хохота. Смех оказался таким сильным, что старейшины села каждый раз виновато посматривали на небо, как бы извиняясь перед Всевышнем за такую громкую радость. Эти извинения они поносили Богу на всякий случай, чтобы смех до слёз и бурная радость не вызвали порчу в селе.

После ошеломительного успеха первой постановки все в селе заговорили о том, что Ахиллес – на редкость одарённый мальчик, и благословили его на постановку ещё одной комедии. Впервые Ахиллес подумал: хорошо, что первую комедию он написал на ромейском (понтийском) языке, а не на новогреческом, который ещё не выучил. «Иначе как бы зрители смогли насладиться остроумными шутками и юмором, как бы они поняли содержание пьесы в полной мере?» – сказал он отцу своему, Ираклию, когда вечером на террасе за чаем обсуждали недавний спекталь. Но успех пьесы вовсе не означал, что Ахиллес успокоился и отступился от своей цели – начать обучение греческому языку в селе Ирага, а, возможно, и во всём мире! Ведь «греческий язык должны знать все люди, так как в нём заключена формула мудрости», – считал Ахиллес. Слава об его постановке распространилась за пределами родного села. Ахиллес не хотел никого разочаровывать, быстро перевел на понтийский язык русскую народную сказку о Петрушке. И этот спектакль опять долго обсуждался в селе как событие, равносильное по значимости свадьбе. И опять вся Ирага только и говорила о таланте Ахиллеса. Именно после этого повторного успеха Ахиллес дал себе слово, что следующая комедия будет им написана на новогреческом языке.

Так оно и произошло, но понадобилось на это потратить много лет. Чтоб добиться цели, он решил стать филологом. Летом 1955 Ахиллес впервые в жизни уехал из родного села в Тбилиси. Он сидел за учебниками днём и ночью. Всё выучил на «отлично» и

был уверен: поступит в университет. Но жизнь опять устроила испытание.

«Я не поступил в университет, несмотря на то, что по трём предметам получил «отлично», пятёрки. Но, чтобы пройти по конкурсу, мне надо получить ещё по четвёртому предмету «пятёрку». Последний предмет – география, и я очень хорошо отвечал, отлично отвечал, но преподаватель из приёмной комиссии по-дружески сказал: «Ахиллес, я тебе поставлю «четвёрку», ведь ты же понимаешь, мы находимся в Грузии. А ты – грек. Езжай-ка на родину, и учись там». «Но моя родина – Ирага, и в нашем селе пока ещё нет университета», – вызывающе возразил Ахиллес. Он понимал: с ним поступили несправедливо. «Мне по географии поставил профессор «четыре», не хватило всего одного балла, и я не прошёл», – объяснял Ахиллес односельчанам свое поражение. «Тебе в маленькой Грузии тесно! Езжай учиться в другое место, уезжай к русским! Россия большая!» – посоветовал ему сосед, дедушка Ясон.

«На какую же родину я должен уехать, чтоб выучиться? О какой родине мне сказали в университете?» – задумался Ахиллес. О Греции в те времена никто и не думал, дороги туда закрыты. В 1955 году Греция для Ахиллеса – страна, существующая как мечта, для украшения жизни. Так, Ахиллес поехал в Россию, в город Ставрополь, где его зачислили на первый курс филологического факультета. Потом он много лет проработал в системе среднего образования, пока не уехал в Грецию.

С тех пор прошло сорок лет. Преподаватель Грузинского государственного университета всё-таки прав: греки пусть учатся в Греции! Уже находясь в Греции, Ахиллес долго радовался тому, что его внук стал студентом греческого вуза. «Ох! Слава Богу, наконец-то! Теперь хоть один член нашей семьи будет иметь высшее эллинское образование!» – торжествовал он, как только узнал об его зачислении в Салоникский университет имени Аристотеля.

Тайное общество «Педагогическая этерия»

Одержимый порывом внести реальный вклад в сохранение традиций и языка греков, однажды Ахиллес создал тайную организацию – «Педагогическое общество», взяв за основу одесскую «Филики Этерию» или «Дружеское общество», основанное в 1814 году в Одессе. Его вдохновила эта идея, и он был уверен: сможет притормозить процесс влияния Запада на культуру греков. Ахиллес знал историю «Филики Этерии», о том, как в Одессе тёплым сентябрьским днём три грека-патриота написали Устав тайного общества, которое должно, по их идее, подготовить Грецию к восстанию. Многие поколения греков потом гордились соплеменниками, решившими восстать против османов и освободить Элладу от турецкого ига. Это был «шляпник» Николаос Скуфас, приехавший в Одессу продвигать собственный цех по пошиву головных уборов, но за три года из преуспевающего мастера и торговца превратившийся в одержимого революционера. Он даже на время охладел к мастерской, дела который, по правде сказать, не так уж хорошо продвигались на российском рынке. Николаос уже готов вернуться на родину, в Элладу, но в последний момент решил, что прежде, чем вернётся, освободит родной город Арта от турок.

Его товарищ по «Этерии» – Ксантос Эммануил, тоже торговец, родом с острова Патмос, а также Цакалов Афанасиос из города Янина, самый образованный и богатый. Он разъезжал свободно по Европе, а в Париже успел получить отличное образование. Переломным моментом в жизни для него стала встреча в Вене с министром иностранных дел России, греком кефалонитисом (уроженцем о. Кефалония) Иоанном Каподистрия. Именно Бог реформ Каподистрия подарил ему идею освобождения Эллады.

Не секрет: греческая «Филики Этерия» по структуре похожа на секту масонов и карбонариев. «Вот этот момент мне совсем не нравился, причём здесь масоны? Что ж мы сами не можем создать модель деятельности?» – спрашивал Ахиллес Антигону. Но что поделать, историю не переделать, и он просто старался не думать о масонах, хотя ему на самом деле нравилось: во главе «Филики Этерии» – Аорати Архи, то есть Невидимая власть, имена членов организации хранились в строжайшей тайне, а вся структура «Этерии» представляла собой пирамиду. В «Педагогическом обществе» этой самой Аорати Архи – невидимой властью был сам Ахиллес. Никто не знал и не мог догадаться, что именно он – глава общества. Но это вполне логично: Ахиллес – педагог, работал учителем в средней школе, преподавал греческий язык, от природы мудрый человек, умеющий руководить. Естественно, его приказы не обсуждались, а члены организации не имели права принимать самостоятельных решений. «Иначе ведь и нельзя, кто-то один берёт на себя всю ответственность, я так и поступил», – объяснял он Антигоне свою абсолютную власть. «Каждый член Общества знаком только с пятью другими членами, но организация наша выросла до более двухсот человек». Члены этой секретной и тайной от советских властей организации – греки-понтийцы, которые просто хотели укрепить без того нерушимые связи греков между собой, и что, самое главное, – развивать и расширять взаимовыручку. Цели «Педагогического общества» – абсолютно безобидны, никто не собирался критиковать ни партию, ни ЦК, ни членов правительства, и даже местную власть решили не трогать на совещаниях. Возможно, поэтому КГБ опоздало с их разоблачением.

Когда в Греции пришли к власти чёрные полковники, Ахиллес занимался поиском путей помощи греческим коммунистам. Это было не так-то легко, поскольку у него не было никаких связей с Грецией. «Учитывая перемены в обществе и резкое падение нравов среди молодежи в целом, мы хотели удержать нашу молодежь, следить за её нравственным воспитанием в духе наших

традиций. На Западе произошла сексуальная революция, и её эхо докатилось до СССР. Наша организация не признавала смешанных браков, предупреждала девочек, чтоб не носили коротких юбок. На Западе уже веял дух свободы, наркотики, рок-музыка, а мы хотели, чтоб наша молодёжь сохраняла скромность и трудолюбие по нашим обычаям».

«Смею сказать, что нам редко приходилось делать замечания нашим девочкам. Все они были воспитанными, хранили невинность», – рассказывал Ахиллес Антигоне. «Но не подумай, что мы были такими твердолобыми консерваторами. Ведь на самом деле мы хотели повсеместно выявлять таланты молодых и помогать им материально, чтобы они получали должное образование в лучших университетах страны. Ведь любая нация сильна талантами и культурой. Из нашей кассы взаимопомощи получали субсидии молодые люди из малоимущих семей, нуждающиеся в деньгах на учёбу. Часто мы отправляли молодёжь учиться в Россию, потому что в Грузии в институты старались принимать только грузин».

«А где вы собирались? У вас была явочная квартира?» – поинтересовалась Антигона. Ахиллес не ответил. Потом нехотя пояснил: «Зачем тебе знать? Это ведь тайна. Всё происходило в Рустави». Так и не сказал, а Антигона не стала настаивать. Много лет спустя, уже в Афинах она познакомилась с Валей Папавиди, рассказавшей ей – именно в её квартире, в Сухуми, собирались члены тайного общества сухумского отделения.

Каждый год Ахиллес с его друзьями из «Педагогического общества» организовывали общественные слёты греков, которые проводились высоко в горах, подальше от взглядов любопытных недоброжелателей. Собирались эти слёты в Дни национальных праздников Греции. Обычно праздник открывал оратор краткой речью о причине мероприятия. Самый любимый праздник устраивался весной по случаю «25 марта» – Дня начала национально-освободительного движения за освобождения Греции от турецкого ига. Обычно устраивали концерт. Греческие песни

исполняли музыкальные ансамбли: их солисты выучивали эллинские песни, списывая их с греческого радио, а слушали незаконно. В стране запрещено ловить зарубежные радиостанции. Именно из этих радиопередач греческий музыкальный ансамбль «Сиртаки» переписывал все песни для своего репертуара. Даже незнакомые слова они записывали так, как слышали, не особенно понимая их смысл. Но национальный инстинкт никогда их не подводил: во время пения они чудесным образом почти не делали ошибок, как будто прекрасно владели новогреческим языком.

Однажды во время одного такого великого празднества на большой поляне установили огромную картину, написанную маслом, – изображение Парфенона, работу Гомера Мустиди, который тогда писал всё: от пейзажей до агитационных плакатов. Именно его плакат выбрали для обложки юбилейного номера журнала «Огонёк» в связи с 50-летием СССР. И в этот раз Гомер достиг удивительно точного изображения архитектурного чуда света. Перед очевидцами как будто предстал самый настоящий мраморный Парфенон на полотне размером 10 на 8 метров. Все присутствующие потрясены искусством живописца. «Ну, это же нормально: Парфенон всем вам нравится, я особо старался выразить на полотне не только свою, но и вашу страстную любовь к Греции! Вот поэтому, так хорошо и получилось!» – пояснил он во время большого пикника в кратком тосте после долгих дифирамбов в свой адрес. В заключение, более двухсот греков, гордых своей историей, сфотографировались перед «Парфеноном». Фотограф смог уместить в кадре на фоне этой гигантской картины почти всех присутствующих. Много лет спустя, когда Антигона увидела эту фотографию на одной из выставок архива фотографий другого лидера Общества – Ираклия Папуниди, она удивилась: «А как же это случилось, что в 1972 году греки из Грузии и в таком количестве смогли оказаться в Афинах?» Ираклий довольно улыбнулся и попросил её внимательно посмотреть на фотографию. Ну да, конечно же, Антигона увидела ветви деревьев, предательски выглядывавшие из-за рамок полот-

на с изображением афинского Парфенона, увидела и травку на поляне, лёжа на которой позировали распираемые от гордости кавказские греки.

Спустя годы, уже в Греции, Ахиллес всё ещё задавался вопросом, как было раскрыто их «Педагогическое общество» и кто же, в конце концов, их заложил в КГБ. Все эти годы он не посмел заподозрить кого-либо. «Это мог сделать кто угодно, ведь люди не идеальны. Среди нас были и есть запуганные, но всё же, верю, предателей не было. Подозреваю: нас обнаружили случайно. Иногда так бывает, всё происходит само собой и хорошее, и плохое. Так в 1976 году власти нас вынудил расформироваться. По всей Грузии стали вызывать в местные органы безопасности греков по обвинению в «антиправительственной деятельности». Их обвинили также и в том, что тайная организация пыталась незаконно и «втайне от властей» помочь коммунистам Греции в период «чёрных полковников». Из советских газет узнали: греческие коммунисты высланы на отдалённые острова, где в тюрьмах их зверски мучили. Никто из членов «Педагогического общества» не мог остаться равнодушным, услышав эти тревожные вести. Ахиллес без промедления решил помочь коммунистам, отправить им и их семьям деньги. Быстро собрали внушительную сумму в пятьсот рублей, хотя средняя зарплата простого служащего в то время – шестьдесят рублей. Но деньги эти так никогда не дошли до Греции. В КГБ узнали о попытке греков связаться с коммунистами Греции. Началась слежка за Ахиллесом и его единомышленниками. В СССР запрещено любое объединение граждан по личной инициативе. Так, Ахиллеса вызвали на допрос. Следователь Николай Николаевич, допрашивавший Ахиллеса, казался воспитанным, мягким человеком. Во время разговора он ни разу не повысил голоса. Он уже много лет служил в КГБ и был одним из опытных сотрудников. Ахиллеса что-то в этом человеке сразу насторожило, и у него появилось нехорошее предчувствие. Потом он понял – ему мешало лицо следователя, похожее на женское, с правильными чертами и родинкой на ле-

вой щеке. Ахиллес даже не подозревал: в этот день в нём произойдёт переворот, он изменит представление о ценностях, в которые свято верил. Именно в этот день его «советский патриотизм» выкорчуют под корень. Не знал Ахиллес, глядя в лицо красивого следователя: он скоро откажется от советского пафоса, изменит главному душевному порыву всей своей жизни. Не подозревал: это разочарование доведёт позже его до депрессии, в которую впадает обычно человек, когда прощается с тем, что составляло когда-то его счастье. В тот день следователь продержал Ахиллеса около шести часов. Утром, уходя с работы, Ахиллес думал: его отсутствие продлится максимум час, и предупредил об этом директора школы, где работал учителем.

Допрос напоминал каламбур, игру слов. Все слова, фразы и вопросы повторялись, независимо от ответов. Вопросы повторялись снова и снова, и в голове у Ахиллеса не умещался этот курьёз, как он поначалу думал. У него не укладывалось в голове, как мог такой серьёзный человек, каким был следователь, играть с ним в слова, спрашивая одно и то же, как будто бы он не понимает: перед ним сидит гордый грек, знающий себе цену, учитель, который никогда не говорит глупостей, а только правду. К тому же Ахиллес – законопослушный гражданин – уважительно относился к властям.

– Скажите, сколько человек было в вашей организации?

– Не могу сказать точно, но приблизительно двести.

– Чья была идея объединения и создания общества?

– Моя. Я с детства мечтал сделать что-то нужное для своего народа, для греков.

– Так что вы собирались делать?

– Мы хотели сохранить наши обычаи, заботиться о нашей молодёжи.

– А где вы брали деньги?

– Собирали по домам, семьям. А те, кто жил в достатке и имел высокую зарплату, например, врачи, водители, давали больше.

– С кем у вас были связи за границей?

– Ни с кем.

– Каким образом вы собирались отослать греческим коммунистам те деньги, которые были собраны?

– Мы собирались отослать эти деньги через Министерство иностранных дел СССР. Мы уверенны: министерство нам поможет. Мы ведь коммунистическая страна и должны помогать грекам-коммунистам, пострадавшим от хунты.

– Кто же вам подал идею сделать это?

– Никто, естественно! Мы сами подумали об этом.

– Вы не говорите правду, у вас есть связи с Грецией! Вас финансируют оттуда!

– Нет, у нас нет связи с заграницей, и с Грецией тоже нет. Мы только хотели помочь, мы не просили помощи!

Диалог этот повторялся снова и снова. Ахиллес заметил, что следователь ничего не отмечает, не записывает на бумаге, а только спрашивал, а ответы как будто и не слушает. Теперь он больше становился похож на избалованного мальчишку, который не перестаёт дразниться, и делает это только для того, чтобы помучить других. И вот замученные уже его издевательствами друзья, хотят ему отомстить, но не могут, потому что «взрослые» рядом. В какой-то момент Ахиллес как бы потерял сознание, почувствовал: вот-вот свалится со стула – он впал в обморочное состояние. Голова у Ахиллеса закружилась, потемнело в глазах, изо всех сил он старался выдержать разговор. В какой-то момент прикрыл глаза и оперся лбом на зажатый кулак. Сердце его начало биться так сильно, как будто хотело выскочить наружу, оставив тело в руках следователя. Но и тут собрался с силами и успокоил сердце, говоря мысленно ему, чтобы оно так не волновалось зря: вот-вот допрос закончится, и они выйдут на свежий воздух.

Начало темнеть, и Николай Николаевич с родинкой на щеке стал опять похожим на женщину, но на такую… порочную женщину, пытающуюся соблазнить мужчину. Ахиллес не любил таких женщин. Он ими брезговал.

В тот вечер Ахиллес вернулся домой опустошённым, словно десяток пуль пробили его душу, превратив её в решето, но всё же не дав ему умереть. Ахиллес чувствовал себя тяжело раненым. Дома, перед тем, как уснуть, он подумал: на самом деле его жизнь полна лжи, которую он принимал за правду. Он признался себе, что создал идиллическую картину жизни. Засыпая, он подумал: «Здесь нет жизни, потому что у этих людей нет Бога, надо уезжать в Грецию, уезжать как можно скорее!» – и уснул, наконец. Ночью он видел кошмарный сон, но ничего не запомнил. «Этот сон – продолжение того кошмара, пережитого мной вчера»,– подумал Ахиллес утром и не стал ничего рассказывать жене Маро, умевшей разгадывать сны, хорошо объясняя их, иногда даже гадавшей и на кофейной гуще.

Было неизвестно и непонятно, почему же Ахиллеса не арестовали. В то время никто не имел смелости высказываться против власти, автоматически этот смельчак становился диссидентом. И если он упорствовала в отрицании системы, то его ожидала тюрьма или же психиатрическая лечебница… Никто из членов «Педагогического общества» не пострадал, возможно, потому, что искренне хотел помочь коммунистам, замученным хунтой. «Вот как оно бывает в жизни, – смеясь, рассказывал Ахиллес.– Мы боролись против чёрных полковников, и вот эти самые фашисты – наши враги, в итоге, мне и моим товарищам «помогли» не оказаться за решёткой. Ведь было бы неправильным наказывать греков, которые борются против фашизма, а значит, и против США. Наказать греков, которые показали большое рвение в поддержку греческих коммунистов!». «Если бы не синтагматархи, – утверждал, сокрушаясь, Ахиллес, – то за наивность и смелость сгнили бы в тюрьмах для политзаключённых. Но, видимо, в очередной раз нам помогали наши ангелы-хранители и все наши святые!»

Мальчик Костя и Шеварднадзе

«Так, когда же в итоге ввели в школьные программы греческий язык?» – спросила Антигона у Ахиллеса. «Это произошло, но не сразу, и, конечно, не во всех школах!» – ответил Ахиллес. А потом добавил с улыбкой: «И знаешь, кто в этом помог? Один мальчик. Его звали Костя».

В тот год Шеварднадзе в сопровождении партийных чиновников периодически выезжал в сельскую местность. Стоял август. В одной из греческих деревень он подошёл к грекам–косарям, и его внимание привлёк один мальчик, помогающий взрослым. Это был Костя. Он погладил мальчугана по голове и спросил, кто его родители. Костя храбро и с достоинством отвечал на вопросы этого важного, но симпатичного дяди. Он понимал: перед ним непростой человек, но Костя не побоялся посмотреть ему прямо в глаза. «Значит, ты грек… – сказал президент. – А по-гречески говорить и писать умеешь?»

«Нет! – громко доложил Костя. – Не умею писать, только говорить умею».

«А почему ты не умеешь писать?» – продолжал распрашивать Эдуард Амвросиевич, забавляясь разговором со смелым греческим мальчиком.

«А как мне научиться? И где? У нас нет таких уроков в школе!» – с вызовом в голосе пояснил Костя. И опять не опустил взгляда, смотрел как на равного, прямо в лицо президенту.

«Ну, хорошо, хорошоооо, – протянул Шеварднадзе. – Если так, то я тебе обещаю: скоро у вас в школе появятся уроки греческого языка!» – пообещал и подал мальчику руку, которую Костя пожал крепко изо всех мальчишеских сил. Все косари стали свидетелями диалога самого могущественного человека в республике с восьмилетним мальчиком, но никто из них не поверил президенту. «Большие люди говорят громкие слова, дают большие обещания, и это часть их жизни и дела», – решили все.

«Президенту позволено давать обещания, работа у него такая, давать надежду народу»,– добавил шестидесятилетний Сократ, обсуждая этот почти что нереальный для местных греков случай. Так, обсудив этот эпизод и похваливая смелого Костю, все в селе быстро забыли о мимолётной встрече деревенского мальчика с Шеварднадзе. Но чудо произошло быстро – первого сентября. В этот раз случилось такое, что сначала никто не поверил ушам: на торжественной линейке директор школы объявил: «С этого года учащиеся смогут выбирать для изучения иностранного языка, кроме английского, французского и немецкого языков, также греческий!»

Мальчик Костя, конечно же, выбрал греческий язык и сразу написал благодарственное письмо президенту. Письмо Шеварнадзе стало поводом для ещё одного праздника-панигира, на котором греки ели, пили и гуляли, как на свадьбах – целых три дня. Так в восьмидесятые годы Грузии начали преподавать греческий язык в 46 школах Тбилиси, Рустави, Цалке и Сухуми. Ахиллес стал одним из первых преподавателей греческого языка в городе Рустави.

«Свой первый урок, – рассказывал он Антигоне,– я начал с исполнения национального греческого гимна. Потом прочёл детям все буквы алфавита, а они же звучат как стихотворение, это ведь настоящая поэзия! А потом показал им карту Греции. Я понял тогда: наступил конец моих многолетних переживаний и мучений в борьбе за греческий язык. И это было началом новых начал!» Антигона, придя домой, решила проверить: правда ли греческий алфавит звучит как стихотворение? Она вслух громко прочла: «Алфа-вита-гама-делта-эпсилон-зита-ита-фита-йота-каппа-лямбда-ми-ни-кси-омикрон-пи-ро-сигма-таф-ипсилон-фи-хи-пси-омега!» Явной рифмы здесь никакой не было. «Значит, вовсе и не стих»,– подумала, но одновременно она почувствовала: при чтении древнего алфавита душа её возвысилась, щемящая восторженная радость сладко разлилась, принеся ей вдохновение и очищение. Совсем как это бывает при чтении высокой поэзии великих поэтов.

Мой двоюродный брат король Константин

Президент Шеварднадзе питал приятную слабость к грекам. Кто знает, может, у него были кровные связи с этим народом, а может быть, просто потому что педиатр его семьи – грек Янис Муратидис. Врач Муратидис – доверенное лицо президента республики в вопросах, касающихся здоровья его детей и внуков.

Яннис – не просто врач, в Тбилиси его называли «Бог детей». В дом президента Янниса могли вызвать в любую минуту. Конечно же, это случалось только тогда, когда кто-нибудь из детей заболевал. Яннис никогда не брал денег у президента, хотя часто их предлагали. Ему достаточно того, что его здесь ценят, ему, врачу, доверяет первая семья страны. Яннис Муратидис стал ангелом-хранителем семьи президента, а ангелам, как известно, деньги просто не нужны. Врач Муратидис действительно обладал великим талантом диагностика, выпускник Ленинградской медицинской академии, он не переставал заниматься и исследовательской деятельностью. Разглядев пытливость ума студента, профессор Васильев настаивал на том, чтоб Яннис оставался работать на кафедре и занялся исключительно наукой. Но Яннису на это трудно решиться, так как его мать, Марта, успела написать ему письмо, что «ждёт его и чтоб он не вздумал «оставаться там с русскими», а возвращался бы к себе домой!». Марта – строгая женщина, и в семье все её слушались. Её чадо – сын, к тому же большая умница, обязан вернуться в Тбилиси, где должен был обязательно жениться на гречанке и жить праведно, как и все семьи греков. Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе не знал, как отблагодарить Янниса за заботу и чуткое внимание. Он всё думал, чем же удивить любимого доктора. И вот его посетила

замечательная мысль – наградить Янниса билетами и визой для путешествия в Грецию.

«Я слышал, у тебя там есть родственники, съезди, навести их!» – предложил Эдуард Амвросиевич. Поездка в Элладу, в Грецию стала первым путешествием Яниса заграницу. Спустя много лет он рассказывал Антигоне: «Помню удивление греческого чиновника, когда он увидел на афинском вокзале туриста-одиночку из СССР. Просто не верил глазам! Он меня рассматривал так, как если бы я был инопланетянином… Я увидел именно ту Грецию, о которой мечтал, а узнав, полюбил её. Обрёл там много друзей, но, главное, наконец-то познакомился с родственниками, которые из Трапезунда выехали в Элладу ещё в начале XX века», – вспоминал Яннис с непреходящим восторгом. Как бы он ни радовался, всё же это путешествие имело лёгкий привкус горечи. Ведь он не мог, точнее, не имел права взять в поездку жену Нину. В СССР это строжайше запрещено. Даже сам Шеварднадзе не мог повлиять на запрет. Уезжая за границу, каждый советский гражданин должен оставлять «в заложники» кого-нибудь из родных, чтоб не вздумалось просить убежища, а значит, изменить Родине. А если такое случалось, «заложника» ждал великий позор на всю страну, а в более суровые годы – вынужденное переселение.

Несмотря на постоянную слежку за ним сотрудников греческих органов безопасности, которые и не пытались скрывать присутствия, у Янниса осталось много тёплых воспоминаний. Это в эпоху, когда капиталистическая Греция никак не могла смириться с мировым присутствием коммунистического Советского Союза. Добрейшие родственники Янниса устроили ему по-настоящему королевский приём. Организовали короткие поездки по Греции, повезли даже на остров Эгина, что рядом с Афинами. Конечно же, как и в Грузии, каждый день устраивались шумные многолюдные застолья в живописных тавернах. Но греки не пили вина так много, как в Грузии, но зато поговорить любили. Они ораторствовали неистово, правда, без тамады, всё время перебивая друг друга в жарких спорах о политике и о женщинах

– на две самые животрепещущие для них темы. Но Яннис, не зная новогреческого, если и не понимал чего-то, всё равно улыбался улыбкой понимающего. Ясное дело, ничего плохого ему не стали бы рассказывать эти милые эллины. Греков Греции греки Грузии между собой назвали «эллины», чтобы понимать, кто есть кто. Яннис не скрывал: его больше всего потрясли Парфенон и открытые рынки Греции. Про рынки можно писать оды – такое изобилие! Всё непреувеличенно прекрасно, именно так, как может быть только в стране, о которой долго мечтаешь и при встрече с ней не разочаровываешься. Счастливым и безмятежным уезжал Яннис домой. Путешествие на историческую родину сложилось на редкость удачно. На обратном пути, уже на границе с Молдавией, у советских пограничников возникли сомнения по поводу присутствия в поезде туриста, который возвращается домой из капиталистической страны. Они даже не могли поверить, что в поезде едет один турист без группы. Пограничники решили внимательно проверить документы и особо строго досмотреть его багаж. Янис пожал плечами: мол, смотрите. Он спокоен и тих: не вёз с собой ничего запрещённого к ввозу СССР. Смиренно ждал окончания неприятной, но законной процедуры, абсолютно уверенный: у него не могут возникнуть неприятности на советской границе. Досмотр чемоданов завершился успешно, и уже пограничники готовы выйти из купе, как неожиданно один из них взял в руки книгу, лежавшую на столике в купе, – сборник рассказов Нодара Думбадзе. Пограничник повертел её в руках, и тут из книги выпала открытка, которую Яннис положил в неё в качестве закладки – фотография семьи бывшего греческого короля Константина II с семьёй. Пограничник стал внимательно всматриваться в лица королевской семьи: «А эти, на фотографии, кто такие?» – поинтересовался он. По выражению его лица заметно: ему не очень понравились люди на открытке. Выглядели они уж слишком счастливыми, слишком довольными и просто шикарными, как артисты. Впервые за время путешествия доктор Яннис растерялся и даже, если честно, испугался. Единственное,

о чём он сразу подумал: ему не надо говорить правды про открытку–закладку. Его могут посчитать монархистом, и «потом закрутится такой клубок, из которого трудно будет выпутаться!» – забеспокоился он. Всё в нём напряглось, но при этом он всё же сохранил непринужденную улыбку на лице. И вдруг неожиданно даже для себя выпалил: «Ааа… это? Так это мой двоюродный брат с семьёй,» – ответил Яннис равнодушным тоном, восхитившийся собственной находчивостью. Молодой пограничник покрутил фото-открытку в руках. Одновременно он не переставал бросать пронизывающие на Янниса взгляды. Яннис уже решил: шутка не удалась, ему не поверили, и уже готовился морально к аресту и допросу о причинах его поездки и, конечно же, о том, почему он везёт с собой эту фотооткрытку. Молчание прервал второй пограничник: «Что же это они! Даже не подписали тебе фото? Что за родственники такие?!» Яннис окаменел: «Меня точно арестуют теперь и за то, что, что соврал им!» – подумал он безнадёжно. Но внутренний голос или чутье, то самое, к которому он обращался всегда, когда ставил вернейшие диагнозы больным детям и спасал им жизнь, подсказали ему ответ. Яннис как бы небрежно кинул взгляд на фотографию и ответил неторопливо: «Да они не подписали её, потому что я не говорю и не читаю по-новогречески, а мои родственники не знают русского!» «Так как же вы понимали друг друга?» – спросил самый старший. «А мы на «ромейском» разговаривали. Это наш диалект – язык из древнегреческого», – ответил находчивый доктор. Пограничники больше не стали задавать вопросов. А самый строгий и молодой ещё раз посмотрел на фотокарточку с семьёй короля Константина, но уже не как на чужих людей. Теперь его взгляд смягчился. Они теперь уже ему были даже симпатичны, как и сам Яннис. Он оставил книжку на столике купе, и вышел.

«Так король Константин на две-три минуты стал моим двоюродным братом», – рассказывал потом Яннис о своих перипетиях. Он ещё раз взглянул на фотооткрытку, после этой истории ему и вправду казалось: все эти люди на фото на самом деле его родственники.

Греческий король Константин Второй и королева Анна-Мария с пятью детьми сфотографированы на небольшой лужайке загородного дворца. Но дворец в фото не попал. Все встали на фоне моря лицом к дворцу. Заходящее солнце окрасило небо в розовый цвет, море, как зеркало, отражало блики уходящих лучей. Где-то вдалеке, почти на горизонте, виднелась яхта с поднятыми парусами, так удачно вошедшая в кадр.

Свадьба «25 Марта»

Илья уже устал в поисках жениха для «греческой свадьбы», а до знаменательной даты – 25 марта – оставались считанные дни. В этот день в Греции отмечают национальный праздник, которым гордятся греки всего мира. На этот раз жених никак не находился, всё попадались неподходящие парни. Один из претендентов в самый последний момент отказался, решив: это может стать дурным знаком – он только что женился. Другой же, «Вася–борец», сам рвался в женихи, – смешной коротышка с перебитым носом. Илья же хотел сделать «жениха» и «невесту» образцово красивой, картинной парой. «Чтоб смотреть на них и любоваться, чтоб глаз радовался!» – объяснял он товарищам. А вот невеста нашлась сразу – его новая бухгалтерша Кица. Смешное имя Кица – сокращённое от красивого греческого имени «Кириаки». Она не то что была красавицей, но её стройная фигура вызывала восторженные взгляды мужчин, да и характер – весёлый: улыбка почти никогда не сходила с её лица. Предложение стать невестой Кице понравилось. Кице – за двадцать пять, понятное дело, её беспокоил вопрос замужества. Ведь замуж она хотела выйти только за грека, а где его найти, достойного? Почти все её одноклассницы и подружки-гречанки давно замужем и успели обзавестись детьми. «Это станет репетицией моей настоящей свадьбы!» – воскликнула она. Правда, у Кицы пока ещё не было жениха. «А что? Может, на наш банкет придёт подходящий мне молодой грек, и… влюбится в меня!» – размечталась она.

«На всё удача нужна, это как Бог устроит!» – обнадёжил её Илья, чтобы немного сбить её пыл. Илья вообще-то – серьёзный ортодоксальный человек, но, несмотря на это, ему почему-то часто в голову приходили нестандартные идеи, и он даже умудрялся их осуществлять. В поисках жениха Кица предложила устроить что-то наподобие «кастинга»: пригласить молодых парней и вы-

брать из них подходящего. «Но при этом, – предупредила она Илью,– распространять эту новость надо осторожно, из уст в уста, чтоб «другие» не узнали». Этими «другими» были все те, кто не греки. Но Илья-то уж очень хорошо знал греков: никто из них не умел держать язык за зубами. О так называемом конкурсе на жениха сразу бы узнали все и, конечно же, и местном отделе КГБ.

«Тогда уж точно праздника не будет!» – подумал он и сам решил всё втихоря. В тот год весна в Краснодар пришла рано, на деревьях уже появились молодые листочки. Но сам город выглядел, словно только что проснулся, причём со спуньками на глазах. Местами лежала зимняя грязь и мусор, покрытый остатками забывшего растаять снега. Март всегда – трудный месяц, а Илья хотел, чтобы всё выглядело празднично. Он уже выбрал для свадьбы самый лучший ресторан в городе. «Раз в году все вместе празднуем национальный праздник, почему бы нам не провести его шикарно!» – решил и уже подумывал сам стать «женихом», но в городе его слишком хорошо знали, и это был бы полный провал. Да и в ресторане, где Илья всегда оставлял хорошие чаевые, его знала в лицо каждая официантка.

Шли 80-е годы. Греки Краснодара нашли выход для безопасного проведения своего праздника «25 марта», да так, чтобы местная власть и служба безопасности им не помешали. Они решили проводить это мероприятие в виде «настоящей» весёлой свадьбы. Конечно, в СССР не существовало такого закона, который бы запрещал праздновать кому-либо День 25 марта – начало национально-освободительного движения в Греции против турецкого ига. Но после первого мероприятия в загородном лесопарке несколько человек получили устное предупреждение. И даже профессора-историка, который прочёл лекцию о начале греческого восстания в 1821 году, вызвали на «беседу».

В тот раз греки погуляли широко, этот исторический день вошёл в историю общины, но, конечно же, все в городе опять обсуждали это событие и то, как «греки отметили национальный праздник Греции и потратили на это большие «бабки»!» В тот раз

вынесено только устное предупреждение: оказалось, некоторые работники органов КГБ тоже любили повеселиться с местными греками.

«Друзья позвонили мне и сказали, чтоб я «не повторял ошибок прошлого» и чтоб «был осторожен, иначе у них возникнут большие проблемы», – рассказывал товарищам озабоченный Илья. Потом его охватывала «стенахорья» – расстройство. Весь день он пыхтел, но сказаться об этом мог только жене, да и то на кухне, чтобы дети не слышали. «Хорошо, что я не стал коммунистом! – говорил он жене Симе. – Что это за «партийная система» – хуже мафии! Платон мне друг, но истина дороже, – так говорили наши предки! Да, они мне друзья, но они не правы! Ведь нас преследуют незаконно, мы ведь не делаем ничего про–ти-во-законного! Погулять все вместе хотим и только!»

Во второй раз празднование Дня 25 марта было скромным, отметили его в узком греческом кругу, без жён и детей, на даче «своего человека». Именно в тот год пришла к Илье гениальная идея – устроить праздник под видом греческой свадьбы! «Эврика, эврика!» – закричал он как тот Архимед, пытающийся определить удельный вес золотой короны неправильной формы. Рассерженный на свою несообразительность, он пошёл принять ванну, погрузившийсь в неё, тут же сообразил: объём вытесненной воды – это и есть вес предмета, погружённого в него. Так всё просто оказывается, нужно только захотеть. Архимед от радости выскочил голый на улицу с криком «Эврика!». В этот момент и открыл основной закон гидростатики: закон Архимеда. «Эврика! Нашёл! – закричал Илья. – Мы будем гулять, как хотим и сколько времени хотим! Кто сможет запретить нам на своей свадьбе говорить на родном языке, петь народные песни? А на столы вместе с букетами цветов мы поставим и по одному греческому флажку, и никто на это не обратит внимания!» Идея «свадьбы 25 марта» всем очень даже понравилась, особенно её конспиративность. Греки ведь ужасные романтики, в каждом из них всегда жил и живёт его древний предок, Ироас – Герой. Пони-

мая, что трудно достичь славы Геракла или Ахиллеса, каждый из них всегда хотел бы совершить такое, чтобы почувствовать своё геройство. Поэтому деньги на эту свадьбу собрали, не скупясь, а Илью, как всегда, назначили тамадой.

Все знают, что у тамады во время застолья много обязательств: именно он несёт ответственность за всё, что происходит на большом пиршестве или даже просто маленькой вечеринке. Чаще всего тамада следит, чтоб никто не перепил и не потерял человеческого облика. Он также заботится о тех, кто слаб к алкоголю, чтоб в случае перебора отвезти его домой, да так тактично, чтобы другие не поняли слабости гостя.

Тамада следит за порядком застолья, и без его дозволения никто не может покинуть стол. И, самое главное, только с разрешения тамады гость может провозгласить тост. Также тамада всегда знает порядок тостов. Первый всегда произносился за «мир во всём мире», второй «за родину – Элладу», третий «за нашу родину Советский Союз», потом уже поднимались рюмки за здоровье членов семьи, детей, друзей. Поднимали тосты за жён и женщин, за настоящих мужчин, за тенистое дерево, посаженное хозяином во дворе, за его гостеприимный дом, за птицу, которая только что пролетела над головами приглашённых. Конечно же, это ведь именно та самая синяя птица, которая приносит счастье! За солнце, чтоб оно светило всегда, за лес, чтоб он давал нам прохладу, за небо, чтоб оно всегда оставалось чистым, за море – без фортун, за самые высокие вершины Кавказа, которые испытывают настоящих мужчин, за хлеб, чтоб всегда был на столе, за вино, чтоб оно всегда наполняло наши бокалы и души, и за жизнь в целом, потому что она, как известно, прекрасна! Выступавшие приглашённые пили в честь одного, другого и ораторствовали. Кто как мог, но все старались продемонстрировать высокий интеллект и ораторские способности. На таких празднествах устраивались и конкурсы–испытания на самого стойкого пьющего, которого вино никогда не свалит. Сколько бы ни пили, вино не заканчивалось никогда. Как будто бы оно

хлестало из источника, бьющего прямо из-под стола. Для женщин самый напряжённый момент на празднестве – наблюдать за соревнованием пьющих мужчин, которое проводилось в конце застолья. Эта традиция состязания на самом деле не греческая, а позаимствована у кавказских народов. Её переняли и современные греки, и их древние предки тоже много пили, но больше разбавляя вино водой, стараясь сохранять трезвость мыслей и слов. Победителем становился тот, кто выпивал больше всего вина из настоящего одно– или двухлитрового рога, но мог бы после этого дойти до дома пешком. Или же доехать на автомобиле, но без помощи друзей, а на следующий день, рано утром, как ни в чём ни бывало, появиться в компании тех же друзей за тарелкой утреннего горячего супа – «хаша», спасавшего многих от язвы желудка.

О греческих свадьбах много рассказывают хорошего, но там имело место и нечто такое, о чём Антигоне стыдно вспоминать. Греческие свадьбы иногда заканчивались настоящим мамаевым побоищем, просто дракой. Но начало свадьбы, тогда, когда все ещё трезвы, – впечатляющее, особенно представление родственников и друзей жениха. То, как ехали или шли за невестой пешком с танцами и песнями под звуки родной народной лиры–кеменджe. Свадьба – это всегда радость. Кстати, на понтийском греческом диалекте она так и называется «харА», что в переводе на русский означает «радость». Переполненные радостью и счастьем греки, особенно те, кто пережил ещё ссылки в Казахстан, неожиданно становились агрессивными и начинали отвешивать друг другу тумаки. Частенько в разборках между собой в ход шли даже ножи. Поводом, как и в любой войне, всегда был, на первый взгляд, маловажный момент или факт, который и вспомнить потом никто не мог. Драка в конце свадьбы – финал сюжета, который нельзя изменить. Пьяные мужчины под визг испуганных женщин и плач детей начинали материться по-русски, петушась и геройствуя, выяснять отношения. Все эти агрессивные сцены не нравились Антигоне. Она стеснялась, что

была одной крови с этими первобытными в своём поведении людьми. Но одновременно она понимала: все они, на самом деле, – удивительно добрые люди, способные на трогательные проявления чувств. Все они каждый раз хотели доказать себе, что не выносят счастья и радости. Антигона понимала также: все они болезненно «зависимы» от «агоны» – от борьбы до крови и слёз, и даже кульминация их народного танца Пиррихиос, описанного ещё Гомером в «Илиаде», – бой с ножами. Все они, изгнанные с родных мест, где проживали веками, глубоко страдали. Видимо, эти непреходящие страдания и портили им праздник хары. Но сам Господь Бог защищал этих олухов. Несмотря на баталии и разборки, на свадьбах не было случаев тяжёлых ранений или – Господь упаси! – гибели кого-либо.

Удивительно, но когда греки перебрались в Грецию, их привычка к свадебным финальным перепалкам и дракам быстро исчезла, как ножом отрезало. Здесь водоворот жизни так закружил их, что на агрессию просто не хватало сил. А, может быть, в Элладе они наконец-то успокоились, как успокаивается дитя, прильнув к сердцу матери, к которой шли дольше Одиссея, на протяжении многих веков. А, возможно, эта дикость улетучилась – сама жизнь в капиталистической Греции стала вечной борьбой за выживание. Антигона обычно избегала свадеб, а вот на «свадьбу 25 марта» в Краснодаре она с огромным удовольствием пошла бы, но проводилась она в далёком от Антигоны времени и месте и позже стала историей…

Илья, так и не найдя выхода, решил на роль жениха во второй раз вызвать прошлогоднего «жениха» – Сократа. Сократу – тридцать пять лет, и он пока ещё холост, хотя подружек у него много. После Москвы, где окончил политех, Сократ вернулся в родной город и жил вместе с родителями в домике на окраине. Его мать Лиза каждый день ворчала: пора бы ему жениться и родить внуков. Сократ терпеливо выслушивал её недовольство, но никогда не возражал. Он молчал, оставаясь при своём мнении. Несколько лет назад Сократ чуть было не женился на любимой

девушке, сокурснице, русской. Узнав об этом, Лиза отрезала, как ножом: «Женись, сынок, если, конечно, ты этого так хочешь, но только через мой труп!». Сократ любил маму и совсем не хотел её обижать, поэтому уступил. Но спустя всего лишь год понял: Вера – так звали девушку – его большая и единственная любовь. Он поехал за ней, но поздно: Вера успела выйти замуж. Как только он об этом узнал, то окончательно понял, как безумно любит её, и теперь уже не мог представить себе никакую иную девушку рядом и на всю жизнь. Да, таким Сократ оказался однолюбом.

Праздник начался в семь часов вечера. Зал ресторана убрали, как к свадьбе. Столы ломились от закусок и разнообразных блюд, они также заполнены спиртным, фруктами и… греческими флажками. Вместе с букетиками цветов в вазочках красовались сине-белые греческие флажки. Их сшил Авраам, который работал на местной швейной фабрике завцехом. На этой фабрике, кроме платьев на один фасон, в подвальном помещении нелегально шили джинсы. Именно на этом подпольном «дочернем» предприятии госфабрики сшили тридцать флажков иностранного государства. Всем посторонним посетителям, которые приходили в тот вечер в ресторан, официанты отвечали: «Простите, но у нас сегодня закрыто, у нас греческая свадьба». Музыка на свадьбе играла «живая». Пригласили ансамбль из Тбилиси. Приехал и Георгий из соседней деревни со своей лирой-кеменджe…

«Зито и Эллада! Да здравствует Греция! Зито и Элефтерия! Да здравствует свобода!» – кричал на греческом языке уже пьяный, но больше от радости, чем от вина, Илья. «Да здравствует Греция!» – повторяли хором все приглашённые. Жених и невеста абсолютно позабыты гостями. Но Илья периодически всё-таки напоминал о них и громко к ним обращался: «Чтоб вы жили счастливо! И чтоб когда-нибудь и навсегда оказались в Элладе!» О! Это для всех самое лучшее пожелание. Ах, эта Эллада! Несбыточная мечта! Все всегда только и говорили о ней, как если б она – любимая невеста. К желанной Элладе все хотели прильнуть в порыве страстной патриотической любви, непреходящей.

Сценарий греческой свадьбы сработал по всем пунктам. И на этот раз, несмотря на тематику свадьбы – 25-ое марта, она чуть не закончилась дракой, но, к счастью, случившийся конфуз перерос в лёгкий скандал. Молодая посторонняя женщина, которая всё же ухитрилась войти в ресторан со своей компанией и расположиться где-то в углу, далеко от свадебного стола, вдруг узнала в «женихе» любимого Сократа, когда тот, уже подвыпивший, танцевал вместе с «невестой» Кицей. Это женщина, ошарашенная очевидным фактом очковтирательства, недолго думая, подбежала к нему и громко сказала ему: он – «сволочь» и «лжец». Она превратилась в разъярённую львицу и даже пыталась залепить ему пощёчину, но сердцеед Сократ перехватил её руку. Чтобы как-то успокоить её, он вынужден сказать ей: свадьба эта – не свадьба совсем, всё это «чистый фарс». Девушка не поверила и ушла из ресторана расстроенная, в слезах. По всему видно: она влюблена.

На следующий она стала выяснять, женился ли Сократ на самом деле. Перезвонила его друзьям, но никто этого не подтвердил. Спросила она и у самого Сократа. Он, чтобы искупить вину, рассказал о роли жениха на мероприятии «свадьба 25-го марта», которую провели греки в честь годовщины национального греческого праздника. Но она всё равно никак не могла понять, как можно стать «женихом» для какого-то «национального праздника». «Эти греки – сумасшедшие», – решила влюблённая в Сократа девушка, и в тот же вечер поведала друзьям, как греки праздновали национальный праздник в ресторане под видом настоящей свадьбы. Так, быстро в КГБ раскрыли тайну конспиративной свадьбы.

Илью сразу же вызвали «на ковёр». Там он взял всю ответственность на себя. Однако не полностью, он всё же умудрился красиво выкрутиться. Илья поклялся: никого они и не пытались обманывать, в греческих традициях, в фольклоре есть такое театрализованное действо под названием «жених и невеста», и на этот раз они взяли именно эту сценку за основу пиршества. Но ему не поверили, а тему закрыли и не дали делу ход. Реши-

ли не сообщать в Москву об этом инциденте. Но много позже Илья узнал: на самом деле, их спас первый секретарь райкома партии, любивший греков, родом из станицы Ильской, где вырос вместе с ними. Он знал: эти трудолюбивые, честные, искренние и справедливые люди часто ведут себя, как дети. Он также понимал: эти греки – горячие патриоты Советского Союза, но они так же любят Элладу и готовы пойти на любой риск, лишь бы отметить её национальный праздник. Он точно знал: им во чтобы то ни стало надо отпраздновать День независимости «чужого капиталистического государства» не для того, что оскорбить власти, а чтобы ещё раз почувствовать: они – греки – продолжают жить в радости и вере, свободны духом и смелы в помыслах и поступках…

Бабушка-расистка

Антигона всегда знала: греки живут только на Черноморском побережье Кавказа и в Казахстане. Она даже не подозревала: в высокогорных селах Грузии на протяжении многих десятилетий проживают греки, говорящие на турецком языке. Она также не знала: эти люди от восхищения великими предками давали детям древнегреческие имена. Хоть и далеко от Эллады, но там, в горах Цалки, как в древности в Элладе, матери звали детей домой, громко крича: «Я-сон, Сокр-ат, Плат-он, Меде-я, Афи-на, Демокр-ит, Аристо-тель!» И как много лет тому назад, дети бежали на зов домой, а матери, встречая, обнимали их, и, лаская свои чада, обращаясь к ним с ласковыми нежными словами, но на… чужом языке. Никто так до конца и не знает тайну этих туркоязычных греков. Никто из них не знал, когда они утратили родной греческий язык. В их памяти, из поколения в поколение, сохранилось предание, что им якобы пришлось отказаться от родного языка, чтоб сохранить православную веру. Греки из Цалки не умели играть на народном греческом инструменте – кеменджe – лире да и танцы у них другие, не такие, как у грекоязычных греков. Все невзгоды и усталость проходили именно в этих круговых танцах, когда все, держась за руки, как это было описано в древних трагедиях, танцуя в ритме и идя по кругу, притоптывали ногами. В центре этого круга всегда сидел лиричис – скрипач, который играл на трёхструнном инструменте, по форме напоминающем новорожденного запелёнатого младенца. Именно эта лира заставляла всех ощутить глубокий божественный смысл жизни в её буднях. Движения в круговом танце разные, но смысл всегда – один: затоптать глубоко в землю, до самого её ядра, всю горечь, которая накапливалась в сердцах и телах от ежедневных трудовых тягот и тяжести судьбы народа. Люди танцевали, держась за руки, а Бог в это время сверху присматривал за ними, понимая их одиночество вдалеке от родины.

Но греки – цалкинцы, не зная греческого языка и греческих круговых танцев и лиры-кеменджe, смогли сохранить эллинский дух. Они «спасли положение» и доказывали национальную принадлежность, давая новорожденным девочкам имя «Эллада», а мальчикам – «Элладик». И теперь уже в каждом доме имя далекой исторической родины произносилось ежедневно и ежеминутно, и всякий раз от произношения этого имени душа успокаивалась, а чувство горечи сменялось чувством восхищения и гордости.

Так имя Эллада стало самым любимым женским именем в Цалке, и когда эти греки массово переехали в Грецию, коренные греки удивлялись, слыша, как мать зовет свое чадо: «Элл-а-да!» В Греции такого имени нет. Так, местные сразу понимали: это приезжая гречанка из Грузии зовет своего ребенка. Вот так, в самой Элладе до приезда цалкинских греков не было имени Эллада.

С детства Антигона знала от бабушки Марии: всё человечество делится на две половинки: на «греков» и на «негреков». Бабушку не интересовало, кто русский или турок, армянин или даже француз. Для неё все они просто – негреки. Собственно, для неё также, кто – «не эллинец», «не грек», был и … «нечеловек», то есть варвар. Антигоне стыдно за такую категоричность бабушки, но она не спорила с ней, молчала, потому что очень любила бабушку! Иногда Антигоне всё это казалось даже несерьёзным, ведь друзья её отца – люди разных национальностей: русский Сергей, еврей Боря, узбек Рустам, армянин Ашот, казах Назарбай, украинец Саша… А сама бабушка, когда друзья отца появлялись у них в доме, щедро накрывала им столы. Но при всём этом она считала: накормить «чужака» и даже поделиться с ним кровом вовсе не означает, что он автоматически становится и своим человеком. У бабушки Марии, кроме того, была серьёзная проблема при общении с туркоязычными греками. Она их просто всегда жалела. Говорила, какие бы они не давали имена детям, они-то не греки, раз не знают ни понтийско-греческого диалекта и даже на кеменджe, народном музыкальном инструменте, не играют: «Мы их не понимаем, значит, они не наши!» В разгово-

рах за чашкой чая с бабушкой Антигона пыталась найти веские доказательства: люди на самом деле есть то, во что они верят, но бабушка оставалась при своем мнении, за что и поплатилась. Вопреки желанию бабушки и её расистским взглядам, Антигона вышла замуж за русского парня. Бабушка Мария никак не хотела русского зятя в их семье. Ни русского, ни армянина, ни грузина, никакого другого! Она стала стыдиться замужества внучки и жаловалась подругам: «Ну вот, и что теперь делать? Если б мы ей не позволили поехать в Москву учиться, такого бы с нами не случилось бы! Столько лет этот русский парень сидел с ней за одной партой! Так она же к нему просто привыкла! А если бы рядом с ней сидел негр, так она бы и к нему привыкла! А когда привыкаешь к людям, то все кажутся одинаковыми!» Бабушка всё это высказывала подругам каждый раз, чтобы как-то успокоить, уговорить саму себя смириться, наконец, с создавшимся изъяном их семьи – русским зятем. Но на самом деле Мария, как и все бабушки на земле, совсем не желала плохого для внучки, она прекрасно понимала: личное счастье – это подарок Бога и, когда Бог нам даёт даже русского зятя, надо его принять всем сердцем. Сама же она никогда не была счастлива в замужестве. Не любила она мужа, которого ей сосватали. Поэтому она и не посмела «наложить запрет» на замужество Антигоны, хотя всё в её руках. Одно её слово «Охи», означающее «Нет», стало бы приказом сыну запретить Антигоне выходить замуж за русского парня, как часто в таких случаях поступало большинство глав греческих семей.

Через несколько лет, когда все поняли, – Антигона несчастлива в браке, бабушка ворчала: «Говорили тебе: выходи замуж за нашего человека, так ты не слушаешься, поступаешь, как тебе вздумается! Когда тебе плохо с твоим человеком, ты не чувствуешь себя в изгнании. Но с чужим человеком это как изменить родине. Там, где ты думала, что попадёшь в рай, неожиданно находишься в аду. И куда потом бежать? У «чужого» мужчины куча привычек, которые ты никогда не поймёшь, «своего» же мужчину, той

же национальности, что и ты, можно всегда понять!» Антигона не находила слов в оправдание, но всё же пыталась успокоить бабушку: «Яя (бабушка), так я ведь живу в другое время! Люди везде одинаковые. Все учатся одним и тем же вещам, едят почти одну и ту же пищу, слушают одну и ту же музыку, и не забывай главного – у нас же была лю-бовь!». Но бабушка категорична: «Ты же сама говоришь «почти», именно это «почти» и решает всё, да и любовь кончается!»

Однажды в поезде из Москвы в Ленинград Антигона с будущим русским мужем Михаилом ехала в купе с симпатичной парой. Парень – красавец с кавказскими чертами лица, а его девушка – бесцветная, да к тому же ещё и неразговорчивая. Такую увидишь и тут же забудешь. Она сидела с книжкой в руках, которую всю дорогу читала, не отрываясь. Рейс – ночной, путь – не столь долгий, чтобы искать компанию скоротать время. Но с самого начала Антигона и кавказец переглянулись, как если б они – давние знакомые. Первая заговорила Антигона, но только после того, как услышала: девушка обратилась к нему по имени «Гомер». Она тут же спросила, кто же ему дал красивое древнегреческое имя. Не дожидаясь ответа, представилась и сама: «И у меня древнегреческое имя: Антигона! Это имя моей прабабушки, которая рассказывала моему отцу сказки, он её очень любил. А у тебя откуда это имя?»

– Деда моего звали «Гомер», в честь него мне дали это имя, – ответил без особого интереса парень.

– Правда?! Замечательное имя! Ты себя, наверное, чувствуешь с этим именем древним эллином?

– Не только «чувствую», я и есть грек! – удивился парень.

– Так ты – грек!? И я – гречанка!– восторженно воскликнула Антигона. Тут спутница Гомера оторвала взгляд от книжки и с удивлением посмотрела на Антигону. Нет, это не ревность, скорее, Антигона просто нарушила тишину купе, и ей непонятен энтузиазм попутчицы.

– А ты-то сам откуда? – не отставала Антигона от Гомера.

– Из Грузии, – ответил он холодно.

– И что, в Грузии живут греки?

– Конечно! Многие греки живут в горных деревнях, но и в самом Тбилиси их немало. Я из Тбилиси. А ты откуда?

– Не могу поверить! – воскликнула Антигона. – А я из Адлера, из Сочи! Да, да, из того самого райского местечка, о котором мечтает каждый человек нашей страны! – похвасталась она. Гомер с интересом, но и с уважением посмотрел на «везунчика-Антигону».

– И что, там живут греки? – спросил он с недоверием.

– Да, есть и много, не скажу «очень много», просто нас много там… Да я же их и не считала! – засмеялась весело Антигона. – А ты говоришь по-гречески?– спросила она. Теперь ей хотелось доказательств «грекости» Гомера.

– Конечно, говорю! – ответил красавец Гомер.

– Но тогда скажи мне, как будет по-гречески «хлеб»?

– Аймек!– лениво ответил он.

– Как?!– Антигона была уверена, что молодой человек шутит, потому что «хлеб» на греческо-понтийском это «псомИ».

– Хорошо. Тогда скажи, как будет «здравствуй?»

– «Салам»!

– «Дом»?

– «Ияпи»!

На греческом эти слова звучат «калимЭра» и «спИт»

– Да нет же! Ты не грек! Ты же не говоришь на греческом! Это тюркизмы какие-то… Слова, похожие на турецкие! – заключила, как отрезала Антигона. Гомер покраснел, как маков цвет. Нет, не от стеснения, он просто сильно разозлился. Его девушка и Антигонин Миша наблюдали, молча, за спором спутников. Ничего не сказав, Гомер неожиданно резко вскочил с места и почти что выбежал из купе. Прошло более получаса, но Гомер не возвращался. Его девушка ни на минуту не подняла голову от книги, которая, по всему видно, сильно захватила её. Антигона же, чувствуя вину, всё же вышла посмотреть, куда пропал парень. Гомер

стоял в качающемся тамбуре, как матрос на палубе, курил и тупо смотрел в окно. Антигона подошла к нему, улыбнулась виновато:

– Да, ладно тебе, Гомер! Не расстраивайся, ведь все мы люди!

– Не тебе мне говорить: человек я или нет! И не тебе определять, грек я или не грек. Кто ты такая, чтоб судить меня!? – взорвался он и вдруг, прямо у нее на глазах, расплакался. Его красивое мужественное лицо исказилось и стало по-детски беззащитным. Антигона никак не ожидала такого хода событий и не знала, как поступить. Ей захотелось сразу же уйти, чтоб не стать свидетельницей его минутной слабости, оставить его, чтоб он, не стесняясь, выплакался. Но что-то её остановило. Она подошла к Гомеру совсем близко, и обняла его, и вдруг неожиданно для себя самой тоже расплакалась. Так, обнявшись, они проплакали вместе под сильный стук колес, который заглушал все звуки, но ударял им прямо в сердца, усиливая боль и неожиданно возникшую радость понимания и прощения. Эти слёзы проливались сами по себе из той самой раны, которая спрятана глубоко в их памяти. Где-то там, в хранилищах их сознания эта рана, открывшаяся много веков назад, кровоточила. Антигона не могла определить точно, где же находится эта незаживающая рана страха потери родины. То ли она – где-то в голове или в сердце и даже, возможно, в коленях… Наверное, именно там, в коленях, потому что неожиданно ноги у неё подкосились, ослабли, а из сердца потекла чистым потоком братская любовь к Гомеру, которая разливалась по всему её телу, ища эту открытую рану, чтобы закрыть её и, если это возможно, навсегда.

С тех пор Антигона перестала делить людей на греков и на негреков. Вопреки своему несовершенству и расистским взглядам, воспитанным бабушкой, она стала организовывать антирасистские фестивали. И, когда у неё спрашивали, зачем же всё это ей нужно, Антигона почему-то не знала, что ответить, она, молча, улыбалась кому-то вдаль, наверное, самому Гомеру, которого никогда не забывала.

Гомер и Мария Каллас

Гомер женат много раз. А если говорить точнее, пять. Но так случилось, в том, что он, по разным причинам, имел много жён, он не виноват: просто обожал всех своих женщин. Но вот однажды всё же признался: на самом деле всю жизнь по-настоящему любил только одну-единственную – Марию Каллас. На последней жене, Маргарите, Гомер женился лет двадцать тому назад, тогда ему было за пятьдесят. Когда Антигона в первый раз посетила его в маленькой, плотно забитой картинами студии, то сразу обратила внимание на множество портретов Марии Каллас, гречанки, известной во всем мире оперной дивы. Но, на первый взгляд, Антигона решила: это портреты Маргариты – жены Гомера, столько общего в этих двух женщинах! Они похожи как сестры-близнецы, но Гомер, не стесняясь, объяснил Антигоне: «Неет. Это не Маргарита, это женщина моей мечты, это же Мария Каллас! Ты что, не узнаешь её?» Сама же Маргарита никогда не обижалась на Гомера за его «внебрачную любовь и платоническую связь», да и сам факт её похожести на «возлюбленную» собственного мужа, который, возможно, и стал толчком её присутствия в его жизни, абсолютно не беспокоил её. Он больше развлекал её, нежели обижал. «По крайней мере, я не рискую быть обманутой телесно!» – шутила Маргарита. «Эта любовь даёт ему вдохновение и прибавляет здоровья, и я очень рада этому!» – говорила она. Гомер – признанный художник, но на самом деле он всегда хотел стать оперным певцом. Талант живописца Гомер унаследовала от отца – искусного мастера-каменотёса, известного во всём Тбилиси. Отец, видя способности сына, отдал Гомера в школу изящных искусств. Тогда ему только что исполнилось четырнадцать лет. Но даже в этой школе, будучи отличником, Гомер не переставал грезить об опере и, как только окончил её, пошёл учиться в государственную консерваторию, куда его приняли сразу же.

Именно в консерватории Гомер «познакомился» с Марией Каллас и сразу же влюбился в неё без памяти. Он постоянно слушал её арии, записанные на виниловых пластинках. Вырезал из газет и журналов и хранил её фотографии и статьи о ней. А первый портрет Марии написал ещё студентом консерватории. Всё в жизни Гомера шло ровно и благополучно, да и голос у него очень хороший – тенор. Всё указывало – его ждала большая карьера в опере. Но неожиданно, после двух лет учёбы, врачи обнаружили у него один роковой для оперного певца изъян анатомии носа. Его сразу предупредили: мол, ты пой, пока поётся, но на карьеру оперного певца не претендуй! Ему сказали, как отрезали: этот изгиб в носу не позволит взлететь высоко в оперном искусстве. Для Гомера этот диагноз – один из самых больших ударов в жизни. Он даже подумал тогда: уж лучше заболеть смертельной болезнью. Ведь в глубине души он всегда надеялся: где-то в стенах оперных театров мира однажды он встретит Марию Каллас и, кто знает, может быть, и станет спутником её жизни… В то время Гомер просто ненавидел миллиардера Онасиса, который портил жизнь Марии, заставлял её страдать и, в конце концов, подло предал её, оставив в страшной меланхолии… «Я мечтал только увидеть её, заглянуть ей в глаза, поцеловать её руку и сказать: «Мария, я люблю тебя больше жизни!» Сказать ей об этом, а потом можно и умереть!»– признавался он Антигоне, и глаза его загорались особым блеском надежды, несмотря на то, что Марии давно уже нет в живых, да и сам Гомер уже обожжён старостью, с которой он никак не мог смириться.

Оставив оперу, Гомер вернуться к живописи. Судьба не дала ему право выбора, он вернулся к первому своему таланту, и это справедливо. В огромной тбилисской студии-мастерской, которую ему бесплатно предоставило государство за заслуги перед советским искусством, Гомер с большим пафосом создавал советские плакаты. Именно в этом он, как грек с прирожденным талантом к минимализму, и отличился. Но это и понятно: ведь его греческие корни уходили в глубокую древность, а искусство

древних греков – высший образец искусства. «Мне жаловаться – грех. В Советском Союзе, рисуя Ленина и других вождей, я познал почёт и уважение, а денег было… даже не считал!» Один из его плакатов против диктатуры чёрных полковников в Греции опубликован во многих газетах и журналах СССР. А другой плакат Гомера стал обложкой юбилейного журнала «Огонёк» к 50-летию СССР, выпущенного на десятках языков мира. Особую радость и удовлетворение Гомер получал, когда рисовал Элладу, страну, где ни разу не бывал. Даже вдали от родины предков он всё же умудрялся, благодаря таланту и вдохновению, «присутствовать» в Элладе, рисуя реалистично греческие пейзажи, да так достоверно, что, казалось, находился именно в том месте. Возможно, так оно и было, ведь в мыслях и мечтах он всегда пребывал там. Между тем, знаменитое во всём мире сопрано – Мария Каллас – очень далека от мира кавказских греков и жизни самого Гомера. А он не обращал внимание на «её равнодушие и незнание». Он продолжал любить её, но при этом много работал. Женился, расходился, снова женился. Родил детей, но при этом никогда не забывал про «любимую Марию».

Гомер продолжал писать её портреты, более десятка портретов, наполненных светом любви и абсолютного обожания Марии. Могло показаться: Гомер с ума сошёл, да нет же, он – вполне нормальный мужчина… Никогда не уходил от действительности, ни на шаг от реальности, но сердце его всегда принадлежало только ей, Марии. И вот однажды его мечта всё-таки сбылась. И он увидел Марию! Гомер получил ту минуту счастья, о которой мечтал, получил возможность поговорить с ней, заглянуть ей в глаза и даже поцеловать ей руку. «Я знал – Мария Каллас приедет на Международный фестиваль – конкурс имени Чайковского в качестве члена жюри, и, конечно же, оставив все дела, срочно поехал в столицу, повидаться с ней», – вспоминал он с восторгом. «Нежный июнь в самом разгаре. Я томился от волнения и страха, смогу ли её встретить или хотя бы просто увидеть. И вот, Антигона – не представляешь! Сам Господь Бог или, может быть,

сам Владимир Ильич Ленин, которого я всю жизнь рисовал, мне её посылают. Вижу она идёт прямо ко мне… Нет, конечно же, она просто шла своей дорогой, но её путь лежал именно там, где был я, там, где стоял, волнуясь о том, смогу ли её увидеть. Это ли не чудо! Открытие международного конкурса, народу много, да так, что не видно, кто есть кто. А я ведь её сразу увидел! Но с ней – Екатерина Фурцева, «кремлёвская леди», занимавшая тогда пост министра культуры. Как только я увидел Марию вместе с Фурцевой, подбежал к ним с такой смелостью, какой сам от себя не ожидал, и представился ей на греческом языке. Назвал своё имя, «Омирос», как звучит оно по-гречески. Она, казалось, не поняла меня, не поняла моего языка, потом переспросила по-гречески: «Омирос?» Я подтвердил на своем языке – именно так меня зовут меня: «Омирос», «Гомер»… Неожиданно Мария зантересовалась, спросила меня, правильно ли она поняла – меня зовут Омирос, словно хотела окончательно убедиться: перед ней стоит грек. Переспрашивая, она дала понять – тоже рада познакомиться. Она протянула мне руку, чтобы поздороваться, тут я сделал поклон, взял её руку в свою и поцеловал её. Но при этом умудрился не отрывать взгляда от её глаз, которые тоже восторженно сияли. Поверь, не успел насладиться ею! Глядя ей в глаза, говорил ей, но про себя, конечно, не вслух: «Мария, сэ-агапО!», – Мария, я тебя люблю!» Каллас, я думаю, догадалась: я не просто так пришёл, я не просто поклонник её таланта. Я уверен, она всё поняла правильно! Но, к сожалению, не успела мне что-либо сказать в ответ, хотя бы взглядом, потому что Фурцева взяла её под руку и прямо-таки потащила от меня, возмущаясь: «Да кто вы такой!? У нас нет времени!». Знаешь, Антигона, эта Фурцева – большая стерва и эгоистка невыносимая. Она желала, и это видно по её поведению, а я разбираюсь в женщинах, чтоб все мужчины только бы на неё обращали внимание. Она мне не простила, что я не обратил на неё абсолютно никакого внимания! Поэтому и не дала мне поговорить с моей любимой Марией. Мария не смогла возразить матроне Советского Союза, не смогла задержаться

дольше рядом со мной, но всё же в последнюю секунду она обернулась и посмотрела на меня, как будто сказала: «Ничего, Гомер! В следующий раз у нас будет больше времени, и мы поговорим обо всём!» Я увидел: Мария меня запомнила, я ей понравился! Знаешь, ведь я тогда был молодым и красивым мужчиной. Кавказский грек – этим всё сказано! Да и одет я был шикарно».

Вскоре после этой встречи с Марией Каллас в жизнь Гомера пришла Маргарита – пятая его жена. Он в неё влюбился с первого взгляда, может быть, потому что она на самом деле очень похожа на Каллас, как будто бы это Мария, только без волшебного голоса оперной певицы. В маленькой студии Гомера стены заполнены портретами обожаемой во всём мире сопрано. «А вы знаете, Гомер, они ведь уж очень похожи друг на друга! Вначале я подумала: на всех этих портретах Маргарита, ваша супруга»,– рассуждала Антигона, разглядывая её портреты в салоне их маленькой квартиры. Маргариты тут же накрывала на обеденный стол.

«Антигоночка, что ты такое говоришь!? Я не такая красивая, как Мария!» – возразила, широко улыбаясь, она. Гомер с трудом встал с кресла. В последние годы у него болели ноги. Он подошёл к жене, обнял её, посмотрел ей в глаза, наклонился, взял её руку в свою и сказал: «Да, очень похожи! А по-другому и быть не могло, я ведь так её люблю!»

КПСС и почка Антигоны

«Ты обязательно должна стать членом Коммунистической партии, если, конечно, действительно хочешь добиться карьерного роста», – этот отеческий совет Антигоне дал первый секретарь местного комитета КПСС, с которым она познакомилась на слёте пионерских и комсомольских организаций молодёжи в «Орлёнке». В то время Антигоне нравилось заниматься организацией общественных мероприятий, вечеров, конкурсов, фестивалей. Жизнь свою она представляла мозаикой, собранной из ярких кусочков жизней многих других людей, но в центре она сама – тот яркий камешек, который всегда светился больше всех. Антигона не могла жить без ощущения собственной нужности и значимости. Сначала она – активная пионерка, потом – активная комсомолка, и вот пришло время стать членом партии.

Когда говорили о Коммунистической партии Советского Союза, то произносили только одно слово «партия»: она – единственная, другой в стране просто не существовало. Всего одна «партия», одного слова достаточно. Полное же название партии употреблялось только на торжественных мероприятиях, на плакатах, во время дипломатических встреч и в случаях крайней необходимости. Кроме того, всем было удобно употреблять и аббревиатуру, которая произносилась обычно не скороговоркой, а растянуто «Ка-пэ-эс-эс». Слово «КПСС» не произносилось бегло или равнодушно! Эта аббревиатура имела скрытую силу, при произношении она моментально включала человека в систему, ставя его сразу же на место. В этой стране все имели свои места. Власть, номенклатура, научная и творческая интеллигенция, труженики-рабочие, труженики-колхозники, служащие–армейцы и профессиональные военные, тюремные заключенные, спортсмены,

студенты, школьники и дошкольники. Но при этом все назывались советскими людьми.

Механизм вступления в партию – прост и прозрачен. Но главное условие – не собственное желание, а рекомендация. В члены КПСС должны порекомендовать проверенные товарищи. Не то, чтобы никто не мог пойти в партийный комитет и просто сказать: «Хочу в партию. Не могу представить свою дальнейшую жизнь без великой нашей партии, желаю посвятить себя служению стране, партии, хочу отдать всё лучшее, что у меня есть, народу, хочу быть нужным партии и родине!» – всё это, конечно же, теоретически возможно. Но вот, если кому и взбредало в голову совершить первый шаг, по собственному желанию и инициативе попытаться стать членом партии, то тут начинались сложности. Уверенного в себе товарища внимательно выслушали бы, возможно, даже дали бы заполнить заявление, ну а потом держали бы в ожидании неопределённый срок. Вначале надо стать «кандидатом в члены партии» с испытательным сроком на год. Само членство в партии выглядело как награда. Это тот самый чудесный пьедестал, с которого счастливчик открывал двери в большую жизнь, где он чувствовал себя твердо стоящим на ногах, а мечты становились явью.

На следующий же день, после вечера солидарности, посвящённого Пабло Неруде, который организовала Антигона в университете вместе со друзьями-однокурсниками в поддержку чилийских коммунистов, ей сделали предложение вступить в партию. Антигоне сказали: она может прийти в университетский комитет партии и заполнить соответствующее заявление. Это столь неожиданно, она даже не ответила, а только кивнула, да и то как-то вяло, неуверенно. Антигона всегда считала: цель её жизни – вступление в «ка-пе-эс-эс». Но тут она неожиданно почувствовала нерешительность, что-то внутри неё перевернулось, и её даже слегка стошнило. С опущенными глазами она слушала красивый баритон секретаря: высоко оценили её вклад

в работу комсомольской организации филфака, и, конечно же, её высокие гуманистические идеи вызвали поддержку всех. Слушать всё это ей крайне неловко, она покраснела, как маленькая, но в красноте её щёк – растерянность, а не радость. Антигона хотела бы тут же возразить, что, мол, не в коммунизме дело, а в «справедливости»: она, действительно, на стороне чилийцев, пострадавших от хунты, и глубоко переживает вместе с ними, как если бы сама была, что это человеческая солидарность и причём здесь партии?... Но в ответ она промолчала, потом поблагодарила за тёплые слова и, слабо улыбнувшись, обещала подать заявление. Для себя же решила: не пойдет в парткомитет. В тот год Антигона и вправду много думала о роковой гибели поэта после переворота в 1973 году. Вспоминала кадры из теленовостей, в которых показывали, как тысячи чилийцев пели на похоронах «Venceremos» – «Мы победим» и скандировали «Viva Neruda» – «Вива Неруда!» А диктатор Пиночет наблюдал за людским морем с балкона Дома Правительства и, наверное, очень завидовал Неруде, потому что знал: именно сейчас начинается жизнь поэта, но уже в вечности. «А ведь Неруда был с народом, но не на стороне коммунистов. Он просто был с народом», – подумала она. Антигона сама никак не могла разобраться в себе: с одной стороны, ей нравились коммунистические идеи, но в то же время она как бы стеснялась говорить о политике. Не зная многих вещей, чувствовала фальшь в планах партии. Но она также знала: не может ничего изменить, надо смириться, терпеть, пока перемены не наступят сами собой.

Летом 1975 года в Хельсинки европейские лидеры подписали Договор по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тогда Финляндия официально признала роль СССР в Центральной и Восточной Европе. Все говорили о конце холодной войны, но, в сущности, холодная война переименована в «рецессию в международных отношениях». Запад и Советский Союз впервые после встречи в Ялте 1945 года перераспределили сферы влияния

в Европе. В Хельсинки подписали и договор о правах человека, которого в СССР никогда не придерживались. Понадобилось ещё пятнадцать лет, чтобы перемолоть и вывезти мусор из СССР в надежде обрести свободу. Но и сама эта свобода в первые годы развала СССР стала кошмаром для страны и её народа. В 1979 году советские войска вошли в Афганистан, и страну на десять лет изолировали от всего мира. Антигона понимала: Политбюро, которое руководит страной, состоит из кучки твердолобых стариков. Но об этом, естественно, ни с кем не говорила, никогда не комментировала отрицательно решения членов Политбюро – её бы посчитали сумасшедшей. Когда в 1977 году она оказалась вместе с другими сокурсниками в Праге по обмену студентами, чехи её вдохновили. Она впервые почувствовала ветер свободы и дух иной жизни, которая могла быть и её жизнью. Они отличались темпераментом, непосредственностью, казались улыбчивыми, тёплыми, открытыми людьми.

Но, несмотря на дружескую атмосферу, Антигона впервые в жизни пережила политический расизм и изоляцию. Как только на улице или в кафе улыбчивые чехи слышали русскую речь и узнавали – группа студентов приехала из СССР, улыбка исчезала с их лиц и сменялась гримасой неприязни, а иногда даже открытой ненависти, которую они, не стесняясь, демонстрировали. Оказалось, эти милые люди не любили их, русских, советских. Всего ничего прошло с 1968 года, когда чехи предприняли попытку противостоять диктатуре СССР, но уже через два дня их «поставили на место». Войска пяти стран Варшавского договора вторглись в Чехословакию и быстро свернули начавшийся в стране процесс демократизации. Единодушное сопротивление этого народа сменилось апатией, всеобщей депрессией. Все они почувствовали себя униженными. И вот теперь, как могли, при первой же возможности демонстрировали неприязнь ни в чём неповинным студентам. Антигона прощала чехов и не обращала внимания на их реакцию, но ребята из группы никак не могли успокоиться, их возмущению нет

конца, говорили: чехи – неблагодарная нация. «Если б не мы, кто бы их освободил от фашистов в 1945 году!» Позже, когда против СССР восстали и поляки, а это случилось в 1979 году, бровастый Брежнев осмелился воспользоваться советской армией, военные базы которой постоянно находились на территории Польши. Он послал коммунистов во главе с Ярузельским, чтоб они быстро разобрались в создавшейся ситуации. Так они и сделали, и там всё быстро стало на свои места.

У Антигоны был опыт общения с поляками. Как-то декан предложила ей организовать в общежитие дружескую вечеринку для студенческой группы из Польши. Студенты филфака приехали в Россию развивать навыки устной разговорной речи. Вечеринка прошла замечательно: с песнями под гитару, звучал также магнитофон. От пения до танцев, от танцев до игр, очень весёлых, время пробежало быстро и перевалило даже за полночь. За всем этим весельем Антигона не успела ни с кем познакомиться. Полякам, любителям выпить и погулять, понравилась вечеринка. Просьба выполнена на «отлично». Но потом вся эта радость оказалась омрачённой, хотя ничего трагического и не произошло. Антигона впервые в жизни испытала чувство глубокого разочарования в людях. Это болезненное переживание. На следующий же день после вечеринки её пригласила к себе декан филфака Маргарита Ивановна, которая дружески посоветовала Антигоне: в следующий раз на таких мероприятиях не «открывайся так…». «Как – так?» – спросила Антигона. «Понимаю твою непосредственность и искренность, но надо более сдержанно вести себя на вечеринке с иностранцами. Нет, ты, к счастью, ничего лишнего не сказала, а просто была слишком открытой». «Не забывай, поляки не настолько друзья, как кажутся. Они другие, помни об этом!» – добавила декан, глядя с пониманием на расстроенную студентку. Как потом выяснилось, кто-то из польской компании донёс, обвинив её в «чрезмерной радости

и открытости». Антигона попыталась вспомнить лица всех присутствующих, чтоб понять, кто тот человек, который донёс на неё. Но лица вспоминались такие добрые, дружелюбные... «Нет, ну не может быть! Кто-то же это сделал?!» Перелистывая в памяти лица поляков, она так и не смогла заподозрить никого из них, и Антигона вычеркнула этот эпизод из памяти, по крайней мере, постаралась это сделать.

В эпоху 1980-х годов ложь постепенно обнажалась, но всё равно народ упорно не хотел видеть правду. Каждый словно играл в жмурки с самим собой. Ни у кого в стране нет полной уверенности, чтобы поверить в начавшийся развал. Быть рабом трудно, а ещё труднее – свободным человеком. Этой свободы все и боялись. Только некоторые поэты – барды, например, Владимир Высоцкий, кричали о правде до хрипоты. Но один поэт не может изменить положение вещей, не может повернуть вспять историю, а только разбудить, сказать – уже пора идти другой дорогой. Миллионы советских людей в квартирках на тесных кухнях слушали переносные магнитофоны с песнями поэта-хулигана. Слушали его голос, который переворачивал всё внутри, но пробуждал совесть в каждом. А ведь некоторые не выдерживали его голоса, он их раздражал, тех, кто никак не хотел слышать правды. На чёрных рынках продавались нелегальные кассеты с записями его песен, в которых на самом деле записана народная совесть, которую выражал поэт в песнях, – сами люди никогда бы не смогли выразиться так свободно. Иногда люди слушали Высоцкого до изнеможения. Да, такое бывает от бессилия открыть рот и высказать всё, что накипело.

В дорогу – живо! Или – в гроб ложись.
Да! Выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь –
Мы к ней для верности прикованы цепями.

А кое-кто поверил второпях –
Поверил без оглядки, бестолково.
Но разве это жизнь – когда в цепях?
Но разве это выбор – если скован?

– писал поэт в одном из стихотворений. Высоцкий трудно переводится на греческий язык, а как же перевести на другой язык жизнь, которую не знаешь? Жизнь в стране похожа на бесконечный спектакль, в котором у каждого – своя роль, и никто не знал, что будет в финале. Только суфлер чётко нашёптывал слова из суфлерской ямы. Но вот спектакль закончился, и началась жизнь, как она есть, но, как оказалось, в ней ещё труднее, чем в хаосе лжи. Надо теперь отвечать за себя, только за себя и свою жизнь, а это намного труднее. В университете Антигона играла в самодеятельном любительском театре. Смех всем необходим как бальзам. В ту эпоху народ приклеился к телевизорам. Именно там он искал ответы на жизненные вопросы. В то время некий маг, медиум или волшебник Кашпировский лечил народ, выступая на единственном государственном телеканале. Он заговаривал воду в трёхлитровых банках или кастрюлях, которые миллионы телезрителей послушно выставляли перед телевизорами. Антигона ни разу не выставила банку с водой перед телевизором. Она верила в Бога, и Кашпировский ей казался сатаной. Она боялась его, выключала телевизор во время его передач, и уже знала: это конец, очень плохой конец.

Эпоха 1980-х – вершина абсурда. Люди с опущенными головами, униженные, стыдясь себя, ездили в Москву, таща на себе мешки, набитые едой. В те годы в столице редко встречался путешественник с одним чемоданом в руках. Все четыре железнодорожных вокзала Москвы заполняли люди с мешками. Колбаса, мясо, сахар, мука, всё съедобное, что можно «достать» провинциалам в столице, и увезти с собой. Народ уже совсем не боялся, не стыдились люди, всем надо выживать, пройдя через

этот позор. Но никто не хотел что-либо предпринять, протестовать… Загипнотизированные Кашпировским советские люди ждали перемен, но так, чтобы они произошли сами по себе, без их участия.

Антигоне поняла, что не может сказать «да» на предложение парторга. Она уже стопроцентно уверена: ей не надо вступать в партию. Это предательство по отношению к собственной совести. А как же сказать «нет»? Сказать «нет» на предложение стать членом партии – автоматически причислить себя к инакомыслящим, к диссидентам. Кто имел тогда смелость сказать «нет»? Такая смелость в стране называлась психическим заболеванием. И у таких смельчаков два пути: публичное покаяние перед партией или психушка.

Набравшись смелости, Антигона рассказала по большому секрету подруге Тане о своей проблеме. «Сиди тихо. Не проявляй активности! И какое тебе дело до коммунистов Чили, они сами виноваты, довели страну до голода, до безработицы, ну и Америка не стала терять возможности занять позиции. А сейчас они стали героями!» – стала выговаривать ей Таня.

В тот же вечер у Антигоны начались колики, и её увезли в больницу. Оказалось, левая почка. Вот она-то и спасла от КПСС. Камушек в почке отправил её на операционный стол. Операция не удалась, несмотря на то, что она рутинная, как говорили опытные врачи. Выздоровление затягивалось, температура не спадала, Антигона постоянно болела и пропускала университетские занятия и лекции. В итоге – пропустила целый семестр.

В конце концов, выяснилось: в почку во время операции попала инфекция. Пришлось делать повторную операцию и удалить её, уже сгнившую. Точнее, удалять то, что когда-то было почкой. Антигона осталась с одной почкой, а вынужденное полугодовое отсутствие в университете спасло от вступления в партию. Она потеряла очередь в кандидаты КПСС и избавила себя от трудного момента в жизни советского человека – сказать «нет» партии.

Потом, уже через много лет, когда у Антигоны спрашивали, как же ей при такой общественной активности удалось избежать членства в партии, стать коммунисткой. «Трудно было. Пришлось «пожертвовать почкой»…» – говорила она. Её не понимали – после распада СССР, чтоб выжить в уже свободной капиталистической стране некоторые несчастные люди действительно продавали органы, жертвовали почками. Её не понимали, о чём это она? Неохотно, но Антигона рассказывала с самого начала историю о том, как она потеряла почку во время операции, но одновременно потеряла место в рядах членов коммунистической партии Советского Союза.

Чемодан чёрной икры

Был июнь с сорокаградусной жарой. Бастовали рабочие – уборщики муниципалитета. Центр города, местами похожий на декорации к сюрреалистичному фильму. утопал в мусоре. Горячий сухой ветер подбрасывал вверх целлофановые пакеты, напоминающие рваные паруса с захваченного пиратами судна. Антигона никак не ожидала, что Афины – город, закованный в монолит бетона, город, натуго перепоясанный лентами дорог, покрытыми горячим асфальтом, выдыхающим драконий жар. И повсюду мусор, который смог отвоевать место под солнцем в повседневной жизни столицы.

По дороге из аэропорта «Эллинико» до района порта Пирей она не заметила ни одного здания с ионическими или дорическими колоннами, которые бы напомнили ей о древней Элладе, а Акрополь слишком далеко, как ей объяснял дядя Павлос. Как только приехали домой к Павлосу, Антигона сразу же заторопилась достать из чемоданов подарки – порадовать дядю и его семью. Это дорогие янтарные бусы и браслеты. Тут она обнаружила – не хватает ценного чемодана с чёрной икрой, которую везла в подарок неизвестным ей ещё родственникам.

«Господи! И что же нам теперь делать? Что же у тебя было в этом чемодане-то?» – спросил расстроенный дядя, как только узнал о потерянном багаже. Как только он услышал о чёрной икре, то очень удивился, зачем же его племянница везла с собой «такое» в Грецию. «Так икра же стоит дорого, я хотела вас угостить, а остальное продать, чтоб у нас было больше драхм. Мы заплатили по двадцать долларов за полукилограммовую банку», – объяснила Антигона виновато. Павлос тут же перезвонил в аэропорт и быстро выяснил: ценный чемодан с икрой остался по ошибке в Праге, в аэропорту, откуда транзитом летела Антигона из Сочи в Афины.

Антигона окончательно решила уехать в Грецию сразу же после новогодних праздников. Наступил 1992 год. Чуть раньше, 26 декабря уходящего года, она в последний раз видела по телевизору секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва, объявившего стране о распаде Советского Союза. Вечером неожиданно на экране появился Михаил Горбачёв и обратился к народу с прощальной речью. За несколько дней до этого, а точнее 8 декабря, в Беловежской пуще Президент России Борис Ельцин, Президент Украины Леонид Кравчук и Председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич, собравшиеся в тесном кругу, после доброго застолья с хорошей выпивкой одним махом стёрли с политической карты мира самую большую страну на Земле.

Михаил Горбачёв на этот раз был краток. «Советский Союз распался», – сообщил он миллионам телезрителей, которые в буквальном смысле слова пригвождены к экранам телевизоров. У Антигоны пропал дар речи. Развод быстрый, без истерик и слёз. В одно мгновение, как по мановенью волшебной палочки, росчерком пера трёх лидеров приняли решение «разъехаться», жить по отдельности, независимо друг от друга. Так Антигона мгновенно перенеслась из грандиозного Советского Союза в гораздо меньшую по площади Российскую Федерацию.

«Деньги, которые у вас, есть надо перевести в товар: льняные скатерти, бытовые электроприборы, сувениры – всё это вы сможете легко продать в Греции», – советовали Антигоне некоторые знакомые, уже переехавшие в Грецию и вернувшиеся за новой партией товара, чтоб потом продавать его на местных греческих базарах. Самое неприятное и утомительное для Антигоны – процесс сбора чемоданов. По какой-то непонятной причине она каждый раз не знала, что именно ей понадобится в дороге, а тут она ещё уезжала навсегда… Бесцельно слонялась она по дому, переходя из одной комнаты в другую, и никак не могла сосредоточиться на отъезде. Дай Бог здоровья маме, которая уж точно знала, что нужно положить в чемоданы.

Пришла соседка, армянка Сусанна с видеокамерой: «Давайте поснимаю видео! Пока вы ещё не уехали, вас надо успеть запечатлеть!» – предложила она и нажала кнопку. «Не надо! Не снимай, очень прошу! Я такая расстроенная, да ещё и не накрашенная!» – нервно вскрикнула Антигона. «Да ладно тебе, брось! Может быть, мы уже больше никогда и не встретимся, а у нас будет видео, мы будем смотреть фильм, вспоминать вас. Я тоже уеду в Америку, вот увидишь! Как только приглашение от дяди придёт. Ну не нервничай, делай ты свои дела, а я поснимаю!», – настояла Сусанна. «Хорошо», – промямлила Антигона и продолжила слоняться из комнаты в комнату. «Не мельтеши, у меня уже голова кругом идёт! – прикрикнула на нее мама. – Сядь-ка лучше на свой чемодан, утрамбуем его, надо в него затолкать побольше вещей». «Зачем мне тащить столько вещей в Грецию? Мам, я еду в капиталистическую страну, где есть всё, и если что-то понадобится, то там и куплю. Всё будет новое и красивое, модное!»,– сказала Антигона и сразу же оживилась. Тогда она ещё не знала: всего через несколько месяцев будет с грустью вспоминать о шерстяном свитере, который не положила в чемодан, а подарила подруге, как и большинство хороших тёплых вещей, которые с радостью раздарила.

Все заметили: Антигона переживала за чемоданы. Ничего не хотелось забыть. Но на самом деле «багаж» – это повод: она трепетала от глубинного страха переезда в страну мечты. Неожиданная резкая боль в печени, словно лезвие ножа, усилила этот испуг. Она даже ощутила, как этот «нож» там глубоко проворачивается. Потом сильно заболел живот, а коленки стали подкашиваться… Она почувствовала себя инвалидом в коляске. Антигона понимала: все эти неожиданные недомогания – то там, то тут, происходят с ней из-за её страха перед переездом навсегда в страну, которую она не знает. «Так, теперь уже невозможно отступить, мы продали дом недалеко от центрального пляжа, я уволилась с работы», – оправдывалась она перед друзьями,

которые спрашивали её, на самом ли деле она приняла решение уехать из страны или это просто разговоры.

«Уезжаешь сейчас? На пике карьеры!» – старался отговорить её директор школы, которому не хотелось отпускать хорошего преподавателя. Но потом он сам же извинялся и даже однажды поддержал её: сказал – мол, «за границей люди регулярно меняют профессии и места жительства, и это, собственно, способствует развитию личности».

Перед отъездом Антигоны в школе коллеги организовали небольшую прощальную вечеринку, где директор выступил с самыми лучшими словами об Антигоне, но начал с описания новой жизни Антигоны в Греции: «Итак, в саду небольшой виллы у моря сидит наша Антигона в огромном кресле-качалке. Она читает книгу, но время от времени бросает взгляд чуть поодаль, туда, где работает садовник. «Аристотель! – зовёт его Антигона. – Разве ты не видишь: газон с правой стороны подстрижен неровно?!». И Аристотель ей отвечает виновато: «Понял, госпожа Антигона! Я это уже заметил и сейчас же всё поправлю!» Все покатились со смеха и даже стали аплодировать директору за его богатую фантазию. Улыбалась и сама Антигона, ей понравилось её «греческое будущее», кроме, конечно, того, что она эксплуатирует садовника по имени Аристотель, и то, что к ней обращаются кириа – «госпожа». «Какая же я госпожа!? Мне это слово не подходит!» – возмутилась она про себя.

Но годы спустя предсказания директора об Аристотеле оказались почти правдой. Через несколько лет, уже в Греции, Антигона наняла двух соотечественников – рабочих – сделать ремонт в её квартире, купленной на взятый в банке кредит. Одного из них звали «Аристотель». Она вспомнила рассказ директора и хохот коллег на вечере проводов, улыбнулась Аристотелю, как давнему знакомому. Аристотель, как истинный кавказец, решил – Антигоне он понравился, не упуская момента, тут же пригласил её вечером поужинать в таверне.

В дверь позвонили, никто не услышал звонка, все заняты чемоданами. В дверь продолжали настойчиво звонить. Побежала открывать соседка Сусанна. Это папа. Теперь все ждали его бурчания по поводу «безразличия к дверным звонкам». «Порта!» – кричал по-гречески он, когда слышал звонок. Но сам редко поднимался с дивана. «В этом доме никто не хочет работать портье. Неужели я ещё и двери должен открывать!» – возмущался он. Но в этот раз Ваня ничего не сказал. Он вошёл в дом радостный в обнимку с картонной коробкой. «Валя, Антигона, я достал очень хорошую икру! Много килограммов, двадцать две консервные банки. «Белугу» купил! Дорогая, правда, икра, ну уж очень дорогая, приблизительно по двадцать долларов упаковка, но зато высший сорт!» Все видели – с икрой Ваня выглядел слишком оживленным. Это ведь по его задумке решено купить «отличный товар», который можно будет легко и быстро продать в Греции, а значит, у его любимой дочери Антигоны, которая, конечно же, не сразу найдёт работу в Греции, будут деньги.

Все кинулись искать сумку или пустой чемодан – уложить двадцать две консервные полукилограммовые банки, но все чемоданы уже заняты вещами. Решили опорожнить чемодан с льняными скатертями. Кто ж тогда знал: в Греции льняные скатерти – более ценный товар, нежели дорогущая икра. Грошовая скатерть продавалась по четыре доллара, а к чёрной икре большинство греков, как, оказалось, относилось абсолютно равнодушно. Антигона же икру обожала, но ела её, как и многие, только во время больших праздничных застолий. И ещё она хорошо помнила, как в детстве бабушка покупала икру на развес в небольшом соседском сельпо. В те времена икра продавалась в бочках. Одна бочка – с чёрной осетровой икрой, другая – с икрой балыковой, а третья – с красной. Но всё это – в далёких шестидесятых годах. В те годы всё, как в сказке: «Хочешь, вот – белуга, а вот – севрюга, но есть и балык!» Бабушка обычно покупала икру на закуску «под водочку» для компаний сына

Вани. Сама же предпочитала жарить мелкую рыбёшку – кильку, которую, обваляв в муке, плотно выкладывала веером на сковороде так, что получалась рыбная лепешка. Ещё бабушка любила малосольную кильку с лавровым листом и чёрным перцем. На консервных банках, которые Антигона бережно упаковала в чемодан, освободившийся от льняных скатертей, нарисована царица всех рыб – осетрина и написано латиницей «Caviar». «И как мне теперь переходить границу с чемоданом чёрной икры?!» – задала Антигона риторический вопрос отцу. Она и отец хорошо знали: вывоз за границу валюты, золота и чёрной икры строго запрещён, всё это считалось контрабандой. «А у меня в аэропорту есть свои люди! Обещали – без досмотра подвезут чемодан прямо к самолёту!»– ответил папа с притворным равнодушием.

Аэропорт, как всегда, кишмя кишел загоревшими до ожогов на теле отдыхающими. Начало лета – июнь – старт туристического сезона, но в тот год наплыв курортников в Сочи был как в разгар сезона. Иная атмосфера царила в другом, неоклассическом здании аэропорта для международных перевозок. В этом прохладном дворце Антигона оказалась впервые в жизни. Она ждала вылета на Афины транзитом через Прагу. Здесь всё свершалось гладко, никто никуда не торопился, не кричал, никого никуда не звал, никто не опаздывал. Да и загар на лицах здешних туристов не вызывал жалости. Некоторые личности из местной городской элиты приходили сюда попить кофе в баре. Здесь как бы нейтральная зона между «востоком и западом». Здание международных авиаперевозок заметно отличалось от других зданий аэропорта – для внутренних рейсов. Это помещение пропиталось запахами иной, западной жизни. Для иностранных туристов работали специальные магазины, торгующие в твёрдой валюте. Здесь продавали настоящие французские духи и косметику, импортные сигареты и спиртные напитки. Улыбчивые иностранные туристы в баре, сверкая особым лоском, пахнущие дорогими духами, пили ароматный кофе. В этом здании приятно смешивались

ароматы духов, табака и настоящего кофе…– запахи свободной и богатой жизни счастливых людей. Именно стремясь к этому счастью, как ей казалось тогда, Антигона покидала Родину.

Она, конечно же, понимала: впервые не только пересекает границу страны, а границу миров. Вспоминала, как в 1974 году к ним в Сочи приезхал из Салоник дядя Никос, они его встречали в этом же здании Интуриста. Кто-то попросил угостить его сигареткой «Мальборо». Дядя Никос не курил, и у него не было с собой сигарет, но он купил на доллары в беспошлинном магазине целый блок сигарет и раздал по пачке всем мужчинам, которые его встречали. Антигона помнила выражение восхищённого удовольствия на лицах тех, кто получил «Мальборо». Они выражали такой восторг, как будто бы с дымом «Мальборо» тут же переносились, словно по воле джина, на улицы Нью-Йорка, где жизнь, как все думали, прекрасна!

Дядя Никос и его жена Анна – дорогие и долгожданные гости из Греции. Все родственники и друзья, да сама Антигона всё время хотели находиться рядом с ними, чтоб не только поговорить, но как бы набраться и впитать аромат любимой, но далекой и недоступной Эллады. Впитать дух западного неизвестного мира. Благоговение и восхищение перед ними достигали такой силы, как если бы «фиос» – дядя Никос и «фия» – тетя Анна были, например, инопланетянами. «Свободный западный мир – это другая планета!» – всегда подчеркивал одноклассник Антигоны, Юра, который напросился к ней в гости, чтобы только взглянуть одним глазом на заморских гостей. «Почему мы думали, что живём как бедные, мы же никогда не были бедными! Бедняки живут здесь, в Греции», – рассуждал Пантелей, брат Антигоны, когда увидел, как скромно живёт этот самый дядя Никос в Салониках. У него даже телевизор гораздо старее того, который привезла с собой Антигона из развалившегося СССР. Пантелей думал: в Греции красивее жить, люди здесь необычайно культурные и элегантные. Даже белье здесь не вывешивается

напоказ… «Я думал, греки особенные люди, а мы перед ними – деревенщина», – грустил он разочарованно, когда столкнулся с реалиями греческой жизни. Антигона хорошо понимала, что он имеет в виду. Да и она позднее, уже живя в Греции, возмущалась и рассказывала подругам, оставшимся на родине: «На самом деле мы, советские, всё перепутали! Когда все жаждали свободы и правды, заменили всё это жаждой «кока-колы» и гамбургера. Мы обожали Запад, считали: люди, живущие там, свободнее и красивее нас, они – другие, лучше, чем мы. Как это по-детски глупо…. Но я увидела настоящее лицо капитализма. Нет, оно не ужасное, нет. Возможно, даже симпатичное. Здесь у тебя есть всё. Но, чтоб получить это всё, надо беспрерывно, не покладая рук, работать. Деньги, деньги, деньги – вот главный стимул радости в свободном мире».

В прежней жизни Антигона и её друзья не говорили о деньгах, это табу, нечто, что не должно занимать мысли нормального образованного человека. Антигона всегда знала: у них денег достаточно для того, прожить... Ведь если не переходить границы реального мира, денег всегда хватает. Реальный мир прост. У них дома бабушка хлебом с маслом, домашним вареньем и чашечкой кофе или чая могла накормить нежданных гостей. Да так вкусно и незабываемо! На самом деле, за этим простым застольем все насыщались общением с мудрой бабушкой. «Глупости! Каждый человек, делающий вид, что не живёт ради денег, на самом деле только о них и думает. Вот признайся, что тебе хотелось бы носить итальянские туфельки на шпильке и душиться французскими духами «Christian Dior», ну а джинсы "Versace" – это полёт мечты, а поехать в Париж! Погулять по его улицам и встретить рассвет где-то на Монмартре, но при этом не бояться в отеле вопроса: «И где же ты пропадала и почему же отстала от группы?» Ну, скажи, что тебе не хочется расправить крылья и улететь отсюда подальше от психопатов, которые диктуют тебе не только как жить, но и о чём и как думать и говорить!» Всё это утверж-

дал сокурсник Игорь, который устраивал себе «трибуну» на кухне общежития. Он открыто выражал недовольство системой. Он был слишком смел. Антигона не смела спорить с ним, хотя считала его неправым. Тогда она была ещё идеалисткой. Но уже в Греции она поняла, насколько Игорь прав насчет материального. Ведь она же ухитрялась всегда раздобыть денег. Всё время работала и даже тогда, когда у неё была постоянная работа, она находила что-то ещё дополнительно к заработку, «приработки». Драхмы – это единственные деньги, которые полюбила Антигона. Наверное, потому что она зарабатывала их в буквальном смысле, «работая в поте лица, не покладая рук». Рубли же всегда считала такими «серыми», да их просто никогда не хватало. Доллары же, которые обожал весь мир, ей казались чужими и бездушными деньгами, и она никогда не могла запомнить курс доллара по отношению к рублю. А вот евро, которые пришли в её жизнь позже, напоминали Антигоне театральные билеты, а мелочь похожа на советские копейки… А греческая драхма стала для нее символом новой жизни, в которой она – сама себе хозяйка. Эти драхмы для неё – как бы «почётная грамота» в борьбе за выживание.

Чемодан с икрой, к всеобщей радости, нашёлся. Он прилетел из Праги с другими «потерянными» чемоданами. И, когда дома у Павлоса его открыли, и там оказались все двадцать две полукилограммовые жестяные банки с надписью «Caviar», радости ещё больше прибавилось, но греческий дядя её омрачил: «И что это за продукт, и куда его девать?»

– Продадим!– сказала Антигона с энтузиазмом коммерсантки-новичка. – И у нас будут драхмы! Ведь деньги нам не разрешили вывезти, вот мы взяли товаром…

Дядя Павлос по выходным подрабатывал в рыбной таверне в Пиреасе. А вообще-то он – государственный служащий, но Антигона так и не запомнила, чем он конкретно занимался. В этой рыбной таверне об икре знать не знали, ведать не ведали. Здесь готовили местные морепродукты и, конечно же, рыбу разных

сортов. «Всё хорошо, но я не знаю, как ты её продашь»,– сказал дядя разочарованно, после того как предложил хозяину таверны купить икру, и тот отказался взять этот заморский товар. «Но дядя, это ведь белуга! Самая лучшая икра! Нигде в мире такой нет! В Париже она стоит триста долларов килограмм, а в Японии – пятьсот!». «Что ты говоришь?! Кто же её есть будет за пятьсот долларов килограмм! На эти деньги у нас можно питаться дома свежей дорогой рыбой целый год. Мне эта икра и даром не нужна!» Антигона подарила дяде банку икры. Но никто не стал её есть. Попробовали, конечно, но вкус икры ни о чём им говорил. Для них она не пахла ни морем, ни хорошей жизнью, она была абсолютно ничем, так, разве что «закусочкой под узо». Эфи, жена Павлоса, засунула банку с оставшейся икрой в морозилку, чтоб сохранить на потом. Но там икру, конечно же, «убили», она испортилась от мороза, её выбросили, а синюю круглую железную коробочку с нарисованной на ней рыбой и надписью «Caviar» оставили для ниток с иголоками. Ни одна баночка икры в Греции не продалась! Лето, жара, ничего не оставалось, как только съесть её, и побыстрее. Так, завтрак из кусочка хлеба с маслом, сдобренных большой столовой ложкой чёрной икры, стал ежедневным удовольствием для Антигоны, её сестры и их детей. «Надо было перехать в Грецию, чтоб здесь лопаться от чёрной икры!» – смеялась сестра Мария, которая по утрам готовила завтраки.

Родственники временно поселили сестёр в пригородном посёлке, в старом доме. Завтраки, богатые белками, конечно же, очень кстати в атмосфере постоянных тревог о завтрашнем дне. «Денег у нас нет, новогреческого языка мы не знаем, работу найти не можем, но вот чемодан чёрной икры мы съедим с огромным аппетитом!» – иронично комментировала первые недели греческой жизни Антигона. В ситуации абсолютной растерянности Антигона разглядывала бутерброд перед тем, как его съесть. Рассматривала чёрно-серые шарики белужьей

игры, плотно прижатые друг к другу, удивлялась тому, как эти малюсенькие шарики стойко сохраняли целостность, не превращаясь в месиво!

Как-то утром сосед Лефтерис зашёл в гости и принёс помидоров с огорода. Славный человек Лефтрис, всё время что-то приносил, он жалел сестёр: «Я был маленьким, сам не помню всего, но мама рассказывала: когда мы приехали в Грецию беженцами из Понта, из Турции, в 1922 году, местные нам даже воды не разрешали пить из колонок. Думали, мы их заразим. Ведь мы – беженцы – глубоко несчастные, изгои, потерявшие родину навсегда. Человек, охваченный горем, хуже чумы… А вот вы – весёлые, улыбаетесь. Значит, всё наладится, всё у вас будет хорошо. «Ипомони» – терпения вам!» – успокаивал он сестер.

Антигона предложила ему кофе. Лефтерис не отказался, сел к столу и, увидев бутерброды с икрой, спросил: «А что это вы такое едите? Ягодное варенье?» «Нет, это чёрная икра, попробуйте!» – предложила Антигона. Лефтерис посмотрел на бутерброд с недоверием, понюхал его, похвалил, но есть отказался. «По утрам я только кофе пью, ничего не ем», – сказал. «А где это вы её купили? Икра, слышал, ведь очень дорогая!». «Да, очень дорогая, поэтому мы её и привезли из России», – ответила Антигона. «Девочки мои, Греция богатая страна, и тут никто не голодает!» – продолжал в недоумении Лефтерис. «Ну да, богатая, здесь всё есть, но икры-то нет. Оказывается, здесь она никому не нужна. Вот мы и решили эту икру съесть сами! А что ж делать нам, бедным иммигрантам? Ведь никто не захотел у нас её купить», – объяснила Антигона на греко-понтийском языке, который понимал и Лефтерис.

А на следующий же день все село Филиро обсуждало этих «избалованных русских, которые привезли кучу вещей в Грецию, ещё и чёрной икры себе на завтрак!» Именно это село – первое место проживания Антигоны в Греции – она стала называть «малой греческой родиной».

С тех пор прошло много лет. Все эти годы насыщены событиями, переменами, годы пролетели так быстро, словно месяцы, так, по крайне мере, казалось Антигоне.

– Что творится в вашей стране? Нам в новостях показывают пожары и анархистов! – голос из прошлого. Это её московский друг, бывший сокурсник, психолог и писатель Александр, Саша. – Я очень волнуюсь! Знаешь, как я люблю твою Грецию! – повторял он.

– Там не только анархисты, с ними много ангелов,– ответила Антигона и попробовала объяснить старому другу события, которые происходили в Афинах на пороге 2009 года, когда в затянувшихся протестах левых и уличных боях с полицией принимали участие даже школьники. Столица Греции пылала в огне, а Антигона чувствовала себя освобождённой от тягот совести. Теперь она чувствовала себя как в суде, но оправданной. В последнее время она уже не радовалась, а больше переживала за то, как устроилась её жизнь в Греции. Друзья, компании, беспечная болтовня за чашечкой кофе. Прекрасное времяпрепровождение, без переживаний о преданных жизненных принципах, идеях. Ей уже не нравилось её новое «я», она стала, как и все вокруг, думать только о деньгах, а вот о духовном... Духовное куда-то ушло на второй, на третий, на дальний план. И сейчас она почувствовала единение с греческой молодежью, которая объявила войну коррумпированным местным политикам, Евросоюзу и мировому капиталу. Молодежь без страха принимала участие в уличных боях с полицией. Антигона видела: совесть у людей в этой стране не пропала, она только спряталась на некоторое время.

– Из Греции потянется общеевропейская революция!– пророчествовал Саша.

– Да нет же, это просто события… Греки ведь не могут жить без агоны – борьбы.

– Все большие события начинаются вот так «просто»,– возражал писатель. Антигона знала: и он, её друг, также рад за греков,

сам последние годы ощущал себя виноватым перед самим собой. В последние годы всё чаще и чаще встречался с депрессивными и истеричными нуворишами, которые, достигнув изобилия, пытались найти смысл жизни в якобы духовном, искали, но мало кто находил спасения. А Саша умел их успокаивать, давал им надежду, за которую они ему хорошо платили. Так он заработал квартиру в центре Москвы и готовился уже купить недвижимость в Греции, на берегу моря, как ему хотелось. Антигона, слушая по телефону волнения московского друга о судьбе Греции, чувствовала: сердце её переполнено теплом и заботой. Она уже полюбила эту маленькую страну, Грецию. Она любила этих людей, которые не боялись смерти и любили Бога.

Везучесть Путина

...Всё вокруг сверкает золотом, и огромный глаз иллюминатов над троном с длинными ресницами – лучами из золота, смотрит на меня. Это я в Тронном зале Кремля. Хожу по залу, всё рассматриваю и восхищаюсь красотой и блеском. И вдруг из двери напротив выходит Путин. Идёт он лёгкой походкой, улыбается и – прямо ко мне. Но в зале, кроме меня, никого и нет. Мы встретились, слегка обнялись, как старые друзья. Заговорили. Во время разговора Путин улыбается мне, но я не слышу наших голосов, как будто бы звук выключили. Пытаюсь прислушаться, понять, о чём же я говорю с президентом. Но вот разговор наш подошёл к концу, Путин тепло прощается со мной. Потом он поворачивается и уходит в ту же дверь. Уходит слегка покачивающейся, но твёрдой походкой спортсмена. Неожиданно появляется моя сестра Мария с фотоаппаратом. «Ну, то же ты меня не сфотографировала. Ведь мы так долго общались!» – набрасываюсь я на неё. «Но я ведь не знала, можно ли здесь фотографировать. Это же был сам президент! И спросить некого!» – оправдывается сестра. Тут-то я проснулась. Рита, попивая кофе, с интересом слушала сон Антигоны, увиденный прошедшей ночью. Рита не умела разгадывать снов, но здесь всё и так ясно: если во сне много золота и президент, это всегда к добру!

– А, может, всё-таки ты это придумала? – спросила, хитро улыбаясь, Рита.

– Кто знает? Может, всё это придумало моя ночное «я», сон-то мне приснился под утро, поэтому и запомнился в деталях, – предположила Антигона, несколько недовольно…. Она понимала: сон хороший, но вот к чему он ей приснился такой живой, как художественный фильм, пока она ещё не знала. Через пять дней президент России должен прибыть в Грецию с первым официальным визитом в эту страну, и, конечно же, как журналист, Антигона размечталась об интервью с ним. Но она

знала: её желание не исполнимо в реальности, поэтому решила просто помечтать и даже не попыталась обратиться в посольство России. На третьем гостелеканале ERT3 распечатали план посещения российского президента в субботу города Салоники и Святой Горы Афон. Все писали: поездка-паломничество к Святой Горе станет самым ярким событием визита. В Афон никогда не приезжали российские правители, даже цари, которые выделяли испокон веков большие деньги из казны на строительство русского монастыря. Но все знали: святогорские монахи мало кого к себе пускают.

Антигона предложила директору службы новостей сопроводить политического редактора Никоса, аккредитованного в аэропорту, на церемонию встречи: «Посмотреть на живого Путина хочу!» – призналась она. Директор пожал плечами, мол, езжай: «Только без аккредитации могут тебя не пропустить. Посмотришь на его самолет», – предупредил он шутливо. Антигона работала редактором и ведущей недельной получасовой телепередачи с новостями и репортажами на русском языке «Хроника». Банальное название, конечно, но привычное, ей это слово нравилось: оно греческое на самом деле, звучит также, только с ударением на «а» – хроникА. Ей теперь оставалось освободить себе первую половину субботы – у неё в это время монтаж. Антигона попыталась поменяться сменой с коллегой из другой телепередачи. Но тот ей отказал: мол, сына отвозит в это время в бассейн. «Не судьба, – подумала она. – Ну да ладно! Значит, никуда и не поеду!» Вечером в ту же пятницы прошла студийная запись её телепередачи, которая выходила в эфир по воскресеньям в два часа дня. Антигона проговорила все тексты, как всегда, не мучая капризами ни режиссера, ни съемочную группу, хотя ей опять не понравилось освещение, да и выговорила она не всё так хорошо, как бы хотелось.

– А завтра Путин приезжает к нам! Ты-то возьмёшь у него интервью? – спросил с серьёзным видом Йорго, режиссер передачи.

– Конечно, возьму интервью! – пообещала Антигона.

– А мы и не сомневались! Так давай, снимем пролог к интервью, ведь завтра у тебя нет студийной записи! – предложил режиссер.

– А я уже готова! Записывай! – вскрикнула шутливо Антигона, вернулась быстро к плато, села за дикторский стол и без запинки проговорила, выдумывая на ходу «новость», да так чётко, как будто читала готовый текст: «Президент России Владимир Владимирович Путин завершил трёхдневный первый визит в Грецию посещением Салоник и Святой Горы Афон, где он в Святопантелеймоновом монастыре осмотрел собор и библиотеку. В тот же день российский президент ознакомился с исторической частью города Салоники. Находясь в Салониках, президент России дал небольшое интервью нашей телепередаче, в которой отметил важность российско-греческих отношений в геополитическом развитии региона, а также поздравил с наступающим Новым годом граждан страны и иммигрантов–выходцев из республик бывшего Советского Союза и России, проживающих в Греции». Несмотря на то, что никто на третьем гостелеканале не понимал русского языка, все сразу оживились, а оператор Михалис захлопал даже в ладоши. Он был коммунистом и любил СССР, сожалел об его развале. Михалис часто мучил Антигону разговорами про коммунистическую страну, которую «все предали». «Передай Путину, что он хороший парень! Только на него и вся надежда!» – сказал он. Антигона тоже повеселела от этого фарса, но ничего не ответила Михалису. Что-либо передать Путину она так или иначе не сможет, да и вообще она равнодушна к нему. Что-то ей мешало. Но потом всё же разобралась, поняла: она за него всегда сильно переживала. Когда президент выступал по телевидению, видела: эмоциональный и чувствительный человек пытается на публике выглядеть хладнокровным, и это не так-то легко ему удавалась. Именно поэтому в Греции с непосредственными местными людьми Путин провёл время хорошо, это заметно по его лицу. Он много шутил и даже на пресс-конференции сказал: «услышал много добрых слов», но ещё важнее – увидел «радостные приветливые лица жителей Афин».

Наступила суббота – день прибытия Путина в город. Холодно, облачно. Надутые снежные облака еле дышали, им так хотелось высыпать снег на город, но что-то пока их сдерживало: в итоге они решили разрядиться над Святой Горой, где наснежило неожиданно. Этот декабрьский зимний день оказался колючим, неулыбчивым и напряжённым. Антигона пришла на работу к десяти утра. Начиналась её смена в монтажной студии. Никос со съёмочной группой уже выехал в аэропорт даже раньше назначенного времени. «Поменяли час прилёта Путина», – предупредил директор службы новостей. Антигона расстроилась: «Что же так? Могли бы и позвонить!» Разговор перебил Вадим, коллега из афинской русскоязычной газеты, который звонил на мобильный.

– К вам Путин летит. Дашь нам репортаж? И интервью, если возьмёшь… хорошо?

– Да ты что?! Какое интервью, там не подступиться! Вы как сговорились все! У меня даже аккредитации нет! – возмутилась Антигона, но всё же приятно – коллега считает её всемогущей.

– Да ладно, не сердись! Я на всякий случай! Но если что, не забудь нас, ведь мы не конкуренты! – не отставал Вадим. У Антигоны пропало всякое желание монтировать «Хронику». «Могли бы всё же позвонить, пришла бы пораньше, когда ещё будет у меня такая возможность увидеть Путина!» – загрустила она. Тут-то опять появился директор: «Давай, езжай сейчас в аэропорт вместе с водителем. Привезёшь пленку с записью прилёта президентов, и заодно, если повезёт, посмотришь на Путина!» Недолго думая, Антигона схватила сумку с длинным ремешком, пальто и берет. Всё это моментально натянула на себя и почти что нырнула в автомобиль, ожидающий её во дворе .

В зале ожидания аэропорта с трудом помещалась огромная толпа журналистов с камерами и фотоаппаратами. Антигона увидела знакомые лица и даже приветливо помахала некоторым рукой. Но не приостановилась поболтать, пошла к выходу на взлётную площадку аэропорта. Дверь там настежь открыта, а у поста – никого! Антигона хотела спросить, куда ж ей двигаться

дальше, но никого не нашла. Посмотрела по сторонам и только вдалеке увидела нескольких мужчин, перебирающих от холода ногами. Она почти что побежала к ним, в надежде найти коллегу Никоса. Его там не было, и Антигона встала рядом с высоким молодым мужчиной в очках. Незаметно для него, она стала рассматривать Высокого, увидела его доброе улыбчивое лицо и решила остаться рядом. В людях чуть поодаль узнала посла России и генкосула. Рядом с ними перетаптывался, посматривая постоянно на часы и дрожа от холода, министр Северной Греции. Были там и другие незнакомые ей лица. Людей – совсем мало, и всем – холодно. «Непонятно, почему так скромно встречают его», – подумала Антигона и в тот же момент услышала гул приземляющегося самолета президента Греции. Министр подбежал к трапу, подал руку и увёл его в зал ожидания для официальных лиц. «А где же Путин?» – спросила с удивлением Антигона Высокого. «Да, вот сейчас прилетит на своем самолете…» – пояснил тот. Прошли две – три минуты, и Антигона решила разрядить холодную атмосферу словами: «А вы, простите, кто здесь?»

– Я? Я помощник президента по связям со СМИ.

– Ах, так! Неожиданно, но приятно! Вы-то мне как раз и нужны! Я работаю на гостелевидение. Мне бы хотелось задать один-два вопроса президенту!

Высокий с удивлением посмотрел на Антигону.

– Вы понимаете, – сказал он с явной иронией, – это просто невозможно! Во время официальных визитов все интервью согласовываются минимум за месяц до визита.

– Да... – разочарованно протянула Антигона. «Жаль!» – повторила она. Но что-то заставило её не сдаваться:

– Извините! Но знаете, как только президент прилетит, вы ему передайте, пожалуйста, у него есть возможность дать нам интервью! Я просто уверена: ему понравится эта идея. Вы только скажите ему об этом! Скажите также: в Греции проживает много греков – выходцев из СССР, почти все они – патриоты России! Многие из них смотрят мою передачу!

Высокий удивлённо, но уже с интересом смотрел на Антигону.

– Да и местные греки к нему относятся хорошо… – не отставала Антигона, вспомнив оператора Михалиса. – Вы ему всё это и передайте!

Высокий, не скрывая удивления, спросил её, кто же она такая. Антигона представилась, потом решила дать визитную карточку, но в большой сумке она не нащупала портмоне, и визитка там и не нашлась.

– А вас как зовут? – поинтересовалась она.

– Александр Иванович Попов, – представился Высокий. В этот момент приземлялся в аэропорту величественный «Ил-96» с Путиным на борту. Президент сошёл с трапа, министр Северной Греции вручил ему букет цветов, они обменялись рукопожатием и вместе быстро зашагали к залу ожидания для высоких гостей… Вот тут-то Путин увидел Антигону. Путин шёл лёгкой спортивной походкой и, когда он почти что приблизился к ней, окинул всю её взглядом, мол: «кто такая?» Антигона засомневалась: может быть, он всё же смотрит не на неё? Повернулась, Александра рядом уже нет. Путин шёл и продолжал ей улыбаться, Антигона набралась смелости и тоже открыто посмотрела на президента, прямо в глаза ему и улыбнулась ему. Ей показалось: они давно знакомы, когда-то уже смотрели друг на друга… вот так тепло, но издалека.

Наконец подошёл Александр, и Антигона выпалила: «Ой, мне понравился президент! Признаюсь, я никогда не была его поклонницей! Но оказалось, он ведь просто симпатяга!» Потом она замешкалась, понимая: говорит лишнее и совершенно некстати: «Александр Иванович, извините, я с вами прощаюсь! На Путина посмотрела, теперь мне надо на работу!» Руку она постеснялась подать первой, и Александр не подал руки, он смотрел на неё задумчиво… Не успела Антигона повернуться, чтобы уйти, как услышала:

– Антигона, постойте! Мы тут подумали и решили дать вам интервью. Владимир Владимирович не поедет на Святую Гору

из-за нелётной погоды. Поедем на экскурсию в Вергину смотреть золото македонцев, и где-то после трёх дня вы сможете задать ему два– три вопроса. Давайте обменяемся телефонами и будем на связи.

Антигона такого исхода не ожидала, хотя где-то внутри вовсе и не удивилась. Происходило что-то исключительно нереальное, но имело место в действительности. С Александром быстро обменялись телефонами и обговорили вопросы, которые она хочет задать президенту. «И где же мои выплески восторга и радости от такой неожиданной удачи?» – подумала она и почувствовала: ноги у неё окоченели от холода. Решила, перед тем как уехать, зайти в ВИП-зал погреться, а заодно посмотреть, что там происходит. Но туда её пустили, потребовав карточку аккредитации. Выписать карточку надо у входа, у той самой двери, которая полчаса тому назад оставалась открытой. Там уже сидел полицейский, но в списках не нашёл её фамилии и попросил документы. Вот тут-то, к своему ужасу, Антигона обнаружила, что оставила дома документы. У неё не было с собой ни паспорта, ни журналистского удостоверения, ни даже водительских прав.

– Извините, но у меня нет документов с собой… – полицейский пожал плечами: мол, я-то тут причём?

– Да ладно, я лучше пойду, мне пора на работу, опаздываю! – пробормотала она и выскользнула в дверь. Полицейский лениво посмотрел ей вслед, ему не хотелось выяснять отношения с этой молодой симпатичной женщиной без документов, которую он видел рядом с русскими в течение получаса на аэродромной площадке. Всё в этот день складывалась как по расписанию. Антигона, несмотря на опоздание, успела смонтировать телепередачу. Но вначале она не попросила, а потребовала выделить ей съемочную группу для интервью с президентом России. Директор ей не поверил, стал задавать кучу вопросов, на которые Антигона не могла даже ответить толком, так как сама не понимала, что происходит. Но, решив, что от Антигоны можно всего ожидать, он всё же выделил ей съёмочную группу.

Интервью, как и было оговорено с Александром Ивановичем, состоялась в центральной городской гостинице – «Македония Палас». Это произошло после экскурсии Путина в древнюю столицу македонцев – Вергину, которая его заинтересовала. Президент целых сорок минут внимательно и с интересом слушал историю царя Филиппа Второго и его сына Великого Александра. Антигона волновалась, но волнение её спряталось где-то глубоко, да так, что даже никому не незаметно. После того, как Путин отобедал с президентом Стефанопулосом, при выходе из ресторана он остановился на лестничной площадке седьмого этажа, там его ждала Антигоны и президентская команда. Антигона держала в руках микрофон на шнуре, так, что оказалась рядом с президентом. Лицом к лицу. «Владимир Владимирович», – так она обратилась по совету Александра, ответил с радостью на все три её вопроса. Может быть, обед – греческая кухня – оказался по вкусу президенту, а может, из чистого золота венцы македонцев четвёртого века до нашей эры произвели впечатление на правителя России, да и сам симпатичный президент Стефанопулос, но Путин – спокоен, открыт. Он смотрел ей в глаза с любовью, Антигона не стала отводить взгляда, хотя нелегко смотреть в глаза президенту … Но этот взгляд ей уже знаком… Это тот самый искренний взгляд, каким люди смотрят друг на друга, когда им нечего скрывать. Интервью длилось всего лишь минут пять, но каждая минута, переходя из настоящего в прошлое, становилась историей, может, не важной для президента, но важной для Антигоны.

Когда всё закончилось, Путин продолжал улыбаться, он как бы мысленно даже обнял Антигону, мол, «очень рад», потом повернулся и ушёл лёгкой спортивной походкой. Фотоаппарат президентского фотографа продолжал щёлкать вспышками. Антигоне захотелось попросить прислать ей хоть одну фотографию с президентом, у неё, как оказалось, в этот раз нет с собой даже маленького фотоаппарата, с которым обычно она не расставалась. Но почему-то не осмелилась заговорить с фотографом.

– Антигона, ну вы везучая! Вы хоть понимаете, что произошло? – услышала она сзади спокойный, довольный голос Александра.

– Да, конечно же! Понимаю, Александр Иванович! Спасибо вам большое! Думаю, и Владимиру Владимировичу тоже повезло, ведь сколько наших людей услышат его сегодня в новостях!

Александр не ответил, но продолжал улыбаться, глядя на Антигону. Наверное, он и сам ещё не понимал, почему согласился на это неожиданное непротокольное интервью.

В тот же день в вечернем выпуске новостей ведущая с явной гордостью сообщила телезрителям об эксклюзивном интервью президента России Владимира Путина третьему государственному телеканалу. Интервью показали полностью с открытым звуком, перевод – в субтитрах. Сразу же после новостей позвонил коллега Вадим:

– Я же знал! Я же тебе говорил, что ты возьмёшь у него интервью. Пришли нам текст! Но только мы напишем, что это эксклюзив для нашей газеты, ты не против?

– Но ведь это неправда! Никто знать не знает про вашу газетёнку! Это интервью принадлежит мне и Путину, потому что всё произошло волшебным способом! – ответила Антигона, хотя на самом деле ей совсем не жалко поделиться волшебным интервью. Антигона вспомнила утренний звонок Вадима. «Действительно, откуда же он мог знать, что интервью случится, если даже она сама ничего не знала? А дверь-то на взлётную площадку нараспашку, а там никого… даже обыкновенного постового…» – вспомнила она, возвращаясь поздно вечером домой. Её радость неожиданно сменилась грустью, непонятно почему настигшей её. Ложась спать, она пообещала – впредь перестанет беспокоиться о будущем: «Всё в жизни случается в тот самый час и в том самом месте, куда сам Бог нас приводит, держа нас за руку, как родитель, который ведёт дитя поиграть в песочнице…» – подумала она и мгновенно заснула.

В журналистских кругах пошли слухи: у Антигоны – большие связи в Кремле, возможно, она даже лично знакома с самим Путиным. Можно было поддержать эти слухи, тем более, они прибавляли ей авторитета, но Антигона не любила неправды, даже в шутку.

– Всё это пустые разговоры! – оправдывалась она перед коллегами. – Всё дело случая! Нет у меня никаких связей в Кремле! Мне просто повезло! Такое бывает, ведь вы верите в волшебство, в чудо? Оно ведь иногда случается! Поверьте, это простое везение…

Но ей никто так и не поверил.

Конец

Оглавление

Предисловие 5
Бабка Лемона уходит в Рай 8
Тетя Соня, дядя Коля и их свинья Катька.....12
Маленький Сталин 22
Как дядя Костя плюнул в Ленина.....31
Отец Ваня.....37
Бабушка Мария, Сталин и сибирский кот.....49
Инжирное варенье.....56
Валя, её велосипед и любовь Вани.....64
Ахиллес и Ворошилов.....75
Театр Ахиллеса.....80
Тайное общество «Педагогическая этерия» 84
Мальчик Костя и Шеварднадзе.....92
Мой двоюродный брат король Константин 94
Свадьба «25 Марта».....99
Бабушка-расистка 108
Гомер и Мария Каллас.....114
КПСС и почка Антигоны 119
Чемодан чёрной икры 128
Везучесть Путина.....141

София Прокопиди

Бабка Лемона уходит в Рай

и другие рассказы Антигоны

Издатель – Светлана Арскова
Художник – Лия Элефтериаду
Редактор – Лола Звонарёва
Корректор – Дарья Бахтинова
Вёрстка – Натальи Паниной
Обложка – Владимира Арбекова

Издательство ООО «Нонпарелъ»
www.litznak.ru
Подписано к печати 24.06.2016
Формат 60x90/16. Печ. л. 9,5
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в типографии ООО «Нонпарелъ»

ISBN 978-5-9903549-2-0